This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

HDI
HL 1P3R G

A 3
O duchovnosti zaslechanu

Bd. Dec. 1929

HARVARD LAW LIBRARY

Received MAR 20 1929

ДУХОВНОМЪ ЗАВѢЩАНІИ

ФРИДРИХСГАМСКАГО КУПЦА

К. В. БѢЛЯЕВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи д-ра М. Хана, Графскій переулокъ № 5.
1871.

MAR 20 1929

231

Въ числѣ дѣлъ, обратившихъ на себя въ послѣднее время наибольшее общественное вниманіе, до сихъ поръ еще остается на первомъ планѣ дѣло о духовномъ завѣщаніи Бѣляева, возбужденное со стороны лицъ, претендующихъ на наслѣдство оставшагося послѣ него, будто бы, громаднаго состоянія.

Вниманіе это преимущественно было возбуждено тѣми слѣдовавшими одна за другою статьями, которыя, съ самою постоянною настойчивостью печатались не только въ наиболѣе распространенныхъ русскихъ газетахъ, но и въ петербургскихъ корреспонденціяхъ иностранныхъ газетъ.

Къ сожалѣнію, всѣ эти статьи исходили изъ одного весьма пристрастнаго источника — именно отъ лицъ, преслѣдующихъ въ этомъ дѣлѣ свои интересы, и, повидимому, поставившихъ себѣ задачей, во что бы то ни стало увѣрить общественное мнѣніе въ подложности означеннаго духовнаго завѣщанія, лишившаго ихъ возможности наслѣдовать громадное, по ихъ словамъ, Бѣляевское богатство.

Такимъ образомъ дѣло это представлено въ крайне преувеличенномъ и искаженномъ видѣ, и большинство заинтересованной имъ публики введено въ заблужденіе. Ему остается неизвѣстнымъ даже и то обстоятельство, что лица, такъ громко вопіющія о попраніи ихъ наслѣдственныхъ правъ, суть люди совершенно чуждые покойному Бѣляеву и несостоящіе съ нимъ ни въ какомъ родствѣ.

Въ дѣйствительности дѣло это происходило слѣдующимъ образомъ:

Покойный Бѣляевъ, во время своей молодости, когда еще онъ не имѣлъ рѣшительно ни какого состоянія, поступилъ на службу къ одному изъ извѣстнѣйшихъ капиталистовъ въ Петербургѣ, коммерціи совѣтнику Ивану Ѳедоровичу Мясникову, писцомъ въ его

контору. Сначала онъ былъ на посылкахъ. Впослѣдствіи, Мясниковъ, замѣтивъ въ немъ хорошія способности къ коммерческимъ дѣламъ, постепенно сталъ поручать Бѣляеву болѣе серьезныя занятія и наконецъ, сдѣлавъ его комиссіонеромъ, ввѣрилъ ему въ управленіе часть своихъ дѣлъ, которыми Бѣляевъ и управлялъ до самой своей смерти.

Дѣла Мясникова состояли въ огромныхъ коммерческихъ предпріятіяхъ; въ нихъ непрерывно обращались весьма значительныя денежныя суммы,—и здѣсь-то былъ источникъ обогащенія Бѣляева, изъ котораго въ настоящее время, со стороны лицъ, претендующихъ на наслѣдство его, проистекаютъ всѣ притязанія къ наслѣдникамъ Мясникова.

Мясниковъ умеръ въ Петербургѣ въ 1855 году, оставивъ послѣ себя огромное состояніе, заключавшееся въ дѣлахъ, имуществѣ и наличномъ капиталѣ. Въ это время внуки и прямые наслѣдники покойнаго, Иванъ и Александръ Мясниковы были въ отсутствіи— первый въ Смоленскѣ, другой въ Севастополѣ. Въ день смерти Мясникова при немъ находился одинъ Бѣляевъ, и, какъ повѣренный его, принялъ всѣ оставшіяся послѣ него дѣла и капиталы.

Наслѣдники Мясникова также уполномочили Бѣляева на управленіе наслѣдованнымъ ими отъ дѣда ихъ состояніемъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ сдѣланъ былъ опекуномъ, надъ малолѣтними сонаслѣдниками Мясниковыхъ и оставался въ этомъ званіи до самой своей смерти, почему въ числѣ письменныхъ дѣлъ его находились и дѣла относившіяся до интересовъ Мясниковыхъ.

По смерти Бѣляева вдова его предъявила духовное завѣщаніе, составленное 10-го мая 1858 года, подписанное свидѣтелями, и самимъ имъ, при жизни его, собственноручно ей переданное. По силѣ этого духовнаго завѣщанія все имѣніе умершаго, движимое и недвижимое (за исключеніемъ нѣкоторыхъ незначительныхъ выдачъ, точно поименованныхъ) предоставлялось женѣ его Екатеринѣ Васильевнѣ Бѣляевой; Мясниковымъ же въ этомъ завѣщаніи никакого назначенія не сдѣлано: имъ не было завѣщано ни одной копѣйки и даже имени ихъ не упомянуто.

Вдова Бѣляева представила это завѣщаніе во 2-й департаментъ с.-петербургской палаты гражданскаго суда къ надлежащему утвержденію. Палата вызвала и допросила переписчика и свидѣтелей, и по утвержденіи ими, въ особомъ отобранномъ отъ нихъ до-

просѣ, подлинности завѣщанія, постановленіемъ своимъ 6-го ноября 1858 года завѣщаніе это засвидѣтельствовала.

Затѣмъ духовное завѣщаніе представлено было Бѣляевою въ 1-й департаментъ с.-петербургской палаты гражданскаго суда ко вводу во владѣніе, который и учиненъ былъ по особому постановленію палаты.

Ни при явкѣ духовнаго завѣщанія къ засвидѣтельствованію, ни при явкѣ его ко вводу во владѣніе, ни отъ кого никакого спора, ни противъ подлинности этого акта, ни противъ законности завѣщательныхъ распоряженій, предъявлено не было; а затѣмъ, по силѣ т. X, ч. I, ст. 1098 и ч. II, ст. 81, всякій споръ противъ духовнаго завѣщанія могъ быть начатъ и производимъ не иначе, какъ въ порядкѣ апелляціоннаго тяжебнаго производства.

Между тѣмъ въ числѣ лицъ, служившихъ при жизни Бѣляева писцами и конторщиками по управляемымъ имъ дѣламъ Мясникова, находился козьмодемьянскій мѣщанинъ (нынѣ с.-петербургскій купецъ) Александръ Ѳедоровъ Красильниковъ. По смерти Бѣляева, когда дѣла Мясниковыхъ поступили въ ихъ непосредственное распоряженіе, Красильниковъ былъ устраненъ Мясниковыми отъ всякихъ занятій по ихъ дѣламъ, и потомъ имѣлъ съ ними непрерывныя тяжбы. Такимъ образомъ сдѣлавшись врагомъ Мясниковыхъ, Красильниковъ сталъ распускать слухи о составленіи, будто бы ими подложныхъ отъ имени Бѣляева сохранной записки и духовнаго завѣщанія. Съ такимъ заявленіемъ (какъ видно изъ собственнаго его показанія) [1]) сначала обратился онъ къ полковнику корпуса жандармовъ Ракѣеву, потомъ вызвалъ изъ Перми сына родной сестры Бѣляева, мѣщанина Ивана Мартьянова, который вслѣдствіе этого вызова и сообщенныхъ ему отъ имени Красильникова свѣденій, лѣтомъ 1859 года прибылъ въ Петербургъ и подалъ доносъ на Мясниковыхъ шефу жандармовъ. Но доносъ этотъ, по несостоятельности его, конечно подтвержденной собранными справками, не былъ принятъ въ уваженіе. Послѣ этого Мартьяновъ по довѣренности матери своей, сарапульской мѣщанки Надежды Васильевой Мартьяновой, предъявилъ въ 1-й департа-

---

[1]) Показаніе Красильникова изъяснено въ приложенной здѣсь копіи съ протоколовъ судебнаго слѣдователя Макалинскаго. Ср. протоколъ 8 іюля 1868 г.

*

ментъ с.-петербургской палаты гражданскаго суда первоначальный искъ о подложности означеннаго духовнаго завѣщанія. Но искъ этотъ за смертію Мартьянова былъ прекращенъ. Тогда по довѣренности ея же Мартьяновой, сарапульскій купеческій сынъ (нынѣ царскосельскій купецъ) Иванъ Алексѣевъ Ижболдинъ предъявилъ въ тотъ же 1-й департаментъ палаты новый искъ 20 іюля 1861 года, и по его исковому прошенію было начато тяжебное производство въ установленномъ закономъ порядкѣ. Между тѣмъ довѣрительница его Мартьянова умерла, не бывъ утверждена палатой въ правахъ на наслѣдство послѣ Бѣляева.

Послѣ смерти Мартьяновой открылось духовное завѣщаніе, по которому она все свое имѣніе предоставила въ собственность означенному повѣренному ея Ижболдину, женѣ его Аннѣ Алексѣевой Ижболдиной и купеческой женѣ Зоѣ Николаевой Пошехоновой.

По этому духовному завѣщанію Ижболдины и продолжали означенное дѣло, начавшееся какъ выше показано въ 1-мъ департаментѣ с.-петербургской палаты гражданскаго суда 20 іюля 1862 года.

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что этотъ Ижболдинъ, являющійся прежде повѣреннымъ Мартьяновой въ возбужденномъ по иниціативѣ Красильникова дѣлѣ, а потомъ пріемникомъ правъ своей довѣрительницы, на основаніи оказавшагося послѣ смерти ея духовнаго завѣщанія, находился и теперь находится въ самыхъ ближайшихъ связяхъ съ Красильниковымъ, имѣлъ съ нимъ, какъ показываетъ самъ Красильниковъ денежные счеты, а изъ показанія одного съ ихъ же стороны выставленнаго свидѣтеля открылось, что *Ижболдина содержалъ для этого дѣла Красильниковъ*. Къ нимъ присоединился въ качествѣ повѣреннаго Ижболдина коллежскій секретарь Германъ, человѣкъ безъ письменнаго вида проживавшій въ Петербургѣ, имѣющій весьма сомнительную репутацію, о которомъ самимъ имъ представленный свидѣтель показалъ [1]), что онъ, Германъ, извѣстный во всемъ околодкѣ пьяница, рѣдко бываетъ трезвъ и въ кабакахъ, припутывая кабатчиковъ къ наслѣдству Ижболдиныхъ, выманивалъ у нихъ деньги.

Этотъ-то Германъ, въ качествѣ повѣреннаго Ижболдина, снача-

---

1) Ср. Копію съ протокола судебнаго слѣдователя Макалинскаго 12 іюля 1868.

ла сдѣлалъ доносъ Шефу Жандармовъ о фальшивости духовнаго завѣщанія Козьмы Бѣляева и составленной отъ имени его подложной сохранной росписки; потомъ обращался съ такими же извѣтами къ С.-Петербургскому Военному Генералъ-Губернатору, Министру Внутреннихъ Дѣлъ, Министру Юстиціи и Министру Финансовъ. Но всѣ эти извѣты признавались неосновательными и вдова Бѣляева въ теченіи девяти лѣтъ оставалась полною владѣтельницею завѣщаннаго ей мужемъ ея имѣнія.

Наконецъ, Германъ подалъ доносъ Прокурору С.-Петербургскаго окружнаго суда. Вслѣдствіе чего произведено было, на основаніи 311 и 312 ст. уст, угол. суд. дознаніе, которое не обнаружило никакихъ доказательствъ въ достовѣрности объвиненія, и потому, какъ не представившее основаній къ начатію слѣдствія, оставлено Прокурорскимъ надзоромъ безъ дальнѣйшаго производства.

Тогда Ижболдины подали отъ себя жалобу Прокурору окружнаго суда и представившись въ качествѣ гражданскихъ истцовъ, потерпѣвшихъ отъ преступленія, обвиняли Мясниковыхъ въ подложномъ составленіи отъ имени Бѣляева духовнаго завѣщанія и сохранной росписки. Самую суть своего обвиненія они основывали на слѣдующихъ соображеніяхъ: что Мясниковы будтобы пожелали воспользоваться состояніемъ Бѣляева, умершаго безъ прямыхъ наслѣдниковъ, что для достиженія этой цѣли они составили отъ имени Бѣляева подложную сохранную росписку въ 272.000 рублей и подложное духовное завѣщаніе въ пользу вдовы покойнаго Екатерины Бѣляевой, съ которою они вошли въ сдѣлку, состоящую въ томъ, чтобы она изъ оставшагося послѣ Бѣляева капитала сдѣлала имъ уплату по означенной подложной роспискѣ.

По этой жалобѣ Ижболдиныхъ Прокурорскій надзоръ поручилъ судебному слѣдователю Макалинскому произвести предварительное изслѣдованіе, къ которому онъ и приступилъ въ іюлѣ 1868 года.

Отъ всѣхъ представленныхъ Ижболдиными лицъ, отобраны были судебнымъ слѣдователемъ въ присутствіи самаго Ижболдина и нѣсколькихъ его повѣренныхъ, подробныя показанія, а черезъ приглашенныхъ экспертовъ произведено было сличеніе подписи Бѣляева на духовномъ завѣщаніи съ подписями его на другихъ документахъ.

Когда слѣдствіе приближалось къ окончанію, Ижболдинъ во-

шелъ къ судебному слѣдователю съ прошеніемъ, въ которомъ, на основаніи сдѣланнаго имъ изложенія обстоятельствъ дѣла, привлекалъ къ уголовной отвѣтственности вдову Бѣляева и просилъ наложить на имѣніе ея, а равно и на имѣніе Мясниковыхъ въ суммѣ 4.500.000 рублей запрещеніе, впредь до разрѣшенія дѣла по существу.

Разсмотрѣвъ это прошеніе и сообразивъ его съ раскрытыми уже производимымъ изслѣдованіемъ обстоятельствами, судебный слѣдователь не нашелъ законныхъ основаній къ удовлетворенію требованія Ижболдина и въ просьбѣ его отказалъ.

Не достигнувъ успѣха въ своемъ не законномъ домогательствѣ, имѣвшемъ цѣлью чрезъ наложеніе на имѣніе Мясниковыхъ запрещенія, повергнуть ихъ въ крайне стѣснительное положеніе, долженствовавшее оказать разорительное вліяніе на ихъ дѣла и состояніе, Ижболдинъ прибѣгнулъ къ другимъ мѣрамъ, для того, чтобы представить настоящее дѣло въ возмутительнѣйшихъ чертахъ, и такимъ образомъ возбудить противъ Мясниковыхъ общественное мнѣніе.

Очевидно съ такою цѣлію, сначала въ «Новомъ Времени» появилась статья, возвѣщающая о дѣлѣ Мясниковыхъ слѣдующими словами: «Носились также на дняхъ слухи о возобновленіи извѣстнаго и запутаннаго дѣла наслѣдниковъ Бѣляева съ Мясниковыми, въ которомъ даже *обнаружены* подлогъ документовъ и попытка *къ отравленію прямаго наслѣдника*. Сумма иска должна быть громадна, если принять въ соображеніе, что обвиненные, какъ говорятъ, пригласили для своей защиты шесть повѣренныхъ, обязуясь заплатить каждому по 75.000 руб. вознагражденія.»

Вслѣдъ затѣмъ въ «Петербургской Газетѣ,» появилась статья, въ началѣ которой изъ слова въ слово повторялось заявленіе «Новаго Времени,» потомъ доводилось до свѣдѣнія публики, что исторія Бѣляевскаго дѣла, будто бы ярко обрисовываетъ то тяжелое время, которое Россіей пережито и къ которому она — слава Богу уже не возвратится, что въ теченіи 10-ти лѣтъ законные наслѣдники вели неустанную борьбу, добиваясь производства слѣдствія, но едва, едва успѣли въ этомъ только недавно; что въ десяткахъ прошеній поданныхъ по дѣлу о сказанномъ наслѣдствѣ, они обвиняли обладателей милліоновъ въ захватѣ чужаго имущества, въ поддѣлкѣ

актовъ, въ утайкѣ казеннаго интереса и даже какъ сообщаетъ «Новое Время» въ отравленіи; далѣе въ «Петербурской газетѣ» описывалось, что покойный Бѣляевъ обладалъ огромнымъ состояніемъ, имѣлъ громадныя дѣла чуть не по всей Россіи, носилъ бриллiантовый перстень въ 25 т. р. и такія же запанки по 3 т. руб. каждая, что нашедшимся духовнымъ завѣщаніемъ (подложность котораго доказывается наслѣдниками) все отказано женѣ Бѣляева и она уступила все имущество Мясниковымъ только за 392,653 руб,

Чрезъ нѣсколько дней послѣ напечатанія означенной статьи въ «Петербургской газетѣ,» явилась въ ней подъ заглавіемъ «Письмо къ редактору» статья самаго Ижболдина, которую онъ начинаетъ выраженіемъ своей увѣренности, что редакторъ, въ виду процесса, заключающаго въ себѣ много интереснаго для публики, не откажется помѣстить нѣкоторыя свѣдѣнія по этому дѣлу, основанныя на подлинныхъ документахъ, Но далѣе въ «письмѣ къ редактору» ни на какіе подлинные документы не указывается. Въ немъ повторяется тоже голословное словоизверженіе, какимъ исполнена была и первая статья въ «Петербурской газетѣ». Очевидно, Ижболдинъ хотѣлъ только бросить въ публику громкую фразу о подлинныхъ документахъ, преслѣдуя все туже цѣль: возбудить противъ Мясниковыхъ общественное мнѣніе.

Вслѣдъ затѣмъ пущены были въ публику со стороны Ижболдина въ видѣ брошюръ особыя сказанія, озаглавленныя слѣдующими словами—первое: «*Историческое изложеніе по дѣлу о подложныхъ духовномъ завѣщаніи и сохранной роспискѣ, составленныхъ отъ имени фридрихсгамскаго первостатейн. купца Козьмы Васильевича Бѣляева;*» второе: «*Выписка изъ произведеннаго по распоряженію прокурора С.-Петербургскаго Окружнаго суда судебнымъ слѣдователемъ гор. С.-Петербурга Макалинскимъ слѣдствія о духовномъ завѣщаніи, писанномъ 10:го мая 1858 года отъ имени покойнаго фридрихсгамскаго первостатейнаго купца Козьмы Васильевича Бѣляева. По дѣлу этому уличаются мѣщанинъ Амфилогій Карагановъ въ подписаніи духовнаго завѣщанія подъ руку Бѣляева, а вдова покойнаго Екатерина Бѣляева и братья Александръ и Иванъ Константиновичи Мясниковы въ томъ, что они воспользовались этимъ завѣщаніемъ завѣдомо фальшивымъ*».

Въ «Историческомъ изложеніи» сначала описывается, якобы, несметное богатство Бѣляева, образовавшееся преимущественно, изъ «баснословныхъ барышей» отъ откуповъ. Бѣляевъ представленъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ откупщиковъ своего времени, въ распоряженіи котораго, кромѣ своихъ собственныхъ, находились, до 50 компанейскихъ откуповъ, обладателемъ винокуренныхъ заводовъ, домовъ выстроенныхъ дворцами и т. д. Все это излагалось съ цѣлью увѣрить, что послѣ Бѣляева осталось состояніе въ четыре съ половиной милліона рублей, которыми воспользовались Мясниковы посредсвомъ подложнаго духовнаго завѣщанія.

Въ какой огромной степени описаніе богатствъ и положеніе Бѣляева преувеличены въ пресловутомъ «Историческомъ изложеніи» Ижболдина, съ достаточною ясностію обнаружило произведенное судебнымъ слѣдователемъ изслѣдованіе. О состояніи Бѣляева спрошены были лица, дѣйствовавшія въ откупной сферѣ на одномъ съ нимъ поприщѣ. Лица эти дали слѣдующіе отзывы:

Извѣстный откупщикъ Бенардаки показалъ [1]), что онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ со старикомъ Иваномъ Ѳедоровичемъ Мясниковымъ, у котораго Бѣляевъ служилъ и который обращался съ Бѣляевымъ слѣдующимъ образомъ: «Козьма сходи туда, принеси то и т. п.»; что Бѣляевъ вовсе не былъ извѣстнымъ откупщикомъ; что даже онъ, Бенардаки, не можетъ припомнить, чтобы Бѣляевъ былъ откупщикомъ; что можетъ быть Бѣляевъ былъ небольшой откупщикъ или имѣлъ негласные паи, старикъ же Мясниковъ былъ большой откупщикъ; что Бѣляевъ, какъ говорили о немъ, имѣлъ до 460 т. капитала, но послѣ онъ завелъ лѣсную торговлю, на которой онъ много потерялъ, и что 400 т. рублей — самое большое, что онъ могъ имѣть въ самое лучшее для себя время.

Почетный гражданинъ Ненюковъ показалъ, что ни онъ, ни откупщикъ Воронинъ, «не считали Бѣляева большимъ капиталистомъ, вотъ Мясниковы большіе капиталисты, а Бѣляевъ вышелъ отъ нихъ».

Почетный гражданинъ Иконниковъ отозвался [2]), что покойнаго

---

[1]) Ср. Копію съ протокола суд. слѣд. Макалинскаго 29 октября 1868 г.

[2]) Ср. Копію съ протокола суд. слѣд. Макалинскаго 29 октября 1868 г.

Бѣляева онъ зналъ потому, что Бѣляевъ былъ повѣреннымъ Ивана Ѳедоровича Мясникова, о состояніи же Бѣляева, ему, Иконникову, ничего неизвѣстно.

Далѣе въ «Историческомъ изложеніи» повѣствуется о смерти Бѣляева и обстоятельствахъ ее сопровождавшихъ съ цѣлію доказать, что Мясниковы похитили все оставшееся послѣ него состояніе, и потомъ составили отъ имени умершаго подложное духовное завѣщаніе и подложную же сохранную росписку.

Совершенная голословность ясно обнаруживается въ преобладающихъ чертахъ этого «Историческаго изложенія»; тамъ же, гдѣ дѣлаются ссылки на свидѣтелей, оказывается явное извращеніе ихъ показаній. Желая выставить Александра Мясникова расхитителемъ капитала Бѣляева, «Историческое изложеніе» между прочимъ говоритъ, что Александръ Мясниковъ, по смерти Бѣляева тотчасъ же по приглашенію вдовы его явился къ ней съ братомъ своимъ Иваномъ Мясниковымъ, застали Бѣляева еще не раздѣтымъ, отправились въ его кабинетъ, отперли ящики и начали вынимать изъ нихъ все тамъ находящееся; вмѣстѣ съ тѣмъ послали за живущимъ въ домѣ Александра Мясникова чиновникомъ Матвѣевымъ и когда тотъ явился, то «Александръ Мясниковъ *наложивъ туго большой портфель билетами разныхъ кредитныхъ учрежденій*», велѣлъ Матвѣеву отнести его къ нему въ домъ.

Но Матвѣевъ при спросѣ его судебнымъ слѣдователемъ далъ показаніе слѣдующими, буквально приводимыми здѣсь словами 1): «Въ день смерти Бѣляева Александръ Мясниковъ послалъ за мной, чтобы я пріѣхалъ въ домъ покойнаго. Я пріѣхалъ туда и Александръ Мясниковъ далъ мнѣ *обыкновенный листовой пакетъ не запечатанный, въ которомъ находились бумаги* и просилъ отвести этотъ пакетъ въ его домъ, а затѣмъ вернуться въ домъ Бѣляева на панихиду. Исполнивъ его порученіе, отдавъ пакетъ камердинеру его Данилову, съ тѣмъ, чтобы онъ положилъ на его письменный столъ, я возвратился въ домъ Бѣляева. Болѣе никакихъ бумагъ при мнѣ Александръ Мясниковъ изъ дома Бѣляева не бралъ. Въ слѣдующую затѣмъ ночь и послѣ Александръ

---

1) Ср. Копію съ протокола суд. слѣд. Макалинскаго 8 іюля 1868 г.

Мясниковъ считать деньги меня не заставлялъ и я ихъ не считалъ».

Это показаніе Матвѣева ясно обличаетъ, съ какою безцеремонностію искажается дѣло въ «Историческомъ изложеніи» Ижболдина: обыкновенный листовой и незапечатанный даже пакетъ съ бумагами произведенъ въ большой портфель, туго наложенный билетами кредитныхъ установленій.

Между прочимъ въ «Историческомъ изложеніи» сказано, что повѣренный вдовы Бѣляевой, Чевакинскій, отъ имени Бѣляевой и по ея желанію хотѣлъ самъ заявить правительству о томъ, что довѣрительница его убѣдилась въ томъ, что на духовномъ завѣщаніи подпись фальшивая и что его привезъ къ ней Александръ Мясниковъ. Чевакинскій же въ своемъ показаніи судебному слѣдователю говоритъ слѣдующее [1]): «Бѣляева не только при мнѣ никогда не говорила, что подпись на оставшемся послѣ мужа ея духовномъ завѣщаніи не похожа на почеркъ ея мужа, но если бы она сказала, то я самъ бы просилъ губернское правленіе освидѣтельствовать ее какъ сумасшедшую; я не могу предположить въ Бѣляевой сомнѣнія въ подлинности завѣщанія, потому что Бѣляева по этому завѣщанію приняла все въ свое распоряженіе, расчиталась съ Мясниковыми по сохранной роспискѣ и пользовалась всѣмъ.»

Составленное такимъ образомъ «Историческое изложеніе» заключено слѣдующимъ возгласомъ: «Дѣло судебнымъ слѣдователемъ Макалинскимъ представлено къ прокурору для прекращенія, по неимѣнію въ виду уголовнаго преступленія. И такъ, не смотря ни на признаніе экспертами подписи на духовномъ завѣщаніи подложною, ни на болѣе 20 важныхъ свидѣтельскихъ показаній, изложенныхъ въ приложенномъ при семъ *экстрактѣ* и разныя улики, обличающія Мясниковыхъ въ подлогахъ, чрезъ которые они воспользовались состояніемъ наслѣдниковъ Бѣляева болѣе 4½ милліоновъ и похитили у казны до 200,000 руб. сер., дѣло представлено къ прекращенію и Мясниковы такимъ образомъ являются чистыми агнцами и жертвою какой-то клеветы.»

Экстрактъ, на который указываетъ въ своемъ возгласѣ Ижболдинъ, есть та самая выписка изъ произведеннаго судебнымъ слѣ-

---

[1]) Ср. Копію съ протокола суд. слѣд. Макалинскаго 19 іюля 1868 г.

дователемъ Макалинскимъ слѣдствія, о которой сказано выше. Она подписана составлявшимъ ее присяжнымъ повѣреннымъ Каміонко. Въ этой выпискѣ, дѣйствительно приводится болѣе 20 показаній, но изложеніе ихъ сдѣлано въ такихъ выдержкахъ, съ такими опущеніями объясненій, наиболѣе идущихъ къ дѣлу и разъясняющихъ его сущность, что всѣ эти показанія представляются болѣе или менѣе, въ крайне искаженномъ видѣ; кромѣ того показанія нѣкоторыхъ спрошенныхъ судебнымъ слѣдователемъ лицъ, рѣшительно не подтвердившихъ сдѣланной на нихъ Ижболдинымъ ссылки, не приведены въ этой выпискѣ.

Однимъ изъ главныхъ свидѣтелей со стороны Ижболдиныхъ представляется камердинеръ покойнаго Бѣляева Кронштадтскій мѣщанинъ Василій Китаевъ. Въ означенной выпискѣ присяжкаго повѣреннаго Каміонко показаніе Китаева изложено слѣдующими словами: «Камердинеръ Бѣляева Василій Китаевъ показалъ, что послѣ смерти Бѣляева, духовнаго завѣщанія не было открыто и всѣ думали что его нѣтъ. Кемпе тоже сказалъ что нѣтъ и тотчасъ послѣ похоронъ Бѣляева, Отто, который его, Китаева любилъ, сказалъ ему, что подписывалъ много бумагъ, но завѣщанія не подписывалъ. Ремянникова также говорила ему: «какъ дурно сдѣлалъ Бѣляевъ, что завѣщачія неоставилъ». Отъ Бѣляевой онъ не слыхалъ, что завѣщанія не осталось. Потомъ пошелъ слухъ, что завѣщаніе открыто, его привезъ Александръ Мясниковъ. Тогда собрались Александръ и Иванъ Мясниковы, Отто, Каменскій и еще кто, не упомнитъ. Онъ подавалъ чай и видѣлъ бумагу. При этомъ Ремянникова сказала, что открылось духовное завѣщаніе (Александръ Мясниковъ возразилъ, что при полицейскомъ чиновникѣ распечатывались бумаги Бѣляева и былъ составленъ актъ, а Китаевъ уличалъ, что никакихъ бумагъ Бѣляева опечатано не было и въ столовой никакихъ бумагъ не распечатывалось, а лежала одна бумага, сложенная пополамъ). Основываясь на словахъ Отто и Ремянниковой, всѣ служащіе полагали, что духовное завѣщаніе фальшивое, и еще потому, что Бѣляевъ по добротѣ своей наградитъ ихъ; а между тѣмъ отказано одной Ремянниковой, которая не разсчитывая хорошо ужиться съ невѣсткою, въ день смерти Бѣляева, просила Александра Мяспикова неоставить ее безъ вниманія. Въ день смерти Бѣляева приходилъ квартальный надзиратель съ помощникомъ, но Александръ Мясниковъ въ передней ска-

залъ: «сего дня нельзя дѣлать опись, ибо Бѣляева разстроена,» взялъ изъ подъ подушки ключь, безъ вѣдома Бѣляевой, отворялъ всѣ комоды и ящики, вынулъ бриллiанты и понесъ въ спальню Бѣляевой; потомъ въ 9-ть часовъ вечера забралъ всѣ бумаги и книги и въ каретахъ отвезъ въ свой домъ; бумаги и книги завязывалъ онъ частiю веревками, а частiю въ простыни. Тотчасъ послѣ смерти Бѣляева, Александръ Мясниковъ отдалъ Матвѣеву изъ 2 комнаты портфель, но съ чѣмъ—не знаетъ; желѣзный несгараемый сундукъ стоялъ въ спальнѣ Бѣляевой; золотую монету въ мѣшечкахъ онъ видѣлъ у Бѣляева, когда онъ привозилъ изъ Монетнаго двора, но гдѣ хранилась незнаетъ.—На другой день смерти Бѣляева, полицiя опечатала конторку, шкафы, этажерку съ бѣльемъ, шкафъ съ платьемъ. картины и жирандоли, но двери кабинета не были опечатаны. Бѣляевъ пересталъ выѣзжать изъ дома за двѣ недѣли до смерти, а занятiя прекратилъ за одинъ день и умеръ скоропостижно. Протоiерей Сицилинскiй бывалъ только для службы, но въ гости не приходилъ: Целебровскiй ходилъ иногда къ Бѣляеву съ дѣлами, но недѣли за двѣ до смерти. онъ пересталъ его принимать, говоря, что ходитъ подъ разными предлогами и проситъ денегъ. Въ день смерти Бѣляева, Екатерина Бѣляева сказала Целебровскому, что онъ ей не нуженъ; но потомъ спустя около 9 дней раза три или четыре принимала его; въ эту пору каждый день приходилъ къ ней Амфилогiй Карагановъ, который прежде ходилъ къ Бѣляеву отъ Мясниковыхъ разъ или два въ недѣлю».

Изъ сличенiя этого изложенiя съ показанiемъ Китаева, даннымъ судебному слѣдователю, оказывается, что присяжнымъ повѣреннымъ Камiонко, исключены изъ показанiя Китаева слѣдующiя слова [1]): «На кухнѣ я не говорилъ, что завѣщанiе передѣлываютъ.» «Отъ кого пошелъ слухъ, что завѣщанiе привезено къ Бѣляевой Александромъ Константиновичемъ, не знаю». «Кѣмъ завѣщанiе составлено и подписано не слыхалъ и не знаю». «Въ самый же день смерти Бѣляева, *по приказанiю Екатерины Васильевны* всѣ дѣловыя бумаги, находившiяся въ кабинетѣ покойнаго, были въ 9-ть часовъ связаны и вынесены въ карету Александра Константиновича. При

---

[1]) Ср. Копiю съ протокола суд. слѣд. Макалинскаго 5 ноября 1868 г.

этомъ присутствовала сама Екатерина Васильевна. Тутъ были и книги». «Въ кабинетѣ же такого (желѣзнаго) сундука не было, и деньги хранились въ конторкѣ; впрочемъ у Бѣляева были въ конторкѣ деньги только на расхоы, гдѣ же находились билеты не знаю». «Золотую монету въ мѣшечкахъ я видѣлъ у Бѣляева, когда онъ привозилъ ее съ монетнаго двора, но не знаю, чья она была, его ли собственная, или Мясниковыхъ; гдѣ у Бѣляева хранилась эта золотая монета, мнѣ неизвѣстно; въ кабинетѣ онъ могъ хранить только небольшое количество, большое же количество тамъ держать было негдѣ; потому что деньги находились въ конторкѣ, а въ шкафахъ были бумаги; я не видалъ, чтобъ послѣ смерти Бѣляева кто нибудь выносилъ мѣшечки съ золотой монетой». Назадъ тому года три я служилъ у Александра Красильникова прикащикомъ по питейной части; тамъ я познакомился съ Ижболдинымъ и заходилъ къ нему нѣсколько разъ; у Ижболдина я встрѣчалъ иногда Александра Федоровича Матвѣева. О завѣщаніи Бѣляева я отъ него ничего не слыхалъ,—не приходилось разговаривать объ этомъ. Кромѣ Матвѣева я у Ижболдиныхъ никого не встрѣчалъ. Предъявленное мнѣ нынѣ письмо отъ 29-го сентября 1862 года на имя Николая Семеновича писано мною къ г. Герману по его просьбѣ я полагаю въ то время, когда я служилъ у Красильникова, отошелъ же я отъ Бѣляевой въ 1862 году по милости Алаксандра Константиновича, который не хотѣлъ, чтобы я у ней оставался».

Присяжный повѣренный Каміонко, посредствомъ сокрытія приведныхъ здѣсь подлинныхъ словъ Китаева, исказивъ сущность его показанія, дѣлаетъ изъ этого показанія въ изложенныхъ имъ своихъ соображеніяхъ такой выводъ, что подложность духовнаго завѣщанія съ участіемъ Александра Мясникова и подпись на духовномъ завѣщаніи Амфілогіемъ Карагановымъ подъ руку Бѣляева удостовѣряется свидѣтельскимъ показаніемъ Китаева; тогда какъ въ этомъ показаніи, какъ видно изъ приведенныхъ здѣсь подлинныхъ его словъ, Китаевъ положительно говоритъ, что онъ «не говорилъ, что завѣщаніе переписываютъ» и «кѣмъ завѣщаніе составлено и подписано не слыхалъ и не знаетъ. Здѣсь слѣдуетъ еще обратить вниманіе и на то, что при изложеніи г-мъ Каміонко показанія Китаева, скрыты именно тѣ слова этого свидѣтеля, которыя представляютъ опроверженіе возводимаго на Александра Мясникова обвиненія вь томъ, что онъ въ день смерти Бѣляева похитилъ изъ его кабинета кредитные би-

леты и золотомъ болѣе 300,000 рублей: Китаевъ прямо говоритъ, что въ кабинетѣ желѣзнаго сундука не было и деньги хранились въ конторкѣ *только на расходы;* гдѣ же хранились билеты, онъ незнаетъ, и что, въ кабинетѣ у Бѣляева могло храниться звонкой монеты только не большое количество, большое же количество тамъ держать было негдѣ.

Такому же искаженію въ составленной г-мъ Каміонко выпискѣ подвергнулись болѣе или менѣе показанія и другихъ свидѣтелей—въ особенности Матвѣева, Ремянниковой, Чевакинскаго и Бенардаки.

По словамъ г-на Каміонко Матвѣевъ показалъ: «подпись на духовномъ завѣщаніи 10-го мяя 1858 года не похожа на настоящія подписи Бѣляева» Дѣйствительно же Матвѣевъ показалъ такъ [1]). Подпись: Козьма Бѣляевъ на этомъ завѣщаніи, *какъ мнѣ кажется*, не похожа на настоящія подписи Бѣляева».—Скрывъ слова: «*какъ мнѣ кажетея*,» г. Каміонко значительно исказилъ самую суть показанія Матвѣева, и то, что этотъ свидѣтель высказалъ какъ кажущееся ему предположеніе, въ выпискѣ г, Каміонко является какъ положительное удостовѣреніе.

Показаніе родной сестры Бѣляева Ремянниковой, г. Каміонко изложилъ въ выпискѣ своей такъ:

«Сестра Бѣляева, Анна Ремянникова, проживавшая при братѣ и по нынѣ проживающая при вдовѣ Бѣляевой, показала, что Бѣляевъ лѣтомъ 1858 года, хотя и жилъ на дачѣ, но почти все лѣто проводилъ въ городѣ, а осенью сдѣлался боленъ. Въ день смерти Бѣляева, когда обмывали тѣло покойнаго, выносили изъ его кабинета бумаги, когда и какія комнаты кабинета опечатаны не знаетъ, но думаетъ въ день смерти, ибо тогда приходилъ полицейскій чиновникъ. Каменскій и Шевелевъ говорили, что братъ ея составилъ духовное завѣщаніе, но о завѣщанной ей суммѣ она узнала только чрезъ 6-ть недѣль послѣ смерти Бѣляева. Кто и гдѣ нашолъ завѣщаніе она незнаетъ. Бѣляевъ всегда писалъ самъ и много. Целебровскій былъ адвокатомъ, но у Бѣляева не бывалъ и она его въ домѣ никогда невидала; протоіерей Сицилинскій исполнялъ у Бѣляева только требы духовныя и бывалъ въ имянины супруговъ; въ иное же время не бывалъ.

---

[1]) Ср. Копію съ протокола суд. слѣд. Макалинскаго 8 іюля 1868 г.

Изъ показанія даннаго судебному слѣдователю родною сестрою Бѣляева Ремянниковой оказывается, что кромѣ словъ, изложенныхъ въ выпискѣ г. Каміонко, она сказала слѣдующее: [1]) «Покойникъ нѣсколько разъ высказывалъ, что онъ сдѣлаетъ духовное завѣщаніе; такъ узнавъ, что хорошій знакомый его Якунчиковъ умеръ, не оставивъ завѣщанія, покойный Бѣляевъ осуждалъ это и говорилъ, что онъ того никогда не сдѣлаетъ».—Вскорѣ послѣ смерти Бѣляева, на той же недѣлѣ, утѣшая меня, Каменскій Левъ Федоровичъ и Шмелевъ Николай Дмитріевичъ говорили мнѣ, что я не оставлена безъ куска хлѣба, если и не останусь жить у невѣстки; тоже самое подтвердила мнѣ и невѣстка, при чемъ она говорила, что Козьма Васильевичъ оставилъ завѣщаніе».—«Когда обмывали покойнаго, я видѣла, что изъ остальныхъ двухъ комнатъ кабинета выносили бумаги, не знаю какія, и не помню кто ихъ выносилъ, только я встрѣтила раза два или три какъ несли бумаги и говорили тогда, что выносятъ Мясниковскія дѣла».—«Кажется, въ самый день кончины я писала къ племяннику моему Николаю Мартьянову, который растратилъ на Мясниковскомъ винокуренномъ заводѣ большую сумму денегъ, тысячъ до пятидесяти, такъ что братецъ долженъ былъ заплатить за это Мясниковымъ, и растративши ихъ не испросилъ у покойнаго прощенія; въ письмѣ этомъ я дѣлала какъ-бы наставленіе племяннику, что бы онъ по крайней мѣрѣ молился о душѣ покойнаго».—«Довѣреннымъ у него (Бѣляева) былъ Каменскій, но и тотъ особымъ довѣріемъ не пользовался, да и вообще у покойнаго не было изъ служащихъ у него человѣка, на котораго бы онъ вполнѣ полагался. Ближе жены къ нему никто не былъ».—«Въ подлинности оказавшагося по смерти Бѣляева завѣщанія я не могу сомнѣваться, потому что Бѣляевъ хотѣлъ сдѣлать завѣщаніе, и притомъ жилъ съ Екатериной Васильевной душа въ душу».—«Сестру Анну Васильевну покойникъ совершенно отвергнулъ, потому что она была дурнаго поведенія».

Показаніе Чевакинскаго въ выпискѣ г-на Каміонко изложено въ слѣдующемъ извлеченіи: «Повѣренный Бѣляевой Чевакинскій показалъ, что онъ говорилъ, что Мясниковы за духовное завѣщаніе пойдутъ въ Сибирь, имѣя въ виду разсказъ Ижболдиныхъ, что за-

---

[1]) Ср. Копія съ протокола суд. слѣд. Макалинскаго 19 іюля 1868 г.

вѣщаніе написано не на листѣ въ 90 коп., а на простой бумагѣ. У графа Апраксина говорилъ о фальшивости завѣщанія, также основываясь на разсказахъ Ижболдина и Германа.»

Дѣйствительно же Чевакинскій въ показаніи своемъ судебному слѣдователю сказалъ [1]): «Ижболдину я никогда не говорилъ, что стоитъ только мнѣ представить духовное завѣщаніе и Мясниковы пойдутъ въ Сибирь,» а говорилъ вотъ что: въ то время когда я былъ уже повѣреннымъ, а можетъ быть и прежде, такъ какъ я сталъ заниматься дѣлами Бѣляевой, еще до полученія отъ нея довѣренности, *Ижболдинъ разсказывалъ мнѣ* будто составилъ духовное завѣщаніе Целебровскій и перевелъ подпись Бѣляева чрезъ стекло, и будто одинъ изъ Мясниковыхъ или оба показывали кому-то это завѣщаніе и тотъ сказалъ: «хорошо-то хорошо, только что же вы пожалѣли рублеваго листа,» и что будто вслѣдствіе этого завѣщаніе было переписано на рублевый листъ, а прежнее на простой бумагѣ въ рукахъ Ижболдина;—тогда я и сказалъ Ижболдину, *что если это такъ*, то Мясниковы пойдутъ въ Сибирь. Еще я добивался, чтобъ Ижболдинъ показалъ мнѣ это духовное завѣщаніе и другіе документы, по которымъ можно отыскать капиталы Бѣляева, *но ничего этого Ижболдинъ мнѣ не показалъ.* Александру Красильникову я не говорилъ о томъ, какъ бы выпутать Екатерину Васильевну изъ дѣла по духовному завѣщанію, а можетъ быть года полтора тому назадъ, *Красильниковъ пріѣзжалъ комнѣ просить меня принять участіе въ этомъ дѣлѣ въ пользу Ижболдиныхъ*, при чемъ говорилъ, что если дѣло разыграется, то Бѣляева получитъ больше, чѣмъ теперь имѣетъ. Такъ какъ Красильниковъ говорилъ очень хитро, то я отвѣчалъ ему, что я, какъ повѣренный Бѣляевой, постараюсь розыскать капиталы покойнаго и ничего не упущу изъ виду. Послѣ посѣщенія моего Красильниковъ былъ у Бѣляевой, вѣроятно съ какою нибудь неблаговидною цѣлью, потому что не подъѣзжалъ къ самому подъѣзду, а вышелъ изъ экипажа раньше; но такъ какъ Бѣляева прекрасно себя держитъ, то онъ не поспѣлъ ничего ей сказать, а ограничился тѣмъ, что попросилъ позволенія снять копію съ портрета Бѣляева, какъ своего благодѣтеля. Кромѣ того, мнѣ извѣстно, что *для этого дѣла*

---

1) Ср. Копія съ протокола суд. слѣд. Макалинскаго 19 іюля 1868 г.

Красильниковъ содержалъ Ижболдина, который не имѣлъ собственныхъ средствъ. Почеркъ Бѣляева мнѣ извѣстенъ по бумагамъ. Подпись Бѣляева на предъявленномъ мнѣ духовномъ завѣщаніи отъ 10 мая 1858 года я признаю за подлинную. Прежде мнѣ случалось всегда встрѣчать подписи Бѣляева какъ будто меньше чѣмъ на завѣщаніи, но теперь я нашелъ одинъ контрактъ, подписанный Бѣляевымъ также крупно, какъ на завѣщаніи».—На запросъ г. Сысоева (повѣреннаго Ижболдина, присутствовавшаго при производимомъ изслѣдованіи), не бывалъ ли г. Чевакинскій у графа Апраксина и не говорилъ ли онъ тамъ за обѣдомъ, что Мясниковы составили сохранную росписку и фальшивое духовное завѣщаніе и по явочному акту завладѣли всѣмъ имуществомъ Бѣляева, и что въ подписи Бѣляева на завѣщаніи не достаетъ какихъ-то завѣтныхъ знаковъ? г. Чевакинскій отвѣчалъ: «За непредставленіемъ Ижболдинымъ и Германомъ, не смотря на убѣдительную мою просьбу никакихъ доказательствъ фальшивости завѣщанія, *я не могъ никому говорить своего мнѣнія о духовномъ завѣщаніи* Бѣляева, а передавалъ всѣмъ и вездѣ, и между прочимъ, можетъ быть и графу Апраксину, разсказы Ижболдина и Германа; что же касается подписи Бѣляева, то я дѣйствительно говорилъ, что на завѣщаніи нѣтъ точки, которую я видѣлъ въ бывшихъ у меня въ то время въ рукахъ бумагахъ рядомъ съ подписью Бѣляева, не много выше; впослѣдствіи же я имѣлъ подписи Бѣляева и безъ точекъ, которыя и обязуюсь представить:» На запросъ г. Потѣхина (другаго повѣреннаго Ижболдина) Чевакинскій объявилъ: «Видѣлъ я въ первой разъ духовное завѣщаніе Бѣляева, кажется мнѣ, до знакомства съ Ижболдинымъ; Ижболдину я не рисовалъ подписи Бѣляева, а объяснялъ ему, что на завѣщаніи въ подписи Бѣляева нѣтъ точки, и неимѣлъ надобности рисовать, потому что завѣщаніе было у меня въ рукахъ постоянно до представленія его въ Гражданскую Палату, слѣдовательно мнѣ легче было показать завѣщаніе, чѣмъ заниматься живописью; Ижболдина и Германа я пересталъ принимать, я думаю съ годъ, а можетъ быть и болѣе, увидѣвъ, что документовъ они никакихъ не представили, и что эта только кляузы».

Показаніе поручика Бенардаки г. Каміонко изложилъ въ слѣдующихъ словахъ: «Поручикъ Дмитрій Бенардаки объяснилъ, что Бѣляевъ съ Мясниковыми былъ въ дурныхъ отношеніяхъ.»

Но все то, что показалъ этотъ свидѣтель о состояніи, коммерче-

ской дѣятельности и положеніи Бѣляева—г. Каміонко исключилъ изъ своего изложенія очевидно потому, что безъ этого исключенія, показаніе Бенардаки (выше здѣсь приведенное) представляетъ ясное опроверженіе усилій Ижболдина, выставить покойнаго Бѣляева обладателемъ несмѣтныхъ богатствъ.

Изъ изложенныхъ такимъ образомъ показаній, съ искаженіемъ ихъ существеннаго смысла, повѣренный Ижболдина и вывелъ свое заключеніе, что подложность духовнаго завѣщанія удостовѣряется свидѣтельскими показаніями.

Все это, конечно могло дать только ложное понятіе о дѣлѣ, а между тѣмъ брошюра Ижболдина, будучи распространена въ публикѣ многочисленными его повѣренными, послужила основаніемъ къ составившемуся въ обществѣ мнѣнію о настоящемъ дѣлѣ; тѣмъ болѣе, что и нѣкоторыя періодическія изданія, не имѣющія у себя вѣрныхъ свѣдѣній, отнеслись къ этой брошюрѣ *съ полнымъ довѣріемъ*.

Одинъ изъ органовъ нашей печати, весьма распространенный въ публикѣ, даже не ограничился изложеніемъ на своихъ столбцахъ содержанія брошюры Ижболдина и указаніемъ, что она издана съ дозволенія цензуры, но заканчивая свою статью слѣдующими словами: «Дѣло судебнымъ слѣдователемъ Макалинскимъ представлено къ прокурору для прекращенія, по неимѣнію въ виду уголовнаго преступленія,»—съ явнымъ негодованіемъ восклицаетъ:

«Что это такое? Вѣдь тутъ ужъ не одни старые суды...»

Въ виду этого, печатно заявленнаго вопроса, мы и представляемъ теперь нашъ отвѣтъ, могущій дать полное понятіе о томъ, *что это такое?*

Ижболдины въ основаніе обвиненій своихъ представили судебному слѣдователю Макалинскому слѣдующее:

Пунктъ 1, что бывшій управляющій Мясниковыхъ Кемпе (умершій) говорилъ Ижболдину въ присутствіи своей матери, что духовное завѣщаніе подложно, что вмѣстѣ съ тѣмъ была составлена подложная росписка отъ имени Бѣляева; что завѣщаніе составлено въ конторѣ Мясниковыхъ и подписано Карагановымъ.

Пунктъ 2, что купецъ Гонинъ говорилъ Ижболдину, что вдова покойнаго Бѣляева на похоронахъ мужа при всѣхъ разсказывала, что онъ духовнаго завѣщанія не оставилъ.

Пунктъ 3, что чиновникъ Гавриловъ отъ имени Мясниковыхъ

предлагалъ Ижболдину помириться, говоря, что они готовы предложить тысячъ пять или десять.

Пунктъ 4, что купецъ Александръ Федоровичъ Красильниковъ говорилъ Ижболдину, что Александръ Константиновичъ Мясниковъ просилъ его, Красильникова, подписаться свидѣтелемъ на духовномъ завѣщаніи.

Пунктъ 5, что отецъ Александра Красильникова, купецъ Федоръ Красильниковъ, говорилъ Ижболдину, что завѣщаніе Бѣляева подписано Карагановымъ.

Пунктъ 6, что Ижболдинъ, встрѣчая у Красильниковыхъ Караганова, однажды въ присутствіи пяти или шести свидѣтелей уличалъ его въ томъ, что онъ подписалъ духовное завѣщаніе за Бѣляева и сдѣлалъ фальшивыя подписи отъ имени его же Бѣляева на двухъ бланковыхъ билетахъ; но Карагановъ ничего противъ этого не возразилъ.

Пунктъ 7, что управляющій дѣлами Мясниковыхъ Александръ Федоровичъ Матвѣевъ говорилъ при Ижболдинѣ въ гостинницѣ «Москва», что завѣщаніе подписано отъ имени Бѣляева Карагановымъ, а впослѣдствіи разсказывалъ ему, Ижболдину, согласно съ разсказомъ Кемпе, какъ Карагановъ учился дѣлать подписи Бѣляева, и что отецъ Караганова, Александръ Даниловичъ Карагановъ, услышавъ разговоръ Матвѣева, про сына, тотчасъ же вскочилъ и убѣжалъ.

Пунктъ 8, что духовное завѣщаніе Бѣляева подписалъ Карагановъ, это Ижболдину говорилъ также служившій въ конторѣ Мясниковыхъ Иванъ Михайловъ Дьяконовъ.

Пунктъ 9, что повѣренный Бѣляевой Иванъ Михайловичъ Чевакинскій говорилъ Ижболдину, что Екатерина Васильевна Бѣляева, при немъ, женѣ его, Брянцевѣ, (умершемъ) и Погожевѣ, разсматривая завѣщаніе, по поводу требованія объясненія Казенной Палаты, сознавалась, что подпись на завѣщаніи не мужа ея, притомъ онъ же, Чевакинскій, нѣсколько разъ говорилъ Ижболдину, что стоитъ только ему представить завѣщаніе, и Мясниковы пойдутъ въ Сибирь.

Пунктъ 10, жена Ижболдина, Анна Николаевна, основывшая свое обвиненіе Мясниковыхъ больше на словахъ ея мужа, слышала о фальшивости духовнаго завѣщанія отъ трехъ свидѣтелей: чиновника Матвѣева, Штеммера и Китаева, изъ которыхъ Китаевъ гово-

рилъ ей, что онъ отъ всей дворни Бѣляева слышалъ, что завѣщанія не было покойнымъ Бѣляевымъ оставлено.

По произведенному судебнымъ слѣдователемъ Макалинскимъ изслѣдованію (съ котораго выдана копія обвиняемымъ) открылось:

По пункту 1. Мать бывшаго управляющаго Мясникова Кемпе, въ отобранномъ отъ нея показаніи, не только что не подтвердила сдѣланной на нее ссылки, но положительно ее отвергла, показавъ [1]), что «о составленіи духовнаго завѣщаніи отъ имени купца Козьмы Васильевича Бѣляева она ничего не знаетъ и отъ сына ея ничего неслыхала,» что «при ней сынъ ея Ивану Алексѣевичу Ижболдину никогда не говорилъ о томъ, будто бы Иванъ Константиновичъ Мясниковъ показывалъ ему сохранную росписку отъ имени Бѣляева на сумму около 300 т. рублей серебромъ сперва на простой, а потомъ на гербовой бумагѣ, а также и о томъ, что Александръ Константиновичъ Мясниковъ просилъ сына ея подписаться свидѣтелемъ на завѣщаніи,» что «обо всемъ этомъ она въ первый разъ слышитъ теперь.» Къ этому въ показаніи своемъ мать Кемпе присовокупила, что «полтора года тому назадъ Ижболдинъ пріѣхалъ къ ней съ племянникомъ ея Федоромъ Ивановичемъ Штеммеромъ и уговаривали ее пойти по этому дѣлу въ свидѣтельницы,» что «Штеммеръ все вертитъ въ этомъ дѣлѣ съ Ижболдинымъ,» и что «сперва Ижболдинъ все подсылалъ къ ней Штеммера, а потомъ уже они пріѣхали къ ней вмѣстѣ».—Въ виду изъясненняго показанія Кемпе, ссылка Ижболдина на умершаго ея сына не можетъ имѣть и тѣни какого либо значенія въ дѣлѣ возводимаго на Мясниковыхъ обвиненія, а напротивъ показаніе это обличаетъ самого Ижболдина въ томъ, что онъ въ сообществѣ Штеммера покушался подговорить свидѣтельницу къ ложному показанію.

По пункту 2. Купецъ Гонинъ сдѣланной на него ссылки не утвердилъ, показавъ [2]), что «на похоронахъ Бѣляева онъ былъ, но отъ вдовы его Екатерины Васильевны не слыхалъ оставилъ ли покойный духовное завѣщаніе, и при немъ, Гонинѣ, ее никто объ этомъ не спрашивалъ».

По пункту 3. Чиновникъ Гавриловъ, за неотысканіемъ его остался не спрошеннымъ.

---

[1]) Ср. Копія съ протола суд. слѣд. Макалинскаго 2 августа 1868 г.
[2]) Ср. Копія съ протокола суд. слѣд. Макалинскаго 8 іюля 1868.

По пункту 4. Спрошенный, по ссылкѣ Ижболдина, купецъ Александръ Красильниковъ явился полнымъ соучастникомъ Ижболдина въ обвиненіи Ивана и Александра Мясниковыхъ; онъ показалъ, что Бѣляева три дня спустя послѣ похоронъ мужа ея говорила, что духовнаго завѣщанія нѣтъ, что Александръ Мясниковъ просилъ его, Красильникова, подписаться свидѣтелемъ на сохранной роспискѣ покойнаго Бѣляева въ 276 или 286 тысячъ рублей, и на условіи его объ уступкѣ Мясниковымъ откуповъ за 300 т. рублей, что подпись Бѣляева на этомъ условіи найдена была имъ Красильниковымъ сомнительною; что Кемпе говорилъ ему, что въ духовномъ завѣщаніи Бѣляева подписался Амфилогій Карагаяовъ; что послѣ смерти Бѣляева Карагановъ часто ходилъ къ нему, Красильникову и однажды у него въ кабинетѣ на листѣ бумаги все писалъ: «К. Бѣляевъ, Козьма Бѣляевъ»; что Александръ Федоровичъ Матвѣевъ говорилъ ему, что духовное завѣщаніе составили Целебровскій съ Карагановымъ и за Бѣляева на завѣщаніи подписался Карагановъ; что въ концѣ 1859 года Бѣляева ему говорила, что духовное завѣщаніе привезли ей Мясниковы, отъ которыхъ она его и получила; что повѣренный Бѣляевой, Чевакинскій говорилъ ему:» какъ бы выпутать Екатерину Васильевну,» если возникутъ какія нибудь непріятности по духовному завѣщанію, и не представить ли самой Бѣляевой духовное завѣщаніе въ Судъ съ объясненіемъ, что считаетъ его сомнительнымъ; что предъявленная ему подпись на духовномъ завѣщаніи: «Козьма Бѣляевъ» не похожа на настоящую подпись Бѣляева, и что онъ, Красильниковъ, о всемъ, что по этому дѣлу зналъ, словесно заявлялъ корпуса жандармовъ Полковнику Ракѣеву, потомъ вызвалъ изъ Перми племянника Бѣляева, мѣщанина Мартьянова, который со словъ Красильникова подавалъ жалобу шефу жандармовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Красильниковъ въ показаніи своемъ объяснилъ объ отношеніяхъ его къ Ижболдину, обличающихъ существующую между ними близкую связь и денежные расчеты: въ 1862 году Красильниковъ посылалъ Ижболдина на свой винокуренный заводъ въ Калужской губерніи, а въ настоящее время взыскиваетъ съ него деньги.

Изъясненное показаніе Красильникова на основаніи 444 и 707 ст. п. 4 уст. угол. суд. не можетъ быть принято въ уваженіе, такъ какъ онъ въ настоящемъ дѣлѣ имѣетъ прямую выгоду отъ

обвиненія Мясниковыхъ и отъ признанія гражданскаго иска Ижболдиныхъ. По собственному его сознанію онъ взыскиваетъ деньги съ Ижболдина, а Ижболдинъ находится въ такомъ положеніи, что удовлетворить претензію Красильникова можетъ только тогда, когда бы выигралъ затѣянное имъ дѣло съ Мясниковыми. Очевидно, что интересъ его совпадаетъ въ этомъ дѣлѣ съ интересомъ Ижболдина. Кромѣ того, Красильниковъ не можетъ быть свидѣтелемъ въ этомъ дѣлѣ и потому, что самъ онъ является участникомъ въ возведеніи на Мясниковыхъ обвиненія. Наконецъ, всѣ тѣ лица, на которыхъ Красильниковъ указываетъ въ своемъ показаніи, ссылки его не утвердили: Карагановъ показалъ, что онъ хотя и бывалъ у Красильникова, но въ подписи имени умершаго Козьмы Бѣляева никогда не упражнялся. Положительно отвергая взводимое на него обвиненіе въ подписи духовнаго завѣщанія Бѣляева, онъ объяснилъ, что этого духовнаго завѣщанія вовсе и не видалъ. Вдова Бѣляева въ совершенное опроверженіе словъ Красильникова показала, что она ни кому не говорила о томъ, будто бы покойный мужъ ея не оставилъ духовнаго завѣщанія; что духовное завѣщаніе получила она не отъ Мясниковыхъ, а отъ своего мужа, который самъ передалъ его ей за нѣсколько дней до смерти, сказавъ «возьми эту бумагу». Повѣренный Бѣляевой, Чевакинскій, показалъ, что онъ не говорилъ Красильникову о томъ, какъ бы выпутать Екатерину Васильевну изъ дѣла о духовномъ завѣщаніи, а напротивъ Красильниковъ просилъ его принять участіе въ этомъ дѣлѣ въ пользу Ижболдиныхъ, и что «кромѣ того, ему, Чевакинскому, извѣстно, что для этого дѣла Красильниковъ содержалъ Ижболдина, который не имѣлъ собственныхъ средствъ».

По пункту 5. Купецъ Федоръ Красильниковъ въ показаніи своемъ положительно отвергъ ссылку Ижболдина, слѣдующими словами: [1]) «Ижболдину я не говорилъ, что завѣщаніе подписано за Бѣляева Карагановымъ».

Ко пункту 6. Кто именно упоминаемые въ этомъ пунктѣ обвиненія пять или шесть свидѣтелей—этого Ижболдинъ не указалъ; а Карагановъ показалъ, что онъ въ подписи духовнаго за-

---

[1]) Ср. Копія съ протокола суд, слѣд. Макалинскаго 8 іюля 1868 г.

вѣщанія за Бѣляева никогда и нигдѣ Ижболдинымъ уличаемъ не былъ.

По пункту 7. Ссылка Ижболдина положительно отвергнута отцомъ Караганова въ данномъ имъ показаніи, а также не подтверждена и показаніемъ Матвѣева.

По пункту 8. Служившій въ конторѣ Мясниковыхъ Дьяконовъ ссылку Ижболдина отвергаетъ, объясняя, [1]) что «о томъ, что завѣщаніе Бѣляева подписано за него Карагановымъ, онъ, Дьяконовъ, ни кому не могъ говорить, потому что самъ того не зналъ;» что «о томъ, кѣмъ подписано завѣщаніе онъ не могъ имъ (Ижболдину, повѣренному его Герману и Красильникову) сообщить потому, что ему самому это неизвѣстно», и что »вообще по этому дѣлу ничего показать неимѣетъ».

По пункту 9. Г. Чевакинскій—какъ видно изъ показанія его, приведеннаго здѣсь выше — ссылку Ижболдина положительно отвергаетъ.

По пункту 10. Въ показаніи чиновника Матвѣева нѣтъ подтвержденія сдѣланной на него женою Ижболдина ссылки; а Штеммеръ положительно сказалъ [2]): «фальшиво ли оказавшееся послѣ смерти Бѣляева духовное завѣщаніе, онъ не знаетъ, и объ этомъ Аннѣ Николаевой Ижболдиной не говорилъ. Чтожъ касается до Китаева, то показаніе его уже было здѣсь приведено; а лица, составлявшія дворню Бѣляева, показали:

а) Кронштадтскій мѣщанинъ Александръ Петровъ [3]), что «послѣ смерти Бѣляева всѣ ожидали, что есть духовная, а открылась она недѣль, кажется, черезъ шесть; гдѣ и кѣмъ она была найдена, *не знаетъ.*»

б) Кронштадтская мѣщанка Настасья Иванова Петрова [4]), что «осталось-ли послѣ покойнаго завѣщаніе, не знаетъ; кто составилъ завѣщаніе, оказавшееся послѣ Бѣляева, *не слыхала*; о духовномъ завѣщаніи между дворнею никакого *разговору* не было.»

в) С.-Петербургская мѣщанка Наталья Антонова [5]), что «осталась-ли послѣ покойнаго духовная, она *не слыхала.*»

---

[1]) Ср. Копія съ протокола суд. слѣд. Макалинскаго 8 іюля 1868 г.
[2]) Ср. Копія съ протока суд. слѣд. Макалинскаго 20 іюля 1868 г.
[3]) Ср. Копія съ протокола суд. слѣд. Макалинскаго 26 іюля 1868 г.
[4]) Ср. Копія съ протокола суд. слѣд. Макалинскаго 26 іюля 1868 г.
[5]) Ср. Копія съ протокола суд. слѣд. Макалинскаго 26 іюля 1868 г.

г) Кронштадтская мѣщанка Марья Петрова [1]), что «осталось-ли послѣ Бѣляева завѣщаніе и кѣмъ оно составлено, *не знаетъ и не слыхала.*»

д) Кронштадтскій мѣщанинъ Прокофій Зиновьевъ [2]), что «о духовной узналъ онъ, не помнитъ, послѣ-ли шести недѣль или раньше; *слышалъ*, что была духовная, но *не знаетъ* въ чью пользу; о фальшивости духовной ничего *не слыхалъ*; при немъ Василій Михайловъ Китаевъ не разсказывалъ какъ составляли духовную; Александръ Петровъ также о духовной ничего не говорилъ.

Кромѣ этихъ лицъ, единогласно свидѣтельствующихъ, что о фальшивости духовнаго завѣщанія они ничего *не знаютъ и не слыхали*, повѣренный Ижболдиныхъ, коллежскій ассесоръ Сысоевъ представилъ къ спросу проживающаго у него въ домѣ, сына кухарки его, Лугскаго мѣщанина Михаила Аѳанасьева и находящуюся у него, Сысоева, въ услуженіи родную сестру Аѳанасьева С.-Петербургскую мѣщанку Елену Аѳанасьеву. Эти домочадцы повѣреннаго Ижболдиныхъ показали: *Михаилъ Аѳанасьевъ*, что недѣль шесть спустя послѣ смерти Бѣляева между дворнею *разнесся слухъ*, что послѣ покойнаго осталась духовная, но она перемѣнена; *слышалъ* онъ это отъ лакея Александра Петрова, который будучи однажды пьянъ, даже самой Бѣляевой сказалъ, что духовную испортили; также *слышалъ* отъ Василія Китаева, что ему говорилъ Целебровскій будто передѣлали духовную; гдѣ найдена была духовная и кѣмъ составлена новая, *не знаетъ*; *слышалъ*, но не помнитъ отъ кого, что Николай Дмитріевичъ Шмелевъ подписался подъ руку Бѣляева; также не помнитъ отъ кого *слышалъ*, что духовная оставленная Бѣляевымъ не была засвидѣтельствована Сицилинскимъ. *Елена Аѳанасьева* показала, что о духовномъ завѣщаніи она ничего *не слыхала* до истеченіи шести недѣль послѣ его смерти; по прошествіи же шести недѣль однажды вечеромъ собрались въ столовую Александръ и Иванъ Мясниковы, Екатерина Васильевна и другіе родственники, не знаетъ, впрочемъ, кто именно, и квартальный надзиратель, объ этомъ *услыхала* она отъ человѣка Василья Михайлова, который пода-

---

[1]) Ср. Копія съ протокола суд. слѣд. Макалинскаго 26 іюля 1868 г.
[2]) Ср. Копія съ протокола суд. слѣд. Макалинскаго 28 іюля 1868 г.

валъ имъ въ столовую чай и потомъ *разсказывалъ* въ кухнѣ, что Бѣляевъ оставилъ духовную, но теперь ее сокращаютъ, чтобы наслѣдство не досталось другимъ; сама же этого она *не видала*, по словамъ Василья Михайлова писалъ тамъ какой-то чиновникъ не изъ живущихъ въ домѣ и не изъ своихъ; а положительно они узнали, что есть фальшивая духовная черезъ недѣлю по слѣдующему случаю: человѣкъ ихъ Александръ Петровъ пошелъ въ баню *пьяный*, встрѣтилъ тамъ діакона спасо-преображенскаго собора и началъ его ругать, говоря, что вы мошенники, сдѣлали новую духовную такъ, что мы ничего не получили. Дьяконъ сказалъ протопопу и протопопъ прислалъ жалобу, за которую Александра Петрова требовали въ часть.

Показанія сихъ домочадцевъ повѣреннаго Ижболдиныхъ Сысоева—поражаютъ своею очевиднѣйшею несостоятельностью: сами они ничего *не видали* и все, что они говорятъ, *слышали*, или *не помнятъ* отъ кого, или отъ людей, которые ссылки ихъ *не подтвердили*. Что же касается до показанія Елены Аѳанасьевой, что она *положительно узнала* о фальшивости духовнаго завѣщанія потому случаю, что пьяный лакей Петровъ ругалъ въ банѣ какого-то дьякона Преображенскаго собора, то эта ея положительная увѣренность представляется такою крайнею нелѣпостью, которая не заслуживаетъ даже какого либо опроверженія.

Въ числѣ лицъ, проживавшихъ въ домѣ Бѣляева во время его кончины, наибольшее довѣріе заслуживаетъ родная сестра его, ближайшая наслѣдница покойнаго, Анна Васильевна Ремянникова, интересы которой въ этомъ дѣлѣ не имѣютъ никакой солидарности съ интересами Бѣляевой, получившей по духовному завѣщанію то имущество, значительная часть котораго, въ случаѣ признанія этого завѣщанія подложнымъ, должно бы было перейти къ ней, Ремянниковой. А между тѣмъ она, Ремянникова, при предъявленіи ей подлиннаго духовнаго завѣщанія, признала написанными почеркомъ покойнаго Бѣляева слова: «Козьма Бѣляевъ», утвердительно сказавъ [1]): «это уже вѣрнѣе смерти, что его почеркъ», и что «въ подлинности оказавшагося по смерти Бѣляева завѣщанія, она, Ремянникова, не можетъ сомнѣваться, потому что Бѣляевъ хотѣлъ сдѣлать завѣщаніе, и при томъ жилъ съ Екатери-

---

[1]) Ср. Копія съ протокола суд. слѣд. Макалинскаго 19 іюля 1868 г.

ной Васильевной душа въ душу; ближе жены къ нему никто не былъ.»

Двое представленныхъ Ижболдиными свидѣтелей, надворный совѣтникъ Матвѣевъ и столяръ Штеммеръ, хотя и показываютъ, что на похоронномъ обѣдѣ Бѣляева, вдова его при нихъ Матвѣевѣ и Штеммерѣ и многихъ другихъ лицахъ, будто бы говорила, что духовнаго завѣщанія нѣтъ, но показаніе ихъ опровергается утвержденіемъ всѣхъ другихъ свидѣтелей, удостовѣряющихъ, что вдова Бѣляева на похоронномъ обѣдѣ,—о томъ что мужъ ея не оставилъ духовнаго завѣщанія,—ничего не говорила. Двоюродный братъ завѣщателя, Алексѣй Бѣляевъ, также удостовѣряетъ, что онъ на похоронахъ былъ, но никакихъ разговоровъ о духовномъ завѣщаніи не слыхалъ. При томъ слова Штеммера не могутъ имѣть силы свидѣтельскаго показанія въ настоящемъ дѣлѣ еще и потому, что онъ оказывается явнымъ сообщникомъ Ижболдина, подговаривавшимъ вдову Кемпе дать въ пользу Ижболдина показаніе; а Матвѣевъ, написавъ собственноручно письмо къ повѣренному Ижболдина Сысоеву, при спросѣ у судебнаго слѣдователя, отрекся подтвердить его содержаніе. Само собою разумѣется, что такой человѣкъ не заслуживаетъ никакого довѣрія. Впрочемъ если бы вдова Бѣляева почему либо и не желала, до истеченія шести недѣль послѣ смерти ея мужа, огласить духовное его завѣщаніе, и даже если бы уклонилась отъ утвердительныхъ отвѣтовъ на вопросы спрашивающихъ о томъ лицъ, то это до Мясниковыхъ вовсе не касается. Обвинять ихъ по поводу этого обстоятельства въ составленіи подложнаго отъ имени Бѣляева завѣщанія и подвергать какому либо судебному преслѣдованію было бы совершенно противозаконнымъ и въ самой высшей степени не основательнымъ.

Въ подвержденіе своего извѣта Ижболдины и Германъ, кромѣ вышеобъясненныхъ ссылокъ ихъ на разныхъ лицъ, представили два письма,—первое отъ Надворнаго Совѣтника Матвѣева къ повѣренному Ижболдина Сысоеву, второе отъ Надворнаго Совѣтника Исаева къ Герману,

Но Матвѣевъ, при спросѣ его судебнымъ слѣдователемъ, справедливости содержанія письма своего къ Сысоеву не подтвердилъ, а сказалъ: «почему въ письменномъ свѣдѣніи, данномъ мною Сысоеву написано иначе, чѣмъ я теперь показываю, не знаю». Пос-

лѣ такого сознанія Матвѣева въ разнорѣчіи его письма съ тѣмъ, что онъ показалъ судебному слѣдователю, будучи предваренъ о присягѣ, письмо это лишается всякаго значенія, а на противъ даетъ очевидный поводъ къ предположенію, что оно выманено было у писавшаго въ видахъ интереса Ижболдиныхъ. Предположеніе это тѣмъ болѣе представляется основательнымъ, что и о второмъ письмѣ, писанномъ къ Герману отъ Исаева, сей послѣдній далъ судебному слѣдователю слѣдующее показаніе [1]): «когда я исправлялъ должность слѣдственнаго пристава Васильевской и Петербургской частей, Германъ, котораго я просилъ достать мнѣ деньги у знакомыхъ ему купцовъ, предложилъ мнѣ написать къ нему письмо, обѣщая, что онъ покажетъ это письмо Ижболдину и такимъ образомъ достанетъ отъ Ижболдина деньги. Въ письмѣ этомъ онъ просилъ меня написать, будто пріѣзжалъ ко мнѣ Мясниковъ и просилъ меня подписаться на завѣщаніи свидѣтелемъ. Онъ обѣщалъ письмо это только показать Ижболдину, а потомъ возвратить мнѣ или уничтожить. Я согласился написать, и просилъ Германа сохранить это въ тайнѣ. Письмо это, нынѣ мнѣ предъявленное, писано мною, кажется въ квартирѣ Германа—въ домѣ Степанова по Лиговкѣ, у Московской заставы». Къ этому своему показанію Исаевъ присовокупилъ нижеслѣдующія слова: «Германъ этотъ — извѣстный пьяница и рѣдко бываетъ трезвъ, о чемъ извѣстно во всемъ околодкѣ дома Степанова. *Мнѣ о дѣлѣ Мясниковыхъ рѣшительно ничего неизвѣстно*, кромѣ того, что Германъ разсказывалъ за стаканомъ пунша, или въ кабакахъ, гдѣ онъ всѣхъ кабадчиковъ припутывалъ къ наслѣдству, слѣдовавшему будто бы, Ижболдину, и такимъ образомъ выманивалъ у нихъ деньги».

Изъ показаній другихъ представленныхъ этимъ Германомъ свидѣтелей, Коллежскаго Ассесора Константина Шимановскаго, Коллежскаго Ассесора Ефима Герасимова и разъѣзднаго чиновника по управленію перевозки почтъ Викентія Парфененкова, оказывается, что они о фальшивости духовнаго завѣщанія *слышали* отъ Чевакинскаго. Но такъ какъ Чевакинскій ссылки ихъ не подтвердилъ, то въ виду его вышеизложеннаго объясненія, показанія означенныхъ лицъ—рѣшительно ни къ какому роду доказательствъ

---

[1]) Ср. Копія съ протокола суд. слѣд. Макалинскаго 12 іюля 1868 г.

отнесены быть не могутъ, будучи лишены единственнаго ихъ основанія.

27 числа сентября 1868 года въ присутствіи Александра Мясникова, Ижболдина и пяти повѣренныхъ его, приглашенными судебномъ слѣдователемъ, экспертами, учителями чистописанія: Коллежскимъ Ассесоромъ Якимовымъ, Коллежскимъ Ассесоромъ Лосевымъ, Титулярнымъ Совѣтникомъ Лапшинымъ и Коллежскимъ Ассесоромъ Поддубенскимъ, произведено было сличеніе подписи «Козьма Бѣляевъ» на духовномъ завѣщаніи отъ 10 мая 1858 года съ подписями Козьмы Бѣляева на представленныхъ къ дѣлу письмахъ и документахъ, подписанныхъ Бѣляевымъ, и съ почеркомъ С.-Петербургскаго мѣщанина Амфилогія Александрова Караганова на имѣющихся въ дѣлѣ писанныхъ или подписанныхъ имъ бумагахъ. Для сличенія почерковъ, кромѣ того Александромъ Мясниковымъ представлены шесть контрактовъ, одна копія съ контракта и двѣ копіи съ обязательствъ, подписанныхъ Бѣляевымъ. По сличеніи эксперты Якимовъ, Лосевъ, и Лапшинъ и Поддубенскій на предложенные слѣдователемъ вопросы, объявили [1]): 1) оспариваемая подпись «Козьма Бѣляевъ» на духовномъ завѣщаніи, *совершенно по характеру подходитъ* къ предъявленнымъ настоящимъ его подписямъ, и отличается только стилемъ самаго почерка, именно въ томъ, что на духовномъ завѣщаніи подпись нѣсколько крупнѣе, затѣмъ если обратить вниманіе на нѣкоторую нетвердость въ подписи на духовномъ завѣщаніи, то это можно объяснить тѣмъ, что Бѣляевъ въ маѣ мѣсяцѣ 1858 года, какъ сообщено экспертамъ судебнымъ слѣдователемъ, былъ болѣнъ, хотя положительно и неизвѣстно въ какой степени. Къ этому Гг. Поддубенскій и Лапшинъ присовокупили: на духовномъ завѣщаніи въ подписи Козьмы Бѣляева въ словѣ «Козьма» буква «ь» имѣетъ большую разницу съ такими же буквами въ подписяхъ Бѣляева, съ которыми производилось сличеніе; буква «ъ» не замѣчается въ тѣхъ подписяхъ Бѣляева, гдѣ есть въ словѣ «Бѣляевъ» росчеркъ; между тѣмъ, на завѣщаніи имѣется въ словѣ «Бѣляевъ» и буква «ъ», и сдѣланъ послѣ нея росчеркъ; въ самыхъ росчеркахъ замѣчается разница, заключающаяся въ томъ,

---

[1]) Ср. Копія съ протокола суд. слѣд. Макалинскаго 26 сентября 1868 г.

что въ росчеркѣ на завѣщаніи утолщеніе идетъ сверху, а въ другихъ подписяхъ Бѣляева утолщеніе внизу; во всемъ же остальномъ они, Поддубенскій и Лапшинъ согласно съ Якимовичемъ и Лосевымъ находятъ *большое сходство*; совершеннымъ же назвать это сходство не могутъ потому, что подъ совершеннымъ сходствомъ они разумѣютъ *тождественность*, которая возможна только при снятіи подписи черезъ стекло или подобными средствами и не встрѣчается даже въ одновременныхъ подписяхъ одного и того же лица. Что же касается до отсутствія точки на духовномъ завѣщаніи послѣ подписи Бѣляева, то всѣ эксперты единогласно заключили, что обстоятельство это неимѣетъ никакого значенія, такъ какъ на нѣкоторыхъ изъ предложенныхъ на разсмотрѣніе документахъ также послѣ подписи Бѣляева нѣтъ точки. 2) Подпись «Козьма Бѣляевъ» не имѣетъ никакого сходства съ почеркомъ мѣмѣщанина Амфилогія Караганова, не смотря на то, что на допросѣ у судебнаго слѣдователя онъ писалъ разными шрифтами, изъ которыхъ ни одинъ не похожъ на подпись Бѣляева. 3) Карагановъ, какъ видно изъ почерка его руки, въ особенности при допросѣ у судебнаго слѣдователя, можетъ по своему желанію измѣнять почеркъ своей руки, а можетъ ли онъ подписываться, по мнѣнію гг. Якимовича, Лапшина и Поддубенскаго, опредѣлить нельзя; по мнѣнію же г. Лосева, Карагановъ, по твердости своего почерка не въ состояніи подписаться подъ дрожащую руку Бѣляева. 4) Подложная ли или подлинная подпись Бѣляева на завѣщаніи, по мнѣнію гг. Поддубенскаго и Лапшина, опредѣлить нельзя, такъ какъ это дѣло юристовъ, по мнѣнію же Гг. Якимова и Лосева, подпись на завѣщаніи Бѣляева сдѣлана скорѣе самимъ Бѣляевымъ, чѣмъ другимъ лицомъ.

Изъ произведеннаго такимъ образомъ сличенія видно, что всѣ эксперты единогласно утвердили, что оспориваемая подпись «Козьма Бѣляевъ» на духовномъ завѣщаніи *совершенно по характеру подходитъ* къ предъявленнымъ настоящимъ его подписямъ; что хотя двое изъ экспертовъ Поддубенскій и Лапшинъ присовокупили, что въ словѣ «Козьма Бѣляевъ» буква «ь» имѣетъ разницу съ такими же буквами въ другихъ подписяхъ Бѣляева и замѣчается разница въ росчеркахъ Бѣляева, дѣланныхъ имъ въ концѣ подписи своей фамиліи, но во всемъ остальномъ они, Поддубенскій и Лапшинъ согласно съ Якимовымъ и Лосевымъ нахо-

дятъ сходство, которое назвать совершеннымъ не могутъ только потому, что подъ совершеннымъ сходствомъ они разумѣютъ тождественность, которая возможна только при снятіи подписи черезъ стекло, или подобными средствами и не встрѣчается даже въ одновременныхъ подписяхъ одного и того же лица. Слѣдовательно гг. Поддубенскій и Лапшинъ говорятъ здѣсь о той дагеротипной точности, которая можетъ быть воспроизведена только посредствомъ механическаго снятія, и которой, по собственному сознанію этихъ экспертовъ, не бываетъ да и не можетъ быть даже въ одновременныхъ подписяхъ живаго лица. Затѣмъ подпись «Козьма Бѣляевъ» найдена экспертами не имѣющею никакого сходства съ почеркомъ мѣщанина Амфилогія Караганова, а по мнѣнію эксперта Лосева, Карагановъ по твердости своего почерка не въ состояніи подписаться подъ дрожащую руку Бѣляева.

Далѣе судебнымъ слѣдователемъ спрошены были слѣдующія лица:

а) Братъ Бѣляевой Капитанъ Василій Поповъ, который сдѣланную на него Ижболдинымъ и сообщниками его ссылку положительно опровергнулъ. [1]) Онъ показалъ, что о составленіи духовнаго завѣщанія ничего не знаетъ, что о фальшивости его и сохранной росписки ни какихъ разговоровъ съ г. Шимановскимъ не имѣлъ, что онъ ничего по этому дѣлу ни отъ Мясниковыхъ, ни отъ лицъ, жившихъ въ домѣ Бѣляева, *не слыхалъ*.

б) Находившіеся въ услуженіи въ домѣ Бѣляева,—лакей Василій Денисовъ, дворникъ Ананій Поликарповъ и поваръ Андрей Поликарповъ, которые показали, что о фальшивости духовнаго завѣщанія рѣшительно ничего *не знаютъ* и ни отъ кого о томъ *не слыхали*.

в) Камердинеръ покойнаго Бѣляева, кронштадтскій мѣщанинъ Василій Китаевъ, показаніе котораго изложено выше.

г) Лугскій купецъ Иванъ Гонинъ, который хотя и показалъ, что Александръ Мясниковъ поручалъ ему отыскать въ г. Сарапулѣ сестру покойнаго Бѣляева, Мартьянову, и предложить ей уничтожить довѣренность, выданную ею купцу Ижболдину по дѣлу о

---

[1]) Ср. Копія съ отвѣтовъ г. Попова на предложенные ему въ присутствіи Ревельской управы благочинія вопросы.

духовномъ завѣщаніи Бѣляева, но съ тѣмъ вмѣстѣ онъ объяснилъ [1]), что на похоронахъ Бѣляева онъ хотя и видѣлъ вдову его, но о духовномъ завѣщаніи съ нею разговора никакого *не было*; что онъ *не помнитъ* былъ ли у него объ этомъ завѣщаніи разговоръ съ Карагановымъ, что съ Кемпе онъ, Гонинъ, былъ въ самыхъ дружескихъ сношеніяхъ, былъ знакомъ съ Каменскимъ и Целебровскимъ, но объ обстоятельствахъ составленія духовнаго завѣщанія ни отъ Кемпе, ни отъ Каменскаго, ни отъ Целебровскаго ничего *не слыхалъ*.

д) Жена рядоваго Авдотья Терентьева. Но такъ какъ изъ показанія ея видно, что она въ теченіи слишкомъ четырехъ лѣтъ находилась и въ настоящее время находится въ услуженіи у Ижболдиныхъ, то словамъ ея вѣры дать нельзя, да и все показаніе ея относится исключительно къ тому, что она, будто бы *слышала* отъ другаго, теперь, уже умершаго лица.

е) Содержащійся въ тюремномъ замкѣ мѣщанинъ Иванъ Шпилевъ, состоящій подъ судомъ по обвиненію въ сообщничествѣ съ мѣщаниномъ Дѣтятинымъ въ обманныхъ поступкахъ противъ мѣщанина Егорова. Изъ словъ его хотя и видно стремленіе показывать во вредъ Мясниковыхъ, но и въ данномъ имъ показаніи [2]) нельзя найдти не только достаточнаго доказательства къ обвиненію ихъ въ составленіи подложнаго завѣщанія, но даже и разумнаго повода, на которомъ было бы можно основать какое-либо въ томъ подозрѣніе, тѣмъ болѣе, что показаніе этого лица представляется весьма сомнительнымъ и потому, что онъ уже находится подъ судомъ *за сообщничество въ обманныхъ поступкахъ*, и сверхъ того прежде былъ судимъ въ Уголовной Палатѣ за невозвращеніе мѣщанкѣ Сѣдовой полученныхъ имъ по довѣренности ея денегъ.

ж) Служившій у Бѣляева конторщикомъ мѣщанинъ Клюевъ показалъ, [3]) что о существованіи духовнаго завѣщанія онъ узналъ отъ Шмелева, который сомнѣнія въ подложности этого за-

---

[1]) Ср. Копія съ протокола суд. слѣд. Макалинскаго 27 сентября 1868 г.

[2]) Ср. Копія съ протокола суд. слѣд. Макалинскаго 12 октября 1868 г.

[3]) Ср. Копія съ протокола суд. слѣд. Макалинскаго 12 октября 1868 г.

вѣщанія *не выражалъ;* что на похоронномъ обѣдѣ Бѣляева онъ былъ, но разговоровъ о томъ осталось ли послѣ покойнаго завѣщаніе *не слыхалъ*; что о фальшивости духовнаго завѣщанія ни отъ кого изъ служащихъ у Бѣляева, а также ни отъ Караганова, ни отъ Кемпе ничего *не слыхалъ*, и самъ онъ, Клюевъ, въ квартирѣ Дьяконова о томъ, что завѣщаніе подписано Карагановымъ, *не говорилъ*.

з) Дочь протоіерея Сицилинскаго, титулярная совѣтница Крутицкая, показала [1]), что предъявленная ей на духовномъ завѣщаніи подпись сдѣлана ея отцомъ, равнымъ образомъ признала за настоящую и подпись на допросѣ отца ея въ Гражданской Палатѣ.

к) Служившій у Мясниковыхъ по откупамъ мѣщанинъ Мыльниковъ показалъ [2]), что съ Кемпе онъ былъ въ близкихъ, пріятельскихъ отношеніяхъ; что Кемпе не разсказывалъ ему подробностей составленія духовнаго завѣщанія, оставшагося по смерти Бѣляева; что подложнымъ это завѣщаніе Кемпе *не называлъ* и *не говорилъ*, кто, и какъ, и гдѣ его подписалъ; равно *не говорилъ* и о томъ, что ему извѣстны большія подробности о завѣщаніи и сохранной роспискѣ.

15 числа октября 1858 года вслѣдствіе предложенія С. Петербургскаго окружнаго суда, судебнымъ слѣдователемъ, чрезъ свѣдущихъ людей, учителей чистописанія: коллежскаго ассессора Колмакова, губернскаго секретаря Румянцова и коллежскаго ассесора Антонова *въ другой разъ* произведено было сличеніе подписи купца Козьмы Бѣляева на духовномъ завѣщаніи его съ представленными къ дѣлу письмами и документами, на которыхъ имѣются почерки его, Бѣляева, и мѣщанина Караганова. При чемъ г. Румянцовъ отозвался, что онъ по слабости зрѣнія никакого заключенія дать не можетъ, а гг. Колмаковъ и Антоновъ объяснили [3]): 1) слово «Бѣляевъ» на духовномъ завѣщаніи неимѣетъ сходства съ почеркомъ Бѣляева какъ по сравнительному разстоянію между буквами, такъ и по характеру росчерка, который у Бѣляева бывалъ, какъ

---

[1]) Ср. Копія съ протокола суд. слѣд. Макалинскаго 29 октября 1868 г.

[2]) Ср. Копія съ протокола суд. слѣд. Макалинскаго 29 октября.

[3]) Ср. Копія съ протокола суд. слѣд. Макалинскаго 15 октября 1868 г.

видно изъ писемъ Бѣляева и документовъ, двоякаго рода: одинъ употреблялся имъ тогда, когда онъ не дописывалъ букву «ъ», а другой когда онъ эту букву дописывалъ, и этотъ послѣдній росчеркъ не похожъ на росчеркъ на завѣщаніи, не смотря на то, что на завѣщаніи имѣется буква «ъ», и вообще слово «Бѣляевъ» написано не такимъ *твердымъ* почеркомъ, какъ на представленныхъ для сличенія письмахъ и документахъ и въ особенности въ журналѣ Бѣляева, гдѣ сдѣлана его рукою отмѣтка въ одинъ день съ составленымъ завѣщаніемъ. *Но происходитъ ли это несходство отъ того, что подпись на завѣщаніи сдѣлана не Бѣляевымъ, а другимъ лицомъ, или же отъ того, что завѣщаніе подписано Бѣляевымъ въ болѣзненномъ состояніи, опредѣлить невозможно*; но изъ отмѣтки въ журналѣ Бѣляева 10 мая 1858 года видно, что онъ писалъ въ этотъ день обыкновеннымъ почеркомъ. Слово «Козьма» на завѣщаніи также не имѣетъ сходства съ представленными къ дѣлу документами и письмами, кромѣ разорваннаго векселя, представленнаго Мясниковымъ во время сличенія, какъ по разстоянію буквъ, такъ и по характеру ихъ, преимущественно въ буквахъ «з» и «с», изъ которыхъ первая на завѣщаніи сдѣлана болѣе прямымъ шрифтомъ, тогда какъ Бѣляевъ писалъ ее болѣе закругленно, а вторая написана на завѣщаніи снизу вверхъ, тогда какъ постоянная привычка Бѣляева была писать ее сверху внизъ, съ разорваннымъ же векселемъ предъявленнымъ Мясниковымъ, слово «Козьма» имѣетъ большое сходство, не исключая буквы «з», но кромѣ буквы «с», которая на векселѣ написана также сверху внизъ. 2) Почеркъ Караганова, не имѣетъ сходства съ подписью Бѣляева на завѣщаніи, но судя по измѣнчивости и развитости почерка Караганова можно допустить, что человѣкъ способный такъ разнообразить свой почеркъ, могъ поддѣлать подпись Бѣляева на завѣщаніи. Затѣмъ, по возникшему со стороны одного изъ повѣренныхъ Ижболдина вопросу: «нельзя ли по характеру письма текста завѣщанія вывести заключеніе, что текстъ пригонялся къ подписи Бѣляева т. е. что подпись Бѣляева была сдѣлана прежде написанія текста завѣщанія, гг. «Колмаковъ и Антоновъ объяснили, что дѣйствительно въ началѣ завѣщанія писано было болѣе сжатымъ почеркомъ, затѣмъ болѣе расширеннымъ, а наконецъ опять сжатымъ со словъ «что такова моя послѣдняя воля,» и что это обстоятельство можетъ наво-

дить сомнѣніе не написанъ-ли текстъ завѣщанія послѣ подписи Бѣляева, но утвердительно отвѣчать на этотъ вопросъ нельзя, такъ какъ различная сжатость почерка могла происходить отъ другихъ причинъ, какъ напримѣръ отъ того, что въ началѣ завѣщанія первыя слова написаны крупнѣе и тщательнѣе, а послѣднія слова передъ подписью завѣщателя написаны нѣсколько времени спустя послѣ написанія текста завѣщанія.

Изъ этого во второй разъ произведеннаго сличенія видно:

1) Что Гг. Колмяковъ и Антоновъ заключеніе свое о несходствѣ слова «Бѣляевъ» съ почеркомъ Бѣляева основываютъ не на отсутствіи типическаго сходства, о которомъ они ничего не говорятъ, и не на томъ, что этого сходства въ буквахъ нѣтъ, а на одномъ только сравнительномъ разстояніи между буквами и на несходствѣ не самыхъ буквъ подписи, а росчерка, который Бѣляевъ дѣлалъ въ концѣ своихъ подписей. Само собою разумѣется, что находимое гг. Колмаковымъ и Антоновымъ несходство росчерковъ Бѣляева, при отсутствіи съ ихъ стороны отрицанія сходства самыхъ буквъ, едвали можетъ имѣть какое либо значеніе: росчеркъ, дѣлаемый въ концѣ подписей, есть ничто иное, какъ болѣе или менѣе, по прихоти руки, искривленная черта, и основать на ней удостовѣреніе въ сходствѣ или несходствѣ буквъ, составляющихъ подпись, — представляется крайне страннымъ обстоятельствомъ.

2) Что касается до заключенія гг. Колмакова и Антонова, что слово «Бѣляевъ» написано не такимъ твердымъ почеркомъ, какъ на представленныхъ для сличенія письмахъ и документахъ и въ особенности въ журналѣ Бѣляева 10 мая 1858 года, гдѣ сдѣлана рукою его отмѣтка въ одинъ день съ составленнымъ завѣщаніемъ,—то по поводу этого замѣчанія сами они—Колмаковъ и Антоновъ находятъ невозможнымъ опредѣлить: происходитъ ли это несходство отъ того, что подпись на завѣщаніи сдѣлана не Бѣляевымъ, а другимъ лицомъ, или же отъ того, что завѣщаніе подписано Бѣляевымъ въ болѣзненномъ состояніи. Этотъ послѣдній вопросъ достаточно разрѣшается показаніемъ доктора Тильмана, который положительно удостовѣряетъ, что Бѣляевъ страдалъ весьма жестокою болѣзнію и одержимъ былъ мучительнѣйшими припадками. Очень естественно, что въ такомъ состояніи, даже сдѣланныя въ одинъ и тотъ же день подписи, не могли имѣть еди-

маковой твердости почерка, подъ вліяніемъ перемежающихся болѣзненныхъ припадковъ. При томъ же не представляется никакого положительнаго основанія утверждать, чтобы въ самый день подписи духовнаго завѣщанія сдѣлана была рукою Бѣляева отмѣтка въ журналѣ 10 мая. Отмѣтка эта могла быть занесена въ журналъ и 11 числа.

3) Далѣе гг. Колмаковъ и Антоновъ находятъ, что слово «Бѣляевъ» тоже не имѣетъ сходства съ представленными къ дѣлу документами и письмами, кромѣ представленнаго Мясниковымъ разорваннаго векселя, въ которомъ слово «Козьма» имѣетъ большое сходство. Изъ этого заключенія гг. Колмакова и Антонова явствуетъ, что даже и не въ подверженныхъ сомнѣнію, но сдѣланныхъ въ разное время подписяхъ (т. е. въ подписяхъ документовъ и векселя Бѣляева) не можетъ быть той дагеротипной точности, съ требованіями которой гг. Колмаковъ и Антоновъ отнеслись къ подписи Бѣляева на духовномъ завѣщаніи его.

4) О почеркѣ Караганова гг. Колмаковъ и Антоновъ объяснили, что почеркъ этого лица не имѣетъ сходства съ подписью Бѣляева на духовномъ завѣщаніи, но судя по измѣнчивости и развитости почерка Караганова, можно допустить, что человѣкъ, способный такъ разнообразить свой почеркъ, могъ поддѣлать подпись Бѣляева на завѣщаніи. По поводу этого, до очевидности произвольнаго предположенія, слѣдуетъ принять во вниманіе, что при первомъ производствѣ сличенія почерка Караганова съ подписью Бѣляева, коллежскій ассесоръ Лосевъ выразилъ свою увѣренность въ томъ, что Карагановъ по твердости его почерка не въ состояніи подписаться подъ дрожащую руку Бѣляева. Другіе, участвовавшіе при первомъ сличеніи, въ качествѣ свѣдущихъ людей, лица гг. Якимовъ, Лапшинъ и Поддубенскій, отозвались, что нельзя опредѣлить, могъ ли Карагановъ подписаться подъ руку Бѣляева. Въ виду этихъ заключеній, сдѣланныхъ при первомъ сличеніи четырьмя лицами, предположеніе гг. Колмакова и Антонова теряетъ всякое значеніе.

5) На вопросъ о томъ: была ли сдѣлана подпись Бѣляева прежде написанія текста завѣщанія — гг. Колмаковъ и Антоновъ не дали утвердительнаго отвѣта.

По соображеніи же обоихъ актовъ сличенія оказывается: 1) что приглашенные въ качествѣ свѣдущихъ людей четыре лица, гг.

*

Якимовъ, Лосевъ, Лапшинъ и Поддубенскій, объявили, что оспариваемая подпись «Козьма Бѣляевъ» на духовномъ завѣщаніи совершенно по характеру подходитъ къ предъявленнымъ настоящимъ его подписямъ, а два лица, Колмаковъ и Антоновъ объяснили, что слово «Бѣляевъ» на духовномъ завѣщаніи не имѣетъ сходства съ почеркомъ Бѣляева, и слова «Козьма» также не имѣетъ сходства съ представленными къ дѣлу документами и письмами, кромѣ представленнаго Мясниковымъ разорваннаго векселя, съ которымъ оно имѣетъ большое сходство. 2) Что всѣ приглашенные къ сличенію, и въ первой и во второй разъ, лица, нашли, что почеркъ Карагапова не имѣетъ сходства съ почеркомъ Бѣляева; при чемъ два лица, Колмаковъ и Антоновъ, хотя и находятъ возможнымъ допустить, судя по измѣнчивости и развитости почерка Карагапова, что онъ могъ поддѣлать подпись Бѣляева, но другія лица гг. Акимовъ, Лапшинъ и Поддубенскій, находятъ, что нельзя опредѣлить, могъ ли Карагановъ подписаться подъ руку Бѣляева; а г. Лосевъ удостовѣряетъ, что Карагановъ по твердости своего почерка не въ состояніи подписаться подъ дрожащую руку Бѣляева.

Со стороны Мясниковыхъ въ опроверженіе возводимаго на нихъ обвиненія представлены были судебному слѣдователю собственноручныя записки, счеты и исходящій журналъ Бѣляева, очень ясно обнаруживающіе во первыхъ, что имущество покойнаго далеко не простиралось до той цифры, какая показана Ижболдиными, во-вторыхъ, что въ исходящемъ журналѣ собственноручно Бѣляевымъ записано, что 21 мая 1858 года выдана росписка Александру и Ивану Константиновичамъ Мясниковымъ въ 272 т. рублей, и въ третьихъ, что покойный предполагалъ сдѣлать на случай своей смерти именно такое распоряженіе, какое сдѣлано въ оспариваемомъ завѣщаніи.

Такимъ образомъ изъ показаній спрошенныхъ судебнымъ слѣдователемъ лицъ, изъ документовъ, представленныхъ ему со стороны Мясниковыхъ и изъ сличенія, сдѣланнаго посредствомъ экспертовъ, подписи Бѣляева оказалось:

1) Ни одинъ изъ представленныхъ Ижболдиными и повѣреннымъ ихъ Германомъ свидѣтелей не далъ такого показанія, которое бы представляло не только доказательство, но даже какой либо поводъ къ обличенію Мясниковыхъ въ подложномъ составленіи отъ имени Бѣляева сохранной росписки и духовнаго завѣщанія.

2) Показанія вдовы Кемпе и г. Исаева положительно обличаютъ Ижболдина и Германа въ очевидномъ подговорѣ свидѣтелей къ неправильному въ пользу Ижболдина показанію.

3) Дѣйствительная подлинность сохранной росписки, выданной отъ Бѣляева Мясниковымъ доказывается собственноручнымъ записаніемъ ея Бѣляевымъ въ исходящій его журналъ.

4) По удостовѣренію большинства экспертовъ подпись Бѣляева на духовномъ завѣщаніи совершенно по характеру подходитъ къ предъявленнымъ настоящимъ его подписямъ.

5) Самая суть возводимаго на Мясниковыхъ обвиненія, заключается въ томъ, что они составили отъ имени Бѣляева подложную сохранную росписку въ 272 т. рублей и подложное духовное завѣщаніе въ пользу вдовы покойнаго Екатерины Бѣляевой для того, чтобы она изъ оставшагося послѣ Бѣляева капитала сдѣлала имъ уплату по означенной подложной роспискѣ. Но такъ какъ подлинность этой росписки и непреложная дѣйствительность ея выдачи отъ самаго Бѣляева Мясниковымъ подтверждается находящимся внѣ всякаго сомнѣнія фактомъ: записаніемъ ея въ исходящій журналъ Бѣляева, собственною его рукою, то, въ виду этого несомнѣннаго факта, все обвиненіе Ижболдиныхъ падаетъ само собою, и придавать извѣту ихъ какое либо значеніе было бы вопіющею несправедливостью, немогущею имѣть ни юридическаго, ни нравственнаго оправданія.

Чтобы дать читателямъ полнѣйшую возможность самимъ удостовѣриться въ справедливости вышеизложенныхъ здѣсь объясненій, главнѣйше основанныхъ на дѣйствительныхъ показаніяхъ свидѣтелей, данныхъ ими при производствѣ предварительнаго изслѣдованія,—для этого прилагается при семъ копія съ протоколовъ судебнаго слѣдователя, на которые и сдѣланые ссылки въ вышепоказанныхъ примѣчаніяхъ.

Произведенное судебнымъ слѣдователемъ Макалинскимъ предварительное изслѣдованіе представлено было имъ Прокурорскому надзору, который, по разсмотрѣніи всѣхъ раскрытыхъ изслѣдованіемъ обстоятельствъ, пришелъ къ убѣжденію, что относительно формальной стороны дѣла представляется на видъ слѣдующее: Ижболдины свое право на гражданскій искъ къ имуществу умершаго купца Бѣляева основываютъ на томъ, что вдова Мартьянова, родная сестра Бѣляева, какъ наслѣдница сего послѣдняго по закону, предоставила имъ, Ижболдинымъ, по ду-

ховному завѣщанію все имѣніе, слѣдующее ей послѣ смерти ея брата. Но такъ какъ духовное завѣщаніе есть законное объявленіе воли владѣльца только *о его имуществѣ*, т. е. о такомъ, которое въ моментъ смерти завѣщателя, ему принадлежало, бывъ *благопріобрѣтено* имъ (ч. I Т. X. Зак. Гражд. ст. 1010, 1067, 397); имущество же, не только не бывшее во владѣніи завѣщателя, но и непринадлежавшее ему, и на которое онъ почитаетъ себя лишь *имѣющимъ право*, не подлежитъ завѣщательнымъ распоряженіямъ, оно можетъ быть предметомъ только *наслѣдованія по закону* (тамъ же ст. 1104, 1258, 1259, 1267), слѣдовательно, завѣщаніе Мартьяновой, какъ относящееся до имущества, которое, ни по укрѣпленію за нею, ни по передачѣ ей, ни по иному какому-либо способу пріобрѣтенія, ей не принадлежало, не установляетъ за Ижболдиными никакихъ правъ на то имущество. Почему Ижболдины, какъ не наслѣдники къ имуществу Бѣляева, не могутъ быть признаваемы по ст. 6-й уст. у. суд. учавствующими въ дѣлѣ гражданскими истцами и не имѣли права требовать возбужденія по этому дѣлу слѣдствія, на основ. 301 и 303 ст. означеннаго устава. Что касается до существа дѣла, то изъ предварительнаго слѣдствія, неправильно по оному начатаго, оказывается: что этимъ слѣдствіемъ вообще не обнаружено никакихъ новыхъ, противу произведеннаго дознанія, обстоятельствъ, кои представляли бы собою доказательства въ достовѣрности обвиненія, и могли бы служить для обвинительной власти основаніемъ къ дальнѣйшему преслѣдованію обвиняемыхъ по настоящему дѣлу лицъ. Что напротивъ того, предварительное слѣдствіе открыло нѣкоторыя обстоятельства, кои опровергаютъ предъявленное доносителями обвиненіе какъ-то: а) дѣйствительность выдачи Бѣляевымъ сохранной росписки братьямъ Мясниковымъ удостовѣряется собственноручно записанною Бѣляевымъ статьею въ его счетахъ; и б) его же собственноручная черновая записка свидѣтельствуетъ, что онъ имѣлъ намѣреніе оставить все свое имущество женѣ своей, т. е. сдѣлать то самое распоряженіе, какое содержится въ духовномъ завѣщаніи, предъявленномъ къ засвидѣтельствованію послѣ его смерти; что доказанная достовѣрность выдачи сохранной росписки отъ Бѣляева Мясниковымъ само собою опровергаетъ заявленіе о подложности завѣщанія (въ свое время подтвержденнаго въ установленномъ порядкѣ допрошенными свидѣтелями, нынѣ уже умершими и

Гражданскою Палатою засвидѣтельствованнаго въ подлинности), составленіе котораго доносители и Александръ Красильниковъ, главный изъ выставленныхъ ими свидѣтелей, объясняютъ въ неразрывной связи съ составленіемъ подложной сохранной росписки; что за симъ все объясняемое доносителями и ихъ свидѣтелями относительно подложности завѣщанія Бѣляева представляетъ собою показанія о томъ только, что между нѣкоторыми лицами происходили въ равное время разговоры, выражавшіе предположеніе о составленіи Мясниковыми означеннаго завѣщанія послѣ смерти Бѣляева, и объ участіи въ этомъ вдовы его, Целебровскаго, Караганова (въ томъ несознавшихся), священника Сицилинскаго и доктора Отто, вовсе неспрошенныхъ при слѣдствіи, такъ какъ доносъ сдѣланъ былъ послѣ уже ихъ смерти; что и эти показанія неимѣютъ надлежащей достовѣрности, ибо отчасти не подтверждены тѣми лицами, на коихъ ссылаются показатели, а отчасти основываются на ссылкахъ на такихъ свидѣтелей, кои уже умерли; что косвенно выводимое изъ содержанія тѣхъ показаній обвиненіе братьевъ Мясниковыхъ въ присвоеніи имущества умершаго Бѣляева и въ склоненіи вдовы его къ невыгодной для нея сдѣлки съ ними потому имуществу,—не можетъ нынѣ, за истеченіемъ срока давности (улож. о наказ. ст. 1681, 1688 и 158 п. 2 и 3) подлежать судебно-уголовному преслѣдованію. По вышеизложеннымъ соображеніямъ, и имѣя въ виду, что слѣдствіемъ не обнаружено никакихъ данныхъ, кои вели бы къ опроверженію подлинности духовнаго завѣщанія Бѣляева, надлежащимъ порядкомъ въ свое время засвидѣтельствованнаго и представляли бы твердыя основанія къ обвиненію кого-либо въ подложномъ составленіи того завѣщанія, прокурорскій надзоръ нашелъ, что настоящее дѣло надлежитъ прекратить.

Судебная палата, въ которую дѣло это было передано отъ прокурора,—по соображеніи обстоятельствъ, раскрытыхъ предварительнымъ изслѣдованіемъ, съ основаніями, приведенными въ заключеніи прокурорскаго надзора, опредѣлила: слѣдствіе по настоящему дѣлу за недостаткомъ уликъ къ обвиненію заподозрѣнныхъ въ семъ дѣлѣ лицъ дальнѣйшимъ производствомъ прекратить, съ отмѣною всѣхъ возникшихъ изъ онаго мѣръ, касающихся личности или имущества обвиняемыхъ, или другихъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ.

Такимъ образомъ не одинъ только судебный слѣдователь Мака-

линскій нашелъ, что дѣло слѣдуетъ прекратить по неимѣнію въ виду уголовнаго преступленія. Прокурорскій надзоръ также нашелъ, что настоящее дѣло надлежитъ прекратить по неимѣнію основаній къ обвиненію кого либо въ уголовномъ преступленіи, въ чемъ согласилась и с.-петербургская судебная палата, постановившая опредѣленіе о прекращеніи дѣла. Наконецъ и с.-петербургскій окружной судъ, въ который послѣ всего этого Ижболдины обратились съ предъявленіемъ своего гражданскаго иска на Бѣляеву, постановилъ 3 іюня 1870 года слѣдующее опредѣленіе: Выслушавъ словесныя объясненія повѣренныхъ сторонъ и заключеніе товарища прокурора, окружной судъ, обращаясь къ разрѣшенію настоящаго дѣла, находитъ, что первый вопросъ, подлежащій разрѣшенію суда заключается въ возбужденномъ повѣреннымъ отвѣтчицы отводѣ о томъ, что за настоящими истцами Ижболдиными и Пѣшехоновой не можетъ быть признано право на настоящій искъ. Въ этомъ отношеніи присяжный повѣренный Арсеньевъ указалъ на два обстоятельства: во-первыхъ, право на искъ не могло перейти къ истцамъ отъ Мартьяновой путемъ завѣщанія, и во-вторыхъ, истцы пропустили установленный закономъ срокъ на предъявленіе спора противъ завѣщанія. Первое изъ этихъ двухъ заявленій повѣренный отвѣтчицы основываетъ на томъ положеніи, что по закону духовное завѣщаніе есть законное объявленіе воли владѣльца о его имуществѣ на случай смерти; что такимъ образомъ передавать по завѣщанію другому лицу можно лишь то, что въ моментъ смерти принадлежитъ завѣщателю; право же на искъ, какъ составляющій предметъ, подлежавшій еще осуществленію со стороны самой завѣщательницы и потому не бывшій еще въ пользованіи завѣщательницы не можетъ составлять имущество и потому быть передаваемо другому лицу при посредствѣ завѣщанія. Но это заявленіе повѣреннаго отвѣтчицы нельзя не признать неправильнымъ; хотя 1010 ст. 1 ч. X т. опредѣляетъ завѣщаніе распоряженіемъ владѣльца о его имуществѣ, но само собою разумѣется, что подъ имуществомъ законъ понимаетъ въ этой статьѣ совокупность всѣхъ правъ, принадлежащихъ извѣстному лицу, какъ на вещи и предметы, находящіеся у него въ дѣйствительномъ обладаніи, такъ и на тѣ права, осуществленіе которыхъ зависитъ отъ самаго завѣщателя. Въ законодательствѣ нашемъ къ наслѣдству отнесена совокупность имуществъ, правъ и обязательствъ, оставшихся послѣ извѣстнаго лица

(ст. 1104 1 ч. X т.); по таковому опредѣленію закона наслѣдства нельзя не отнести къ числу правъ, переходящихъ по наслѣдству и право извѣстнаго лица на предъявленіе того или другаго иска, возникающаго изъ отношеній, въ которыхъ находится къ другимъ лицамъ извѣстное лицо; если же допустить, что право на искъ переходитъ по смерти лица, имѣющаго это право къ его законнымъ наслѣдникамъ, то въ виду отсутствія въ законѣ ограниченій относительно права завѣщателя распоряжаться въ завѣщаніи тѣмъ или другимъ его личнымъ правомъ должно признать, что Мартьянова имѣла право по завѣщанію передать своимъ избраннымъ ею наслѣдникамъ принадлежавшее ей по закону право спора противъ завѣщанія Козьмы Бѣляева. Но кромѣ этого, означенное заявленіе присяжнаго повѣреннаго Арсеньева теряетъ значеніе потому, что изъ положенія настоящаго дѣла видно, что Надежда Мартьянова до смерти своей возбудила споръ противъ завѣщанія,— слѣдовательно, передавала Ижболдинымъ и Пѣшехоновой не право на предъявленіе извѣстнаго иска, а право продолжать судебнымъ порядкомъ уже возбужденный ею самою споръ противъ завѣщанія и право воспользоваться тѣми выгодами, которыя могутъ возникнуть отъ этого процесса. Передача подобнаго права, уже осуществившагося по завѣщанію, не отвергается даже самимъ повѣреннымъ отвѣтчицы. Но кромѣ изложеннаго, право настоящихъ истцовъ продолжать настоящее дѣло подтверждается тѣмъ главнымъ обстоятельствомъ, что правительствующій сенатъ, разсмотрѣвъ жалобу Ижболдиныхъ и Пѣшехоновой на постановленіе с.-петербургской гражданской палаты, какъ видно изъ указа его, отъ 14 февраля 1867 г., № 339, находящагося при подлинномъ производствѣ гражданской палаты, присланномъ въ окружной судъ, нашелъ прекращеніе палатою дѣла о спорѣ противъ завѣщанія Бѣляева за смертію Надежды Мартьяновой неправильнымъ и предписалъ ей продолжать возбужденное Мартьяновою исковое дѣло о завѣщаніи Бѣляева. Такимъ образомъ, сенатъ, войдя въ разсмотрѣніе дѣла по жалобѣ Ижболдиныхъ, тѣмъ самымъ призналъ ихъ участвующими въ дѣлѣ лицами, у которыхъ нельзя отнять право иска. Обращаясь къ другому возраженію повѣреннаго Бѣляевой о пропускѣ истцами двухгодичнаго срока на предъявленіе сего иска, окружной судъ не можетъ не признать и это возраженіе лишеннымъ законныхъ основаній. Въ виду только что упомянутаго указа сената, обязатель-

ность котораго для окружнаго суда является несомнѣнною, не можетъ быть и рѣчи о пропускѣ срока до воспослѣдованія этого указа, такъ какъ сенатъ, разсмотрѣвъ дѣло, тѣмъ самымъ призналъ не только право истцовъ на веденіе сего дѣла, но и то, что до подачи ими жалобы въ сенатъ они не пропустили установленнаго закономъ срока на предъявленіе спора противъ завѣщанія, что же касается до начатія ими иска послѣ указа сената, то подлинное производство гражданской и с.-петербургской судебной палатъ вполнѣ подтверждаетъ, что истцы со времени воспослѣдованія помянутаго указа вели это дѣло безотлагательно, не пропуская столько времени, чтобы могъ быть возбужденъ вопросъ о пропускѣ сроковъ на предъявленіе сего иска. Признавая, такимъ образомъ, эти возраженія неправильными, окружной судъ обращается къ разсмотрѣнію иска Ижболдиныхъ и Пѣшехоновой по существу.

Искъ Ивана и Анны Ижболдиныхъ и Зои Пѣшехоновой, имѣя предметомъ своимъ недѣйствительность духовнаго завѣщанія Козьмы Бѣляева, основывается на двухъ главныхъ положеніяхъ: первое касается формальной стороны самого завѣщанія и неправильности засвидѣтельствованія его палатою; второе имѣетъ предметомъ внутреннюю сторону завѣщанія, признаваемаго истцами недѣйствительнымъ потому, что оно не выражаетъ воли умершаго, ибо оно подложно. Касательно перваго изъ этихъ двухъ положеній, истцы указываютъ на то, что завѣщаніе подписано Бѣляевымъ, вопреки 1046 ст. 1 ч. X Т., только именемъ и фамиліею; что оно подписано, несогласно съ требованіемъ 1048 ст. 1 ч. X Т., только двумя свидѣтелями, изъ которыхъ хотя одинъ подписался духовнымъ отцомъ завѣщателя, но чтобы онъ былъ духовнымъ отцомъ—въ томъ истцы сомнѣваются, тѣмъ болѣе, что завѣщатель скончался не пріобщившись Св. таинъ; что, наконецъ, въ подписи Бѣляева на завѣщаніи заключаются неизвѣстно кѣмъ написанныя слова: «такова моя послѣдняя воля», и т. д., которыя должны были быть оговорены палатою при засвидѣтельствованіи завѣщанія. Обращаясь для разрѣшенія этихъ вопросовъ къ тексту завѣщанія и положительному закону, оказывается, что всѣ эти указанія истцовъ не могутъ ослабить силы завѣщанія и служить основаніемъ къ признанію завѣщанія Бѣляева 10 мая 1858 года недѣйствительнымъ. Текстъ завѣщанія удостовѣряетъ, что оно подписано Бѣляевымъ словами: «Козьма

Бѣляевъ,» что передъ этими словами находится приписка: «что такова моя послѣдняя воля въ томъ подписуюсь,» которая не оговорена палатою въ засвидѣтельствованіи, и наконецъ, что оно подписано, кромѣ завѣщателя, переписчикомъ Целебровскимъ и свидѣтелями Сицилинскимъ и Отто, изъ коихъ первый подписался въ качествѣ духовнаго отца завѣщателя. Хотя на основаніи 1046 ст. 1 ч. X Т., подпись на домашнемъ духовномъ завѣщаніи должна заключать въ себѣ полное имя, отчество и фамилію завѣщателя, но въ тоже время законъ, изображенный въ 1047 статьѣ того же тома, дозволяетъ свидѣтельствовать завѣщаніе, подписанное только именемъ и фамиліею и даже если имя обозначено одною начальною буквою, если при явкѣ завѣщанія не было сомнѣнія въ тождествѣ лица; такимъ образомъ, завѣщаніе, составляющее предметъ настоящаго дѣла, какъ подписанное по указанной формѣ въ законѣ въ отношеніи къ подписи завѣщателя, удовлетворяетъ требованіямъ закона. Повѣренные истцовъ объясняютъ, что въ настоящее время, въ виду заявленія ими сомнѣнія въ отношеніи тождества лица, подписавшагося на завѣщаніи, съ лицомъ завѣщателя, такого рода подпись не можетъ быть признана удовлетворяющею требованіямъ закона; но, имѣя въ виду, что основанія, по коимъ они сомнѣваются въ тождествѣ лица, подписавшаго завѣщаніе, послужили поводомъ для истцовъ къ заявленію ими спора противъ подлинности завѣщанія и далеко не служатъ достаточными для признанія завѣщанія подложнымъ, по соображеніямъ, которыя будутъ изложены ниже,— самое сомнѣніе ихъ, какъ ничѣмъ болѣе неподкрѣпленное, должно быть оставлено безъ послѣдствій. Передъ словами: «Козьма Бѣляевъ,» послѣ подписи переписчика, дѣйствительно на завѣщаніи написано: «что такова моя послѣдняя воля въ томъ подписуюсь,» причемъ въ точности нельзя по содержанію завѣщанія вывести заключеніе, составляютъ ли эти слова надпись самаго завѣщателя или переписчика завѣщанія, почему, при явкѣ завѣщанія къ засвидѣтельствованію, эти слова могли бы возбудить сомнѣніе и если при этомъ разъяснилось бы, что завѣщаніе было подписано завѣщателемъ безъ этихъ словъ, то на обязанности палаты, какъ присутственнаго мѣста, свидѣтельствовавшаго завѣщаніе, было оговорить эти слова въ сдѣланной надписи. Между тѣмъ, ею сего не сдѣлано, и потому должно полагать, что

эти слова были ею отнесены къ подписи самого завѣщателя и не возбуждали въ то время сомнѣнія; но если даже допустить, что эти слова составляютъ надпись переписчика или позднѣйшую противъ подписи завѣщателя приписку и это было извѣстно палатѣ при явкѣ завѣщанія, то, во всякомъ случаѣ, одно несоблюденіе извѣстной формальности палатою при явкѣ завѣщанія не можетъ ослабить силы самаго завѣщанія, тѣмъ болѣе, что если бы эти слова были оговорены, слѣдовательно признаны посторонней припискою, то и въ этомъ случаѣ, это обстоятельство не лишало завѣщаніе его дѣйствительности и оно осталось бы вполнѣ обязательнымъ для наслѣдниковъ, какъ бы этихъ словъ не существовало. Послѣднее возраженіе истцовъ относительно неформальности завѣщанія заключается въ недостаточности числа свидѣтелей, подписавшихся на завѣщаніи; это возраженіе истцовъ падаетъ совершенно, потому что 1048 ст. 1 ч. X Т. положительно дозволяетъ свидѣтельствовать завѣщанія, если они подписаны двумя свидѣтелями, изъ числа которыхъ одинъ есть духовный отецъ завѣщателя; а какъ завѣщаніе Бѣляева именно подписано Сицилинскимъ, какъ духовнымъ отцомъ, и еще коллежскимъ ассесоромъ Отто, то и рѣчи о недостаточности числа свидѣтелей быть не можетъ. Сомнѣніе истцовъ въ томъ, что Сицилинскій былъ духовнымъ отцомъ Бѣляева, какъ основанное лишь на обстоятельствѣ совершенно случайномъ, что Бѣляевъ скончался не пріобщившись Св. таинъ (показаніе Китаева), не можетъ быть принято въ уваженіе, такъ какъ Сицилинскій въ подписи на завѣщаніи упомянулъ, что онъ подписываетъ завѣщаніе въ качествѣ духовнаго отца, посему, въ виду такого рода подписи свидѣтеля, не можетъ быть и возбуждаемо то сомнѣніе, о которомъ говорятъ истцы, тѣмъ болѣе, что ими какихъ либо болѣе ясныхъ доказательствъ, кромѣ указаннаго показанія Китаева, въ подтвержденіе сего не представлено. Независимо изложенныхъ соображеній относительно неосновательности доводовъ истцовъ, касающихся неформальности завѣщанія Бѣляева, окружной судъ полагаетъ, что въ настоящее время, когда уже завѣщаніе Бѣляева принято было палатою къ явкѣ и постановленіе ея по этому предмету вошло окончательно въ законную силу, всякій споръ о томъ, удовлетворяетъ ли предлежащее завѣщаніе всѣмъ условіямъ закона относительно формы домашнихъ завѣщаній, являет-

ся, по меньшей мѣрѣ, неумѣстнымъ. Присутственное мѣсто, на обязанности котораго лежитъ засвидѣтельствованіе завѣщанія, по закону обязано войти въ разсмотрѣніе правильности составленія завѣщанія съ формальной его стороны (1036, 1049, 1050 и послѣд. ст. 1 ч. X Т.), и потому, когда состоялось опредѣленіе судебнаго мѣста, вошедшее, по необжалованію своевременно, въ законную силу, должно признать, что завѣщаніе удовлетворяетъ требованіямъ закона. Объясненіе истцовъ, что споръ противъ домашнихъ завѣщаній, уже засвидѣтельствованныхъ, на основаніи ихъ неформальности, закономъ не воспрещенъ,—очевидно неосновательно, такъ какъ явка домашнихъ завѣщаній послѣ смерти завѣщателя достаточно гарантируетъ лицъ, заинтересованныхъ въ томъ, что присутственное мѣсто, исполняя процесъ удостовѣренія въ правильности и подлинности завѣщанія,—процесъ, совершаемый при крѣпостныхъ завѣщаніяхъ при жизни завѣщателя,—не упуститъ изъ виду такихъ обстоятельствъ, касающихся формы завѣщанія, которыя влекутъ за собою недѣйствительность самаго завѣщанія. По всѣмъ этимъ доводамъ окружной судъ полагаетъ, что домогательство истцовъ о признаніи завѣщанія Бѣляева недѣйствительнымъ вслѣдствіе его неформальности—не заслуживаетъ уваженія.

Второе основаніе иска Ижболдиныхъ и Пѣшехоновой, по которому они домогаются признанія завѣщанія Бѣляева недѣйствительнымъ, заключается въ сомнѣніи ихъ въ подлинности онаго и въ спорѣ о подложности противъ завѣщанія. Въ этомъ отношеніи истцы находятъ, что текстъ завѣщанія по содержанію своему не удовлетворяетъ тому характеру, которому слѣдовалъ Бѣляевъ при составленіи дѣловыхъ бумагъ; что подпись Бѣляева на завѣщаніи не согласна съ формою подписи, какъ подписывался обыкновенно Бѣляевъ; что самое завѣщаніе оставалось долгое время безъизвѣстно; при семъ наслѣдница по завѣщанію заявляла лицамъ, до коихъ это касалось, о томъ, что завѣщанія Бѣляевъ не оставилъ, и наконецъ на положительномъ несходствѣ почерка руки Бѣляева на завѣщаніи съ другими его несомнѣнными подписями, признаваемыми какъ ими самими, т. е. истцами, такъ и лицами близко знавшими Бѣляева и имѣвшими съ нимъ дѣла, такъ и—главнымъ образомъ—экспертами, призванными для сличенія почерка при производившемся предварительномъ слѣдствіи. Въ подтвержденіе этихъ всѣхъ

обстоятельствъ повѣренные истцовъ ссылаются на показанія спрошенныхъ при предварительномъ слѣдствіи и при производствѣ дѣла въ окружномъ судѣ лицъ, на переписку Бѣляева, представленную къ дѣлу, и наконецъ, на свѣдущихъ лицъ въ дѣлѣ сличенія почерковъ. Первое изъ означенныхъ положеній, касающееся содержанія завѣщанія теряетъ всякое значеніе въ виду представленнаго по требованію истцовъ Мясниковыми клочка бумаги, на которомъ Бѣляевъ собственноручно написалъ пунктъ завѣщанія. Этотъ документъ вполнѣ подтверждаетъ желаніе покойнаго Бѣляева назначить себѣ наслѣдницею свою супругу, отвѣтчицу по сему дѣлу, что исполнено имъ и въ оспариваемомъ завѣщаніи. Если же завѣщаніе Бѣляева не содержитъ въ себѣ точныхъ указаній оставляемаго имъ имѣнія, несмотря на педантизмъ Бѣляева въ его дѣлахъ, о чемъ объяснили спрошенные въ судѣ свидѣтели Красильниковъ, Гонинъ и друг., то это обстоятельство нисколько не можетъ служить неоспоримымъ доказательствомъ того, что завѣщаніе, Бѣляевымъ оставленное, непремѣнно должно было бы содержать болѣе подробное перечисленіе его предпріятій или имущества; напротивъ того, насколько эти показанія дозволяютъ предполагать, что Бѣляевъ оставилъ бы болѣе обстоятельное завѣщаніе, настолько же изъ нихъ можно вывести противное тому, что стараются доказать истцы, потому что при дѣловомъ характерѣ торговаго лица легко можетъ возникнуть желаніе не разглашать своихъ дѣлъ, дабы этимъ не повредить лицу, назначенному наслѣдникомъ, въ успѣшномъ ихъ окончаніи. Поэтому и указаніе истцовъ на содержаніе завѣщанія, какъ обстоятельство, несогласное съ прочими дѣлами Бѣляева, въ настоящемъ дѣлѣ ни къ чему служить не можетъ. При этомъ истцы еще объясняютъ, что Бѣляевъ, какъ человѣкъ дѣловой, написалъ бы непремѣнно самъ завѣщаніе и ни въ какомъ случаѣ не поручилъ бы его написать Целебровскому, лицу далеко нестоявшему близко къ покойному Бѣляеву и ссылаются въ подтвержденіе сего на показанія тѣхъ же лицъ; но и это обстоятельство опровергается представленнымъ къ дѣлу Мясниковыми дневникомъ Бѣляева, въ которомъ въ ст. 24 и 156 1857 г. и 55 1858 г. встрѣчаются такого рода порученія, данныя Бѣляевымъ Целебровскому, которыя, какъ совершенно справедливо объяснилъ повѣренный отвѣтчицы, ввѣряются лицу, ходатайствующему по дѣламъ, т. е. лицу, знакомому съ формами и

обрядами судопроизводства, почему и порученіе написать завѣщаніе подобному лицу является вполнѣ разумнымъ и естественнымъ и не можетъ возбуждать никакого сомнѣнія. Второе возраженіе истцовъ о томъ, что форма подписи не соотвѣтствуетъ тѣмъ подписямъ, которыхъ придерживался Бѣляевъ при подписаніи бумагъ, что подтверждается представленными къ дѣлу документами и показаніями спрошенныхъ лицъ въ судѣ, именно свидѣтелей: Дьяконова, Гонина, Красильникова и Клюева—тоже ослабить силы завѣщанія и быть основаніемъ къ признанію подложности его не можетъ, потому что заявленія свидѣтелей по этому предмету ведутъ лишь къ однимъ предположеніямъ, тогда какъ документы служатъ подтвержденіемъ того, что Бѣляевъ чаще всего подписывалъ бумаги полнымъ званіемъ, именемъ, отчествомъ и фамиліею, но тѣ и другіе не исключаютъ возможности подписи Бѣляева въ томъ видѣ, какъ она встрѣчается на завѣщаніи; такъ это видно изъ документа, на который совершенно правильно повѣренный отвѣтчицы сослался на подписи Бѣляева, сдѣланныя имъ безъ соблюденія этой формы, встрѣчающіяся въ дѣлахъ с.-петербургской дворянской опеки, присланныхъ въ судъ (стр. 196 об. и стр. 283 об.).

Далѣе истцы объясняютъ, что самое завѣщаніе находилось значительное время въ безъизвѣстности, что наслѣдница по завѣщанію, которой, слѣдовательно, было ближе всего извѣстно о существованіи завѣщанія (тѣмъ болѣе, что она заявила, что завѣщаніе находилось у нея на храненіи), кол. асс. Целебровскій, писавшій завѣщаніе, при прибытіи полиціи не заявляли осуществованіи завѣщанія, что Бѣляева долгое время послѣ того говорила, что Бѣляевъ не оставилъ послѣ себя завѣщанія, и въ подтвержденіе этого указываютъ на актъ, составленный полиціею въ квартирѣ Бѣляева, находящійся при слѣдственномъ производствѣ, на показанія Красильникова, Китаева, Гонина, Ремянниковой, Афанасьевой, Зиновьева и Клюева, данныя въ судѣ, и этимъ путемъ хотятъ доказать позднѣйшее составленіе завѣщанія. Однако же, всѣ эти доказательства, такъ точно, какъ и показанія спрошенныхъ, по указанію истцовъ объ обстоятельствахъ, происходившихъ въ послѣдующее за смертію Бѣляева время, свидѣтелей, а именно: Шимановскаго, Штеммера, Герасимова, Парфененкова, Кенне, Безсонова и Клюева, могутъ служить лишь *намеками*, и

то весьма шаткими на несуществованіе завѣщанія во время смерти Бѣляева, и далеко не *въ состояніи* убѣдить судъ въ неправильномъ составленіи онаго. Эти же документы и свидѣтельскія показанія насколько служатъ подтвержденіемъ требованія истцовъ, на столько же подтверждаютъ противное ихъ выводамъ. Бѣляева легко могла, по причинамъ, ей одной иввѣстнымъ, не объяснять о существованіи завѣщанія и просить о томъ же Целебровскаго и Сицилинскаго, почему самое завѣщаніе могло остаться безъизвѣстнымъ до представленія его къ явкѣ въ палату; показанія Шимановскаго, ѣздившаго по порученію Чевакинскаго къ Мясниковымъ и объясняющаго ему извѣстное о завѣщаніи Бѣляева со словъ того же Чевакинскаго,—Штеммера, показывающаго со словъ Кемпе,—Герасимова, объясняющаго извѣстное ему со словъ Безсонова и Чевакинскаго,—Парфененкова, свидѣтельствующаго о разговорѣ, происходившемъ между сторонними лицами—составляютъ показанія, данныя на основаніи дошедшихъ до нихъ разговоровъ и потому немогущія уже быть достаточнымъ основаніемъ для признанія извѣстнаго факта доказаннымъ; но, кромѣ того, свидѣтели, какъ-то: Ремянникова, Сицилинская, Безсоновъ, Ермолинскій, Исаевъ, Кемпе, данными ими показаніями, подтверждающими правильное составленіе завѣщанія, весьма ослабляютъ силу и достовѣрность первыхъ свидѣтелей. Къ тому же, указанныя выше показанія, на которыхъ главнымъ образомъ основываютъ свое требованіе истцы, если бы дѣйствительно они могли быть достаточно достовѣрными, должны бы были послужить скорѣе основаніемъ къ преслѣдованію лицъ, заподозрѣнныхъ въ порядкѣ уголовнаго судопроизводства, между тѣмъ с.-петербургская судебная палата, не смотря на показанія Красильникова, Гонина и др., прямо служащихъ къ обвиненію Караганова въ составленіи завѣщанія, не признала ихъ достаточными для преданія заподозрѣнныхъ уголовному суду,—такъ тѣмъ болѣе въ судѣ гражданскомъ, гдѣ главнымъ основаніемъ всякаго исковаго требованія лежитъ обязанность истца—доказать его, эти показанія, одни взятыя, не могутъ быть признаны достаточно подкрѣпляющими подобныхъ требованій истцовъ, какъ признаніе завѣщанія подложнымъ.

Послѣднимъ основаніемъ своего иска Ижболдины и Пѣшехонова приводятъ несходство почерка руки въ подписи на завѣщаніи и

другихъ документахъ; это несходство истцы находятъ сами, указывая на отличительныя черты подписей Бѣляева и кромѣ того, ссылаются на показанія лицъ, близко знакомыхъ съ почеркомъ Бѣляева и на произведенныя сличенія почерковъ чрезъ экспертовъ, какъ на предварительномъ слѣдствіи, такъ и на судѣ. Къ числу отличительныхъ признаковъ подписей Бѣляева истцы относятъ привычку Бѣляева ставить точку въ извѣстномъ отдаленіи отъ подписи, каковой точки въ подписи на завѣщаніи не заключается; различіе росчерка на завѣщаніи отъ росчерка, который дѣлалъ Бѣляевъ, и, наконецъ, написаніе «ъ» при росчеркѣ, чего Бѣляевъ, какъ завѣряютъ свидѣтель Красильниковъ и сами истцы, не дѣлалъ. При разборѣ этихъ обстоятельствъ настоящаго дѣла, окружной судъ не можетъ не согласиться съ мнѣніемъ повѣреннаго Бѣляевой, что сличеніе почерка, составляя болѣе предметъ навыка, чѣмъ особенныхъ научныхъ свѣдѣній, не требуетъ особенныхъ спеціальныхъ знаній, почему легко весьма убѣдиться въ несостоятельности доводовъ по этому предмету повѣренныхъ истцовъ. Дѣйствительно, разсматривая документы, представленные сторонами, нельзя не придти къ заключенію, что подпись Бѣляевъ дѣлалъ весьма разнообразно, въ большинствѣ случаевъ при росчеркѣ не встрѣчается буквы «ъ», но между тѣмъ, есть документы, въ которыхъ есть эта буква и слѣдуетъ затѣмъ росчеркъ. Такъ напр. указываемая Арсеньевымъ росписка Бѣляева, находящаяся въ дѣлѣ дворянской опеки 1853 г. (стр. 262 об.), подтверждаетъ вполнѣ это заявленіе. Точно также, хотя Бѣляевъ имѣлъ обыкновеніе ставить точку послѣ подписи, но и этотъ знакъ характеристичный не встрѣчается въ нѣкоторыхъ подписяхъ, такъ напр., на довѣренности, данной въ 1858 г. Бѣляевымъ (находящейся въ числѣ представленныхъ отвѣтчицею документовъ). Обращаясь къ разсмотрѣнію результатовъ, данныхъ экспертизою, окружной судъ необходимо долженъ принять для разрѣшенія вопроса о сходствѣ почерка результаты, добытые экспертизою, произведенною при судѣ, уже по одной той причинѣ, что число экспертовъ въ этомъ случаѣ превышаетъ число лицъ (5), приглашенныхъ для сличенія почерка при прежде произведенныхъ экспертизахъ, такъ и потому, что самая послѣдняя экспертиза была произведена въ судѣ подъ наблюденіемъ члена суда. Произведенное въ судѣ сличеніе почерка показало, что

пять лицъ, свѣдущихъ въ сличеніи почерка, единогласно признали существованіе сходства въ подписи на завѣщаніи съ подписями Бѣляева, которое выражается въ характеристическомъ очертаніи, между буквами «о» и «з» въ словѣ «Козьма» и въ буквѣ «К» въ томъ же словѣ, и въ буквахъ «л», «я» «е» въ словѣ «Бѣляевъ;» въ прочихъ же буквахъ нельзя было придти къ заключенію въ виду разнообразія очертанія ихъ въ подписяхъ Бѣляева. Росчеркъ признали эксперты тоже имѣющимъ сходство и, наконецъ букву «ь» написанною сверху внизъ, т. е. согласно обыкновенію самого Бѣляева. Такимъ образомъ, это послѣднее основаніе, по коему истцы полагаютъ ихъ требованія правильными, оказывается несостоятельнымъ. Кромѣ всѣхъ изложенныхъ доводовъ повѣренныхъ истцовъ, нисколько неподтверждающихъ ихъ требованій, окружной судъ не можетъ не привести въ основаніе своего признанія иска Ижболдиныхъ неосновательнымъ то обстоятельство, что свидѣтели, подписавшіеся на завѣщаніи: Сицилинскій и Отто, въ виду засвидѣтельствованія палатою самого завѣщанія, должны были подтвердить въ палатѣ подлинность завѣщанія и подписи на немъ Козьмы Бѣляева, что они и исполнили; эти показанія находятся въ присланномъ въ окружный судъ дѣлѣ гражданской палаты; они ничѣмъ не оспорены истцами и потому служатъ лучшимъ доказательствомъ неосновательности домогательствъ Ижболдиныхъ и Пѣшехоновой.

Въ заключеніе разсмотрѣнія настоящаго дѣла, окружной судъ находитъ, что заявленіе повѣреннаго отвѣтчицы Чевакинскаго относительно неправильнаго опредѣленія истцами цѣны настоящаго иска должно быть оставлено безъ послѣдствій. Чевакинскій, оспаривая опредѣленную истцами цѣну иска въ 20,000 р., самъ въ разъясненіе стоимости завѣщаннаго имущества никакихъ обстоятельствъ не представилъ, между тѣмъ Имшенецкій, въ прошеніи своемъ, указывая невозможность для его вѣрителей опредѣлить въ точности количество имѣнія Бѣляева, объяснилъ, что его довѣрители въ опредѣленіи цѣны иска руководствовались указанными отвѣтчицею данными, заключающимися въ поданныхъ ею объясненіяхъ въ С.-Петербургской казенной палатѣ; такимъ образомъ, заявленіе Чевакинскаго, какъ противорѣчащее свѣдѣніямъ, сообщеннымъ его вѣрительницею присутственному мѣсту, должно быть признано незаслуживающимъ уваженія и не можетъ по-

влечь какихъ нибудь послѣдствій для истцовъ. Вслѣдствіе всѣхъ вышеизложенныхъ соображеній и имѣя въ виду, что истцы по настоящему дѣлу не заявляли спора о подлогѣ противъ какого либо документа, представленнаго стороною; что вопросъ о подложности завѣщанія составлялъ предметъ иска; что за симъ не представляется основаніи къ возложенію на истцовъ штрафа, указаннаго въ 559 ст. Уст. Гр. Суд. при оставленіи судомъ спора о подлогѣ безъ уваженія; что ходатайство экспертовъ Коліушко и Вагонова о вознагражденіи ихъ за данное заключеніе не можетъ быть оставлено безъ уваженія; что просьба Изюмова по этому же предмету, въ виду неявки его въ засѣданіе суда для разъясненія даннаго имъ заключенія, должна быть оставлена безъ послѣдствій, что количество вознагражденія слѣдующимъ лицамъ въ настоящемъ случаѣ судъ находитъ возможнымъ опредѣлить въ размѣрѣ 15 р. с. на каждаго; что за отказомъ истцамъ въ ихъ требованіи, понесенныя отвѣтчикомъ издержки должны быть возложены на истцовъ,—С.-Петербургскій окружной судъ, на основаніи приведенныхъ законовъ и 366, 409, 411, 515, 530, 868 ст. Уст. Гражд. Суд.: 1) въ искѣ Ивана и Анны Ижболдиныхъ и Зои Пѣшехоновой къ Екатеринѣ Бѣляевой отказываетъ и судебныя издержки обращаетъ на истцовъ; 2) постановляетъ взыскать съ истцовъ въ пользу каждаго изъ свѣдущихъ людей Каліушко и Вагонова по 15 р. с.

Казалось бы, что за тѣмъ трудно было возникнуть вновь уголовному преслѣдованію Мясниковыхъ, такъ какъ раскрытыя обстоятельства дѣла, обсужденныя прокурорскимъ надзоромъ, окружнымъ судомъ и судебною палатой, весьма ясно обнаружили всю несостоятельность какъ возводимыхъ со стороны Ижболдиныхъ обвиненій, такъ и притязаній ихъ на наслѣдство послѣ Бѣляева. Но вышло напротивъ.

Въ первыхъ числахъ февраля настоящаго года, по распоряженію прокурорской власти, Александръ Мясниковъ подвергнутъ былъ сначала домашнему аресту, потомъ самому строгому заключенію при Коломенской части. Вслѣдъ затѣмъ подверглись домашнему аресту Иванъ Мясниковъ и Екатерина Бѣляева. Прекращенное Судебною Палатою дѣло было возобновлено производствомъ новаго изслѣдованія.

Само собою разумѣется, что арестованіе лицъ извѣстныхъ всему

Петербургу по своему положенію, должно было возбудить очень большіе толки въ обществѣ; тѣмъ болѣе, что по слухамъ, распространившимся по городу, арестованіе Мясниковыхъ и Бѣляевой сопровождалось въ высшей степени строжайшими мѣропріятіями. Говорили, что будто бы заключеніе Александра Мясникова обставлено такими мѣрами, какія принимаются только въ отношеніи обвиняемыхъ по важнѣйшимъ государственнымъ преступленіямъ; что вдова Бѣляева—женщина престарѣлыхъ лѣтъ подвержена хотя и домашнему, но самому строгому и въ высшей степени стѣснительному заключенію, что къ Ивану Мясникову, не смотря на его болѣзненное состояніе—не смотря на то, что онъ не въ силахъ двухъ—трехъ шаговъ сдѣлать по комнатѣ безъ сторонней поддержки, будто бы приставлены были для безотлучнаго при немъ нахожденія два полицейскихъ агента, изъ которыхъ одинъ наблюдалъ за нимъ въ теченіи цѣлаго дня, не оставляя его безъ себя ни на одну минуту, другой поселялся на всю ночь въ той комнатѣ, въ которой заключенъ былъ Иванъ Мясниковъ, и такимъ образомъ оба они и день, и ночь были передъ глазами арестованнаго. Въ обществѣ разсуждали, какое тяжелое, какое угнетающее впечатлѣніе должна была производить эта, по-истинѣ, іезуитская мѣра, въ особенности, на человѣка, находящагося въ болѣзненномъ состояніи. Въ наиболѣе просвѣщенныхъ кружкахъ петербургской публики высказывалось убѣжденіе, что такое моральное истязаніе представляется ни болѣе ни менѣе какъ нравственною пыткой, не совмѣстной съ духомъ нашего новаго законодательства.

Что жъ касается до возобновленія прекращеннаго судебною палатою слѣдствія—распространившіеся въ городѣ слухи говорили, что оно возникло вновь, будто бы слѣдующимъ образомъ: что будто бы, въ ноябрѣ прошедшаго года, на принадлежащій Мясниковымъ въ Воронежской губерніи заводъ, на которомъ служилъ обвиняемый въ подложной подписи Бѣляевскаго духовнаго завѣщанія Карагановъ, пріѣхали два господина и объявивъ желаніе купить этотъ заводъ, спрашивали управляющаго о цѣнѣ и просили сообщить ихъ желаніе владѣльцу; что одинъ изъ этихъ господъ остался на заводѣ подъ видомъ ближайшаго ознакомленія съ его устройствомъ, а другой уѣхалъ; что будто бы, эти господа были агенты петербургской тайной полиціи и имъ нуженъ былъ не заводъ, а Карагановъ; что будто бы оставшійся на заводѣ господинъ въ первые же дни своего тамъ пре-

бываніи сблизился съ Карагановымъ, и пользуясь слабостью его къ спиртнымъ напиткамъ, безпрестанно его поилъ, и втерся въ самую короткую съ нимъ дружбу, что будто бы Караганевъ въ разговорѣ съ этимъ господиномъ при свидѣтеляхъ сознался, что онъ, Караганевъ, помогъ Мясникову обобрать одного купца на цѣлый милліонъ и получилъ за это только двѣ тысячи рублей; что будто бы послѣдствіемъ такого разговора было возобновленіе Бѣляевскаго дѣла мѣстнымъ судебнымъ слѣдователемъ вообще *съ однимъ изъ членовъ петербургскаго прокурорскаго надзора*, и что будто бы эти власти дозволили себѣ приступить къ слѣдствію по прекращенному судебною палатою дѣлу о духовномъ завѣщаніи Бѣляева, прежде, нежели на это дано было разрѣшеніе отъ Палаты.

Въ какой степени слухи эти справедливы—это вполнѣ можетъ разъясниться только при разсмотрѣніи слѣдствія въ судебной палатѣ, въ которую оно должно поступить для рѣшенія вопроса, о преданіи суду обвиняемыхъ; но во всякомъ случаѣ трудно повѣрить, чтобы судебный слѣдователь съ членомъ прокурорскаго надзора собственною властію приступили къ возобновленію прекращенного слѣдствія прежде, нежели послѣдовало на то разрѣшеніе судебной палаты. Это было бы явнымъ нарушеніемъ буквы положительнаго закона—нарушеніемъ наиболѣе важнымъ потому, что оно идетъ въ разрѣзъ съ духомъ нашего новаго законодательства, достаточно разъясненнымъ въ судебныхъ уставахъ, изданныхъ государственною канцеляріею *съ изложеніемъ разсужденій, на коихъ они основаны*.

Въ разсужденіи, послужившемъ основаніемъ для 523 статьи устава уголовнаго судопроизводства, изъяснено:

«Вопросъ: по какимъ дѣламъ принадлежитъ прокурору право преслѣдовать обвиняемаго на судѣ, непосредственнымъ предъявленіемъ обвинительнаго акта, возбудилъ различныя предположенія. Прежде всего заявлено было слѣдующее мнѣніе: когда все изысканія предварительнаго слѣдствія окончены, тогда первое дѣйствіе правосудія должно состоять въ томъ, чтобы взвѣсить вѣроятность обвиненія и опредѣлить его законное значеніе для постановленія рѣшенія: или о преданіи обвиняемаго суду, или о прекращеніи возбужденнаго противъ него преслѣдованія. Вопросъ: какому установленію должно быть предоставлено разрѣшеніе этой важной задачи, принадлежитъ къ числу самыхъ спорныхъ въ наукѣ и законодательствахъ. Разномысліе по этому предмету имѣетъ главнымъ источникомъ различный

взглядъ на то, чему преимущественно установленіе это должно служить огражденіемъ: личной свободѣ, или общественному порядку? *Ни кто не сомнѣвается, что установленіе, облеченное властію преданія суду или освобожденія отъ онаго, должно быть прибѣжищемъ отъ преслѣдованій, предпринятыхъ злонамѣренно или только легкомысленно, по опрометчивости обвинителей и слѣдователей, увлекшихся обманчивымъ стеченіемъ обстоятельствъ»*. Всякому понятно, что выставляя человѣка на позорище публичнаго обвиненія предъ судомъ, наносятъ его честному имени такой тяжкій ударъ, котораго слѣды не всегда изглаживаются и оправданіемъ его на судѣ, тѣмъ болѣе, что преданіе суду нерѣдко отражается на состояніи обвиняемаго и почти всегда стѣсняетъ его свободу. По этому, никто и не споритъ противъ того, что въ видахъ огражденія личной свободы, преданіе суду должно быть допускаемо только въ тѣхъ случаяхъ, когда собранныя по дѣлу доказательства и улики представляютъ сильное вѣроятіе въ существованіи преступныхъ фактовъ и въ происхожденіи ихъ по винѣ подозрѣваемаго лица. Но далеко не всѣ отдаютъ себѣ ясный отчетъ въ чемъ означенное установленіе должно ограждать общественный порядокъ. Многіе думаютъ, что для этого достаточно, чтобы оно не оказывало послабленія и потворства обвиняемымъ, и придавало подозрительныхъ лицъ суду, не взирая на ихъ званіе, чины и личныя преимущества. Конечно, это необходимо, но столь же необходимо и то, чтобы преслѣдованія, предпринимаемыя во имя правосудія, не приводили къ оправданіямъ, которыя колеблютъ довѣріе и уваженіе къ власти, преслѣдовавшей невинныхъ, или почитаемыхъ невинными. Хотя обвиненіе предъ судомъ не всегда можетъ имѣть основаніемъ достовѣрность, которая не достигается иногда и по истощеніи всѣхъ средствъ, представляемыхъ къ открытію истины судебнымъ состязаніемъ сторонъ, тѣмъ не менѣе каждое дѣйствіе правосудія должно носить на себѣ отпечатокъ добросовѣстныхъ изысканій и зрѣлаго соображенія. По этому, и въ видахъ общественнаго порядка, обвиненіе предъ судомъ слѣдуетъ допускать лишь тогда, когда можно съ вѣроятностію предвидѣть осужденіе и наказаніе обвиняемаго.

«Итакъ, съ какой бы точки зрѣнія ни смотрѣли на установленіе, облеченное властію преданія суду или освобожденія отъ онаго, нельзя не признать, что главное его назначеніе состоитъ въ томъ,

чтобы противодѣйствовать увлеченіямъ обвинителей и необдуманнымъ дѣйствіямъ слѣдователей, и что устройство его должно быть таково, чтобы установленіе это могло дѣйствовать съ надлежащею энергіею и самостоятельно, не подчиняясь никакому вліянію.

«Очевидно, что всѣмъ указаннымъ условіямъ вполнѣ соотвѣтствуетъ постановленное въ основныхъ положеніяхъ уголовнаго судопроизводства правило, по которому въ важнѣйшихъ дѣлахъ, подлежащихъ рѣшенію съ участіемъ присяжныхъ, какъ преданіе обвиняемаго суду, такъ и прекращеніе о немъ слѣдствія предоставляется исключительно судебной палатѣ. Высокое положеніе этого судилища, которое должно быть составлено изъ опытнѣйшихъ юристовъ, можетъ служить вполнѣ достаточнымъ ручательствомъ, что оно не посадитъ на скамью подсудимыхъ человѣка, обвиняемаго пристрастно или легкомысленно, и не прекратитъ слѣдствія о вѣроятномъ преступникѣ подъ какимъ либо незаконнымъ вліяніемъ».

Въ этомъ разсужденіи, относительно дѣла Мясниковыхъ представляются особенно замѣчательными слѣдующія слова: «Никто не сомнѣвается, что установленіе, облеченное властію преданія суду или освобожденія отъ онаго, должно быть прибѣжищемъ отъ преслѣдованій, предпринятыхъ злонамѣренно или только легкомысленно по опрометчивости обвинителей и слѣдователей, увлекшихся обманчивымъ стеченіемъ обстоятельствъ. Всякому понятно, что, выставляя человѣка на поворище публичнаго обвиненія предъ судомъ, наносятъ его честному имени такой ударъ, котораго слѣды не всегда изглаживаются и оправданіемъ его на судѣ, тѣмъ болѣе, что преданіе суду нерѣдко отражается на состояніи обвиняемаго и почти всегда стѣсняетъ его свободу». Въ этихъ словахъ предусмотрѣно то положеніе, въ какое ввергнуты теперь Мясниковы. Еще прежде, чѣмъ послѣдовало преданіе ихъ суду, даже прежде, чѣмъ дѣло ихъ, разъ прекращенное судебною палатою, вновь поступитъ на ея разсмотрѣніе, честному имени Мясниковыхъ уже нанесенъ тяжкій ударъ, свобода ихъ стѣснена позорящимъ ихъ заключеніемъ, и конечно, все это неминуемо должно отразиться не только на значительныхъ потеряхъ, но и на самомъ разореніи ихъ состоянія.

Въ статьѣ 542 уст. угол. судопр. сказано: «По прекращеніи слѣдствія, дѣло можетъ быть возобновлено не иначе, какъ съ разрѣшенія судебной палаты и только въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) Когда послѣ прекращенія слѣдствія, по недостаточности доказательствъ, откроются новыя доказательства;

2) когда дѣло, прекращенное за неимѣніемъ въ виду жалобы со стороны частнаго обвинителя, будетъ возбуждено въ установленномъ законами порядкѣ, и

3) когда послѣ прекращенія дѣла, за неразсмотрѣніемъ гражданскимъ или духовнымъ судомъ вопросовъ, обусловливающихъ уголовное преслѣдованіе, вопросы тѣ будутъ разрѣшены въ смыслѣ, допускающемъ такое преслѣдованіе».

Въ изданныхъ государственною канцеляріею судебныхъ уставахъ статья эта сопровождается изложеніемъ слѣдующихъ соображеній:

«По ученію западныхъ законодательствъ, заключенія о прекращеніи уголовнаго преслѣдованія входятъ или не входятъ въ законную силу, смотря по тѣмъ поводамъ, которые послужили основаніемъ къ прекращенію судомъ преслѣдованія.

Если поводы эти основаны на соображеніяхъ по вопросамъ права, напримѣръ, что дѣяніе, въ которомъ обвиняется подсудимый, не составляетъ преступленія, что оно не воспрещено закономъ подъ страхомъ наказанія, что покрывается давностью, милостивымъ манифестомъ, рѣшеніемъ, вошедшимъ въ законную силу и т. д., то подобныя заключенія о прекращеніи преслѣдованія входятъ въ окончательную законную силу. Иначе и быть не можетъ, потому что вопросы права могутъ быть обсуждены вполнѣ и со всѣхъ сторонъ безъ повѣрки слѣдствія на судѣ, потому что вопросы права въ большей части случаевъ зависятъ не отъ измѣняющихся событій, а отъ незыблемыхъ началъ права.

«Напротивъ, если поводы къ прекращенію дѣла основаны на соображеніяхъ фактическихъ, напримѣръ, что обвиненіе не въ порядкѣ предъявлено или недостаточно доказано, то заключеніе о прекращеніи преслѣдованія не можетъ и не должно входить *безусловно* въ законную силу; дѣло разсмотрѣно въ томъ видѣ, въ какомъ въ то время представлялось событіе; обвиненіе снято при тѣхъ только извѣстныхъ обстоятельствахъ, которыя были въ виду суда; *рѣшеніе вошло въ законную силу по отношенію только къ тѣмъ обстоятельствамъ и уликамъ, которыя были въ данное время въ виду суда*; если откроются новыя улики и доказательства вины, то преслѣдованіе можетъ и должно возобновиться.

«Если признать, что рѣшенія о прекращеніи преслѣдованія не

могутъ ни въ какомъ случаѣ входить въ законную силу, то это значило бы уничтожить всю пользу обряда предварительнаго разсмотрѣнія дѣлъ въ обвинительной камерѣ; это значило бы оставлять всѣхъ подсудимыхъ, освобожденныхъ отъ преслѣдованія по предварительному разсмотрѣнію дѣла, въ вѣчномъ подозрѣніи, отъ удержанія котораго въ приговорахъ наше законодательство отказалось; это повело бы къ тому, что подобное безвыходное подозрѣніе безконечно тяготѣло бы надъ подсудимыми, а опасеніе быть подвергнутымъ новому, съ часу на часъ преслѣдованію, было бы для нихъ тягостнѣе самаго наказанія, къ которому они могли быть присуждены; короче, подобное постановленіе имѣло бы послѣдствіемъ, что никто изъ подсудимыхъ не подчинился бы освобожденію безъ уголовнаго приговора, а потребовалъ бы суда, и самый обрядъ предварительнаго разсмотрѣнія дѣлъ сдѣлался бы мертвою въ законѣ буквою. Изъ сего слѣдуетъ, что рѣшенія судебныхъ мѣстъ о прекращеніи дѣла по причинамъ, на соображеніяхъ права основаннымъ, могутъ и должны входить въ законную силу».

Изъясненныя здѣсь соображенія, на которыхъ основана 512 ст. угол. судопр. прямо показываютъ: 1) что рѣшенія судебныхъ мѣстъ о прекращеніи дѣла по причинамъ, на соображеніяхъ права основаннымъ, могутъ и должны входить въ законную силу, и 2) что если поводы къ прекращенію дѣла основаны на соображеніяхъ фактическихъ (на обвиненіи не въ порядкѣ предъявленномъ или недостаточно доказанномъ), то рѣшеніе входитъ въ законную силу по отношенію только къ тѣмъ обстоятельствамъ и уликамъ, которыя были въ данное время въ виду суда.

Дѣло Мясниковыхъ принадлежитъ къ этой второй категоріи. Слѣдовательно, рѣшеніе судебной палаты о прекращеніи этого дѣла должно считать вошедшимъ въ законную силу по отношенію ко всѣмъ тѣмъ обстоятельствамъ и уликамъ, которыя въ данное время, т. е. въ моментъ рѣшенія были въ виду судебной палаты. Затѣмъ, при возобновленіи этого дѣла по силѣ 542 ст., основанной на соображеніяхъ, изложенныхъ въ судебныхъ уставахъ, изданныхъ государственною канцеляріею, должны быть разсматриваемы только новыя доказательства.

Говорить теперь объ этихъ новыхъ доказательствахъ, которыя еще не разсмотрѣны Судебною Палатою,—было бы преждевремен-

нымъ. Но во всякомъ случаѣ позволительно желать, чтобы при этомъ разсмотрѣніи Палата обратила свое вниманіе и на то: дѣйствительно ли по прекращенному ею дѣлу приступлено было къ производству вновь изслѣдованія прежде даннаго ею на то разрѣшенія.

Не менѣе желательно, чтобы Судебная Палата обратила свое вниманіе и на слѣдующее обстоятельство: при самомъ началѣ новаго слѣдствія Мясниковы были подвергнуты арестованію и содержанію подъ стражей главнѣйше для того, чтобы они не могли имѣть вліянія на свидѣтелей. Въ настоящее время производимое надъ ними слѣдствіе окончено, свидѣтели всѣ уже спрошены; слѣдовательно, и главная причина арестованія Мясниковыхъ уже перестала существовать, а между тѣмъ они до сихъ поръ остаются подъ гнетомъ строгаго подъ стражею содержанія, дальнѣйшее продолженіе котораго неминуемо должно отразиться на совершенномъ разстройствѣ ихъ состоянія и такимъ образомъ повлечь за собой потери, не могущія быть вознагражденными, какой бы оборотъ дѣло ихъ ни приняло.

Законодательство наше не требуетъ, чтобы лица, подвергнувшіяся обвиненію въ какомъ либо преступленіи, еще прежде осужденія ихъ ввергаемы были въ такое тяжкое, въ такое угнетательное положеніе, въ особенности тогда, когда для этого не представляется достаточныхъ причинъ, когда все это можетъ быть объяснено только произволомъ слишкомъ ретивыхъ слѣдователей. Наше законодательство въ новыхъ Судебныхъ Уставахъ очевидно желало дать всѣмъ и каждому наивозможно большую гарантію противъ подобныхъ угнетеній. Въ этомъ не трудно убѣдиться принявъ въ соображеніе изъясненныя въ разсужденіи, на которомъ основана 523 статья, вышеприведенныя здѣсь слѣдующія слова:

«И такъ, съ какой бы точки зрѣнія ни смотрѣли на установленіе, облеченное властію преданія суду или освобожденія отъ онаго, нельзя не признать, что *главное его назначеніе состоитъ въ томъ, чтобы противодѣйствовать увлеченіямъ обвинителей и необдуманнымъ дѣйствіямъ слѣдователей*, и что устройство его должно быть таково, чтобы установленіе это могло дѣйствовать съ надлежащею энергіею и самостоятельностію, *неподчиняясь никакому вліянію.*»

Копія съ протоколовъ судебнаго слѣдователя 5-го участка города С.-Петербурга Макалинскаго.

ПРОТОКОЛЪ.

1868 года іюля 6 числа, въ 8 часу вечера, судебный слѣдователь 5 участка г. С.-Петербурга, Макалинскій, въ канцеляріи своей допрашивалъ безъ присяги, съ предвареніемъ о наказаніяхъ за ложные доносы назначенныхъ, царкосельскаго 2-й гильдіи купца Ивана Алексѣева Ижболдина, въ присутствіи товарища прокурора Демидова, и онъ показалъ:

Отъ роду мнѣ 48 годъ, вѣры я православной, подъ судомъ не былъ, проживаю я въ С.-Петербургѣ Колом. ч. 1 участ. въ Усачевомъ переулкѣ въ домѣ Шитта, для дѣла о духовномъ завѣщаніи купца Бѣляева, другихъ занятій въ настоящее время не имѣю. По объявленіи мнѣ о наказаніяхъ за ложные доносы назначенныхъ, поданное мною 2 сего іюля прокурору С.-Петербургскаго окружнаго суда вмѣстѣ съ женою моею Анною Николаевою, прошеніе, въ которомъ мы обвиняемъ братьевъ Александра и Ивана Константиновыхъ Мясниковыхъ и купеческаго сына Караганова въ составленіи подложнаго духовнаго завѣщанія отъ имени Фридрихсгамскаго первостатейнаго купца Козьмы Бѣляева, я вполнѣ подтверждаю. Александръ Константиновъ Мясниковъ кажется имѣетъ чинъ капитана и служитъ у шефа жандармовъ, Иванъ Константиновъ Мясниковъ кажется нигдѣ не служитъ, оба проживаютъ Лит. части; первый на Надеждинской улицѣ въ собственномъ домѣ, а второй по Знаменской улицѣ въ собственномъ же домѣ; купеческій сынъ Амфилогій Александровъ Карагановъ управляетъ дѣлами Мясниковыхъ и проживаетъ въ г. Нижедѣвицкѣ Воронежской губерніи. Обвиненіе мое Мясниковыхъ и Караганова я основываю на слѣдующихъ обстоятельствахъ: 1) Во время смерти Бѣляева и составленія духовнаго

завѣщанія я находился не въ Петербургѣ, а въ Сарапулѣ. По прибытіи оттуда въ С.-Петербургъ съ довѣренностью родной сестры покойнаго Бѣляева Сарапульской мѣщанки Надежды Васильевой Мартьяновой, для оспариванія духовнаго завѣщанія Бѣляева и отысканія слѣдовавшаго ей наслѣдства, я обратился къ хорошему знакомому моему, бывшему управляющему дѣлами Мясниковыхъ Федору Карловичу Кемпе. Это было въ 1859 году или позднѣе. Кемпе въ присутствіи своей матери, по имени Авдотьи Ивановны, объяснилъ мнѣ, что дѣйствительно духовное это завѣщаніе фальшивое. Кемпе говорилъ, что въ одно время были составлены въ конторѣ Мясниковыхъ въ Надеждинской улицѣ отъ имени Бѣляева, духовное завѣщаніе и сохранная росписка. По словамъ Кемпе, однажды послѣ смерти Бѣляева, Иванъ Константиновичъ Мясниковъ принесъ въ контору сохранную росписку отъ имени Бѣляева на простой бумагѣ на сумму около 300.000 руб. серебромъ, и спросилъ Кемпе: „хороша ли она?“ Кемпе отвѣчалъ на это, что хороша и при этомъ замѣтилъ, что слѣдовало бы написать ее на гербовой бумагѣ. На другой день тотъ же Мясниковъ показалъ Кемпе сохранную росписку на ту же самую сумму и отъ того же самаго числа, но написанную уже на гербовой бумагѣ. Относительно духовнаго завѣщанія Кемпе говорилъ, что оно подписано за Бѣляева Карагановымъ, въ его присутствіи, въ конторѣ Мясниковыхъ, и что Александръ Константиновичъ Мясниковъ просилъ его, Кемпе, подписаться на завѣщаніи свидѣтелекъ, но онъ отъ подписки отказался подъ тѣмъ предлогомъ, что завѣщаніе написано отъ 10 мая 1858 г., а онъ Кемпе въ это число не былъ въ Петербургѣ. Говорилъ ли мнѣ Кемпе, что онъ былъ очевидцемъ подписанія Карагановымъ завѣщанія, я теперь, за давностію, этого разговора припомнить не могу, а потому утверждать это обстоятельство не смѣю, но положительно удостовѣряю, что Кемпе высказывался рѣшительно, что завѣщаніе подписано Карагановымъ. Кромѣ того, Кемпе говорилъ мнѣ, что Караганов учился подписываться отъ имени Козьмы Бѣляева и писалъ на листѣ „Козьма Бѣляевъ“ „Караганов“ и т. д. на цѣломъ листѣ. Въ тотъ же вечеръ мать Кемпе говорила мнѣ съ удивленіемъ, какъ Отто такой негодяй, что рѣшился подписать фальшивое духовное завѣщаніе тогда какъ отецъ его былъ пасторомъ и превосходный человѣкъ.

2) Купецъ Иванъ Кириловъ Ганинъ говорилъ мнѣ, что Екатерина Васильевна Бѣляева, вдова покойнаго Бѣляева, на похоронахъ мужа при всѣхъ разсказывала, что онъ духовнаго завѣщанія не оставилъ. 3) По полученіи этихъ свѣдѣній я обращался къ Екатеринѣ Васильевнѣ Бѣляевой съ предложеніемъ мировой, но она отослала меня къ Александру Константиновичу Мясникову, сказавъ, что ее самую племянники обобрали. Мясниковъ же отозвался, что это не его дѣло. 4) Въ то время, когда дѣло производилось въ гражданской палатѣ, столоначальникъ Иванъ Николаевичъ Гавриловъ предлагалъ мнѣ помириться, отъ имени Мясниковыхъ, и приглашалъ меня для этого къ себѣ на Петербургскую сторону, гдѣ будто бы меня будутъ ожидать управляющій Мясникова Блиновъ и Александръ Алексѣевичъ Бильбасовъ. Но такъ какъ, по словамъ Гаврилова, они мнѣ готовы предложить тысячъ 5 или 10, то я не согласился. 5) Почетный гражданинъ Александръ Федоровъ Красильниковъ говорилъ мнѣ, что Александръ Константиновичъ Мясниковъ просилъ его подписаться свидѣтелемъ на завѣщаніи Бѣляева. 6) Отецъ его Федоръ Петровичъ Красильниковъ говорилъ мнѣ, что завѣщаніе Бѣляева подписано его, Красильникова, племянникомъ Карагановымъ. 7) Караганова, котораго я встрѣчалъ у Красильниковыхъ, я однажды въ присутствіи пяти или шести свидѣтелей, которыхъ въ случаѣ надобности припомню, уличалъ въ томъ, что онъ подписалъ духовное завѣщаніе за Бѣляева и сдѣлалъ фальшивыя подписи отъ имени же Бѣляева на двухъ бланковыхъ билетахъ, но Караганов ничего противъ этого не возразилъ. 8) Управляющій дѣлами Мясниковыхъ Александръ Федоровичъ Матвѣевъ говорилъ при мнѣ въ гостинницѣ „Москва,“ что завѣщаніе подписано отъ имени Бѣляева Карагановымъ, а впослѣдствіи разсказывалъ мнѣ, согласно съ разсказомъ Кемпе, какъ Караганов учился дѣлать подписи Бѣляева. Сидѣвшій въ гостинницѣ „Москва“ отецъ Караганова, Александръ Даниловичъ Караганов, услышавъ разсказъ Матвѣева про сына, тотчасъ же вскочилъ и убѣжалъ. Это было при Александрѣ Федоровичѣ Красильниковѣ. 9) что духовное завѣщаніе Бѣляева подписалъ Караганов, мнѣ говорилъ также служившій въ конторѣ Мясниковыхъ Иванъ Михайловъ Дьяконов. Кромѣ этихъ доказательствъ можетъ быть найдутся и другія, которыя я и представлю къ

*

слѣдствію. Представленныя мною при прошеніи письма Китаева и Исаева на имя Николая Семеновича переданы мнѣ повѣреннымъ моимъ Николаемъ Семеновичемъ Германомъ, а письмо Шевелева мною самимъ получено отъ Шевелева лично. Судебный слѣдователь Ермолинскій управлялъ Астраханскими рыбными ловлями Бѣляева и выставленъ мною свидѣтелемъ въ доказательство того, что у Бѣляева было во время кончины его имущества не на 100.000 рублей, какъ показала вдова Бѣляева при предъявленіи въ гражданской палатѣ духовнаго завѣщанія мужа, а гораздо больше. Штиммеръ выставленъ мною свидѣтелемъ въ томъ, что, въ первую ночь по смерти Бѣляева Александръ Мясниковъ перевезъ изъ его кабинета къ себѣ въ домъ, всѣ книги, бумаги и документы, и что на похоронномъ обѣдѣ вдова Бѣляева говорила, что мужъ ея духовнаго завѣщанія не оставилъ. По прочтеніи этого показанія Ижболдинъ добавилъ; Гонинъ говорилъ мнѣ, что на похоронномъ обѣдѣ онъ слышалъ о томъ, что нѣтъ завѣщанія не только отъ Бѣляевой, но и отъ Целебровскаго. Александръ Красильниковъ мнѣ положительно говорилъ, что завѣщаніе подписалъ за Бѣляева двоюродный его братъ Амфилогій Караганов. Повѣренный Бѣляевой Иванъ Михайловичъ Чевакинскій говорилъ мнѣ, что Екатерина Васильевна Бѣляева при немъ, женѣ его, Брянцевѣ (уже умершемъ) и Михайлѣ Ларіоновичѣ Погожевѣ сознавалась въ томъ, что разсматривая завѣщаніе по поводу требованія объясненія казенной палаты, сознавалась, что подпись на завѣщаніи не мужа ея, и при томъ онъ же Чевакинскій нѣсколько разъ говорилъ мнѣ, что стоитъ только ему представить завѣщаніе и Мясниковы пойдутъ въ Сибирь. Подлинное показаніе подписалъ Царскосельскій 2-й гильдіи купецъ Иванъ Алексѣевъ Ижболдинъ, при семъ присутствовалъ товарищъ прокурора Демидовъ.

ПРОТОКОЛЪ.

1868 года іюля 6 числа, въ 11 часовъ вечера, судебный слѣдователь 5 участка г. Петербурга Макалинскій, въ канцеляріи своей, допрашивалъ безъ присяги съ предвареніемъ о нака-

заніяхъ за ложные доносы назначенныхъ, жену царскосельскаго 2-й гильдіи купца Анну Николаевну Ижболдину въ присутствіи товарища прокурора Демидова и она показала:

Отъ роду мнѣ 35 годъ, вѣры я православной, подъ судомъ не была, проживаю вмѣстѣ съ мужемъ моимъ Иваномъ Алексѣевымъ въ Усачевомъ переулкѣ въ домѣ Шитта. По объявленіи мнѣ о наказаніяхъ, за ложные доносы назначенныхъ, я нынѣ подтверждаю поданное мною вмѣстѣ съ мужемъ прокурору С.-Петербургскаго Окружнаго Суда прошеніе, въ которомъ мы обвиняемъ братьевъ Александра и Ивана Константиновыхъ Мясниковыхъ и купеческаго сына Караганова въ составленіи подложнаго духовнаго завѣщанія отъ имени купца Козьмы Бѣляева. Обвиненіе этихъ лицъ я основываю больше на словахъ мужа, но кромѣ того я лично слышала о фальшивости духовнаго завѣщанія отъ трехъ свидѣтелей, чиновника Матвѣева, Китаева и Штеммера; также слышала я о фальшивости завѣщанія отъ повѣреннаго моего и моего мужа, Германа. Китаевъ теперь живетъ кажется въ Казанскомъ уѣздѣ, гдѣ именно не знаю. Больше ничего показать не имѣю,—добавляя, что Матвѣевъ и Штеммеръ говорили мнѣ, что Екатерина Васильевна Бѣляева на обѣдѣ при всѣхъ говорила, что покойный мужъ ея завѣщанія не оставилъ; а Китаевъ говорилъ мнѣ, что онъ отъ всей дворни Бѣляева слышалъ, что завѣщанія небыло покойнымъ Бѣляевымъ оставлено. Подписали: жена царскосельскаго 2 гильдіи купца Анна Николаева Ижболдина, судебный слѣдователь Макалинскій и присутствовавшій при допросѣ товарищъ прокурора Демидовъ.

Спрошенный того числа, съ предвареніемъ о присягѣ отставной коллежскій секретарь Николай Семеновъ Германъ показалъ:

Отъ роду мнѣ 51-й годъ, вѣры я православной, подъ судомъ небылъ, проживаю Нарв. ч. 2 уч. по Рижскому проспекту въ домѣ Сусловой № 38, имѣю отъ купца Ивана Алексѣева Ижболдина и жены его, а также купеческой жены Зои Пошехановой довѣренность на веденіе гражданскаго иска противъ купчихи Бѣляевой объ оставшемся послѣ смерти мужа ея имуществѣ, но довѣренности этой не предъявлялъ; на веденіе же уголовнаго дѣла уполномочія отъ нихъ не получалъ и являюсь въ настоящемъ дѣлѣ докащикомъ. Въ 1863 году въ сентябрѣ мѣсяцѣ я сдѣлалъ

шефу жандармовъ въ первый разъ доносъ о фальшивости духовнаго завѣщанія купца Козьмы Бѣляева и составленной отъ его имени сохранной росписки. Затѣмъ я обращался съ объясненіями по этому дѣлу неоднократно къ С.-Петербургскому Военному Генералъ-губернатору, Министру Внутреннихъ Дѣлъ, Юстиціи и Финансовъ, и С.-Петербургскую казенную палату, и наконецъ со всеподданнѣйшею просьбою къ Государю Императору. Послѣ разбирательства этого дѣла въ коммиссіи прошеній мнѣ было объявлено, что бы я обратился въ новыя судебныя учрежденія, вслѣдствіе чего я подалъ заявленіе прокурору С.-Петербургскаго Окружнаго Суда, гдѣ подробно изложены всѣ обстоятельства дѣла и указаны доказательства. Какъ свидѣтель, я могу показать, что купеческій сынъ Амфилогій Александровъ Карагановъ однажды зимою въ 1864 или 1865 году, въ то время, когда было уже въ разгарѣ дѣло о духовномъ завѣщаніи Бѣляева, пойдя со мною изъ квартиры Красильникова въ трактиръ на Измайловскомъ проспектѣ, во второмъ или третьемъ домѣ отъ измайловскаго моста, сознавался мнѣ, что подписался на завѣщаніи отъ имени Козьмы Бѣляева онъ, при чемъ онъ объяснилъ, что Александръ Мясниковъ заставилъ его написать на одной бумагѣ „Козьма Бѣляевъ“, сказавъ, что это такъ нужно, и что онъ Карагановъ исполнилъ это требованіе, не читавъ бумаги и не зная, что онъ подписываетъ духовное завѣщаніе, а что напротивъ того Карагановъ подписалъ завѣщаніе завѣдомо, я слышалъ отъ свидѣтелей: Александра и Федора Красильниковыхъ, Матвѣева, Штеммера, Китаева, Дьяконова и другихъ указанныхъ мною въ заявленіи прокурору Окружнаго Суда. Предъявленные мнѣ нынѣ два письма отъ Кронштадтскаго мѣщанина Василія Михайловича Китаева и надворнаго совѣтника Николая Павлова Исаева получены мною отъ нихъ по городской почтѣ и переданы Ижболдину. Лица эти и лично подтверждали мнѣ обстоятельства, изложенныя въ письмахъ. Болѣе въ качествѣ свидѣтеля, ничего показать по этому дѣлу не имѣю. Подписали: коллежскій секретарь Николай Семеновъ Германъ, судебный слѣдователь Макалинскій и присутствовавшій при допросѣ товарищъ прокурора Демидовъ.

ПРОТОКОЛЪ.

1868 года іюля 8 числа, въ 11 часу утра, судебный слѣдователь 5 участка г. Петербурга Макалинскій, въ канцеляріи своей, допрашивалъ безъ присяги, но съ предвареніемъ о ней, Лугскаго 2-й гильдіи купца Ивана Кирилова Гонина, и онъ показалъ:

Отъ роду мнѣ 60 годъ, вѣры я православной, проживаю 4 уч. Спасской части, по Фонтанкѣ въ домѣ Воробьева. Подъ судомъ былъ въ 1845 году по извѣту мѣщанина Федора Гонина о написаніи будто бы по моей просьбѣ письма о вызовѣ его въ Петербургъ для полученія наслѣдства послѣ чиновника Басманова, по 1-му департаменту здѣшняго магистрата, отъ суда освобожденъ. Кромѣ того былъ подъ слѣдствіемъ по извѣту с.-петербургскаго купца Александра Андреева, фамиліи не упомню, о похищеніи будто бы у него пятнадцати тысячъ рублей серіями въ 1858 или въ 1859 году. Слѣдствіе производилось въ Московской части, и потомъ прекратилось, потому что извѣтъ оказался ложнымъ. Еще было у меня дѣло съ купцомъ Васильемъ Герасимовымъ Семеновымъ о взаимныхъ оскорбленіяхъ на письмѣ, но окончено въ нынѣшнемъ году миромъ въ здѣшней судебной палатѣ. Съ царскосельскимъ купцомъ Иваномъ Алексѣевымъ Ижболдинымъ и женою его Анною Николаевою родства не имѣю, а состою съ Ижболдинымъ въ дальнемъ сватовствѣ, и именно братъ покойной моей жены купецъ Семенъ Ивановичъ Столбовъ женатъ на Татьянѣ Ивановнѣ, фамиліи не припомню, а какъ теперь вспомнилъ, Каковиной, двоюродный внукъ матери Ижболдина. Съ Ижболдинымъ имѣлъ производившуюся въ управѣ благочинія тяжбу о томъ, что Ижболдинъ требовалъ отъ меня двѣ тысячи рублей банковыми билетами по сохранной роспискѣ, по которой билеты онъ прежде получилъ, въ чемъ онъ и самъ впослѣдствіи сознался у полковника Ракѣева. Дѣло это было, какъ мнѣ кажется въ 1860 г., и мною въ управѣ благочинія оставлено безъ преслѣдованія, производилось оно въ 1-мъ департаментѣ управы. Съ братьями Александромъ и Иваномъ Константиновичами Мясниковыми и купеческимъ сыномъ Аѳфилогіемъ Карагановымъ родства, свойства и ни-

какихъ особыхъ отношеній не имѣю. Козьму Васильевича Бѣляева я зналъ очень хорошо, потому что управлялъ мебельнымъ его магазиномъ. Кромѣ того онъ былъ моимъ посаженымъ отцомъ, крестилъ у меня дѣтей и вообще оказывалъ мнѣ большое расположеніе. На похоронахъ Бѣляева я былъ, но отъ вдовы его Екатерины Васильевны я не слыхалъ о томъ, оставилъ ли покойный духовное завѣщаніе и при мнѣ ее никто объ этомъ не спрашивалъ, а спрашивалъ я и нынѣ уже умершіе конторщикъ Бѣляева Николай Дмитріевъ Шмелевъ, коммиссіонеръ его Федоръ Карловъ Кеппе и купецъ Левъ Федоровъ Каменскій повѣреннаго Бѣляева Целебровскаго, не оставилъ ли покойный завѣщанія. Мы всѣ интересовались этимъ потому, что надѣялись, что если завѣщаніе есть, то и насъ Бѣляевъ не забылъ. Целебровскій отвѣтилъ намъ, что завѣщанія нѣтъ. Но я не повѣрилъ Целебровскому, думая, что вѣрно есть завѣщаніе, такъ какъ Бѣляевъ былъ человѣкъ умный, разсудительный и притомъ долго болѣлъ, а потому долженъ былъ подумать о своемъ послѣднемъ часѣ, и имѣлъ къ тому время. Какъ мнѣ показалось, и Целебровскій отвѣтилъ не вполнѣ положительно. Во время поминокъ въ 20 или 40 день, мы, не помню, всѣ ли, опять спрашивали о томъ же Целебровскаго и онъ опять сказалъ, что завѣщанія нѣтъ. Впослѣдствіи, не помню какъ скоро, распространился по городу слухъ, что Бѣляева завѣщаніе оказалось; слухъ этотъ дошелъ и до меня. Завѣщанія этого я не видалъ. Руку покойнаго Козьмы Васильевича Бѣляева я хорошо знаю и имѣю въ настоящее время отъ него много писемъ. Подпись Козьмы Бѣляева на предъявленномъ мнѣ нынѣ духовномъ завѣщаніи 10 мая 1858 года очень похожа на почеркъ покойнаго Бѣляева, но сдѣлана ли его рукою, я удостовѣрить не могу. Для сличенія почерковъ, обязуюсь представать имѣющіяся у меня письма Бѣляева. Отъ Бѣляева я получалъ много писемъ, всѣ они были его собственноручныя, онъ не лѣнился писать собственноручно по дѣламъ. Переписывали же для него бумаги конторщикъ Шмелевъ и писаря. Почерковъ священника Сицилинскаго и доктора Отто не знаю. Гдѣ жили Целебровскій, руку котораго на завѣщаніи я признаю, священникъ Сицилинскій, докторъ Отто — не знаю. Отъ Александра и Ивана Мясниковыхъ и Караганова я о духовномъ завѣщаніи Бѣляева ничего не слыхалъ, — и вообще никакого участія въ этомъ дѣлѣ не принималъ. Разговоровъ по этому

дѣлу съ Ижболдинымъ было у меня много и какъ въ туманѣ мнѣ кажется, что Ижболдинъ просилъ меня побывать у Мясниковыхъ, но положительно припомнить этого не могу. Все выше изложенное я готовъ подтвердить подъ присягою, болѣе же ничего припомнить и объяснить по этому дѣлу не могу. Подписалъ лугскій купецъ Иванъ Кириловъ Гонинъ, допрашивалъ судебный слѣдователь Макалинскій

ПРОТОКОЛЪ.

1868 года іюля 8 числа, въ 12 часу дня, судебный слѣдователь 5 участка г. Петербурга Макалинскій въ канцеляріи своей допрашивалъ безъ присяги, но съ предвареніемъ о ней, отставнаго надворнаго совѣтника Александра Федорова Матвѣева, и онъ показалъ:

Отъ роду мнѣ 59 годъ, вѣры я православной, подъ судомъ не былъ, проживаю Колом. ч. 1-го участка по Крюковому каналу, въ домѣ Погребова, занятій никакихъ не имѣю, страдаю въ настоящее время головною болью, недавно вышелъ изъ Куракинской больницы, что близь Александровской Мануфактуры, съ купцомъ Иваномъ Алексѣевымъ и женою его Анною Николаевою Ижболдиными, Александромъ и Иваномъ Мясниковыми родства и свойства и никакихъ особыхъ отношеній не имѣю, кромѣ того, что я управляю домомъ Александра Мясникова въ большой Морской. Покойнаго Козьму Васильевича Бѣляева я зналъ и былъ на его похоронахъ. На который день по смерти Бѣляева были его похороны, не помню. Послѣ похороннаго обѣда, молодежь, въ числѣ ея Шезелевъ, Целебровскій, Ермолинскій и другіе, которыхъ не припомню, собралась въ маленькую комнату курить папиросы. Пришелъ протоіерей Сицилинскій и говорилъ: „какъ вамъ, господа, нестыдно курить табакъ, когда недавно была служба и курился ладанъ“. Въ это время взошла въ эту комнату вдова Екатерина Васильевна Бѣляева и съ плачемъ и рыданіемъ, обращаясь къ Сицилинскому, сказала: „нѣтъ духовнаго завѣщанія“ я понялъ слова эти такъ, что Бѣляева удостовѣрившись, въ кабинетѣ покойнаго, что нѣтъ завѣщанія, хотѣла

узнать объ этомъ отъ Сицилинскаго духовнаго отца всего семейства Бѣляева. Сицилинскій на это никакого отвѣта не далъ и улизнулъ въ другія комнаты. Александръ Мясниковъ при мнѣ Шевелеву и Кемпе завѣщанія не показывалъ, а однажды только за обѣдомъ, около двухъ недѣль послѣ похоронъ Бѣляева, при мнѣ и при нихъ говорилъ, что духовное завѣщаніе Бѣляева нашлось. Былъ говоръ, что Александръ Мясниковъ просилъ Шевелева и Кемпе подписаться на завѣщаніи свидѣтелями, но это было не при мнѣ и отъ кого я это слышалъ, не помню, только не отъ нихъ самихъ. Впослѣдствіи, Александръ Мясниковъ отдалъ мнѣ духовное завѣщаніе, чтобы отвезти его къ секретарю гражданской палаты Носенко, тогда я завѣщанія не разсматривалъ, не интересовался этимъ; предъявленное мнѣ нынѣ завѣщаніе Бѣляева отъ 10 мая 1858 года то самое, которое я отвозилъ къ Носенко, оно было подписано свидѣтелями. Подпись „Козьма Бѣляевъ" на этомъ завѣщаніи, какъ мнѣ кажется, не похожа на настоящія подписи Бѣляева, которыя я видалъ часто, такъ какъ былъ очень близкимъ человѣкомъ и даже другомъ Александра Мясникова. Въ письменномъ свѣдѣніи, данномъ мною Павлу Ивановичу Сысоеву 20-го декабря 1867 г. и нынѣ мнѣ предъявленномъ, сказано, что Александръ Мясниковъ говорилъ что-то тихо съ Кемпе и Шевелевымъ, разговоръ этотъ вѣроятно былъ о духовномъ завѣщаніи, такъ какъ они только тѣмъ и были заняты, чтобы духовное завѣщаніе было утверждено. Было ли это прежде или послѣ того, какъ я отвезъ завѣщаніе къ Носенко, не припомню, а должно быть послѣ. Повторяю, духовное завѣщаніе Бѣляева я увидѣлъ въ первый разъ, когда Александръ Мясниковъ вручилъ мнѣ его для того, чтобы отвезти къ Носенко. Въ день смерти Бѣляева, Александръ Мясниковъ послалъ за мною, чтобы я пріѣхалъ въ домъ покойнаго. Я пріѣхалъ туда и Александръ Мясниковъ далъ мнѣ обыкновенный листовый пакетъ, незапечатанный, въ которомъ находились бумаги, и просилъ отвезти этотъ пакетъ въ его домъ, а за тѣмъ вернуться въ домъ Бѣляева на панихиду. Исполнивъ его порученіе, отдавъ пакетъ каммердинеру его Дамашеву, съ тѣмъ, чтобы онъ положилъ его на письменный столъ, я возвратился въ домъ Бѣляева. Болѣе никакихъ бумагъ при мнѣ Александръ Мясниковъ изъ дома Бѣляева не бралъ. Въ слѣдующую за тѣмъ ночь и послѣ Александръ Мясниковъ счи-

тать деньги меня не заставлялъ, и я ихъ не считалъ. О сохранной роспискѣ я ничего незнаю, а былъ говоръ, что Кемпе и Шевелевъ знаютъ объ ней, но отъ кого я это слышалъ, не помню. При мнѣ Александръ Мясниковъ не спрашивалъ Кемпе и Шевелева: узнаютъ ли они на завѣщаніи подпись Бѣляева. Книгъ я изъ дому Бѣляева не перевозилъ, и не видалъ, чтобы перевозилъ ихъ Александръ Мясниковъ. Почему въ письменномъ свѣдѣніи, данномъ мною Сысоеву, написано иначе, чѣмъ я теперь показываю, не знаю. Шевелевъ служитъ въ Харьковской губерніи акцизнымъ чиновникомъ. Я прошу отложить допросъ до другаго времени, потому что чувствую себя очень не хорошо Подписали: отставной надворный совѣтникъ Александръ Федоровъ сынъ Матвѣевъ, судебный слѣдователь Макалинскій и присутствовавшій при допросѣ товарищъ прокурора Демидовъ.

ПРОТОКОЛЪ.

1868 года іюля 8 числа, въ 3 часу дня, судебный слѣдователь 5 участка г. С.-Петербурга Макалинскій, въ канцеляріи своей, допрашивалъ безъ присяги, но съ предвареніемъ о ней потомственнаго почетнаго гражданина Александра Федорова Красильникова, въ присутствіи товарища прокурора Демидова, и онъ показалъ:

Отъ роду мнѣ 36-й годъ, вѣры я православной, подъ судомъ не былъ, проживаю 4 участ. Спасской ч. по Вознесенскому проспекту въ домѣ подъ № 55, занимаюсь торговлею спиртомъ. Съ Иваномъ Алексѣевымъ Ижболдинымъ и женою его Анною Николаевой никакихъ особыхъ отношеній не имѣю, кромѣ того, что Ижболдинъ въ 1862 году былъ мною посланъ на мой винокуренный заводъ въ Калужской губерніи и остался мнѣ долженъ небольшую сумму, которая и взыскивается теперь съ него моимъ повѣреннымъ. Съ покойнымъ купцомъ Козьмою Васильевымъ Бѣляевымъ я былъ компаніономъ по откупамъ въ Олонецкой губерніи и по смерти его имѣлъ по этимъ откупамъ расчеты съ Александромъ Мясниковымъ, дѣйствовавшимъ по довѣренности вдовы Бѣляева, другихъ же отношеній съ нимъ, а равно никакихъ дѣлъ

съ Иваномъ Мясниковымъ не имѣлъ. Купеческій сынъ Амфилогій Карагановъ мнѣ приходится двоюроднымъ братомъ. На канунѣ смерти Бѣляева, я пріѣхалъ въ Петербургъ изъ Воронежа, это было 23-го сентября. На другой день между 11 и 12 часами утра я заѣзжалъ къ Бѣляеву; человѣкъ мнѣ сказалъ, что онъ ожидалъ доктора Тильмана, я спросилъ конторщика Шмелева, мнѣ сказали, что Бѣляевъ его куда-то услалъ. При отъѣздѣ моемъ въ Воронежъ въ началѣ или половинѣ августа Бѣляевъ чувствовалъ себя не хорошо, но ходилъ, болѣзнь его была геморой. Въ три часа по полудни, 24 сентября, я получилъ извѣстіе, что Бѣляевъ умеръ. До похоронъ Бѣляева я съ тѣхъ поръ въ домѣ его не былъ. Во время провожанія тѣла, пріятель Бѣляева надворный совѣтникъ Степанъ Дмитріевичъ Воронинъ, уже умершій, говорилъ мнѣ съ удивленіемъ, что Бѣляевъ, такой акуратный человѣкъ, не оставилъ по себѣ духовнаго завѣщанія. Воронинъ мнѣ при этомъ объяснилъ, что онъ спрашивалъ вдову Бѣляева Екатерину Васильевну и она сказала, что завѣщанія нѣтъ. Въ день же похоронъ конторщикъ Бѣляева Шмелевъ, женатый на его воспитанницѣ, говорилъ мнѣ, „что я теперь буду дѣлать, Козьма Васильевичъ завѣщанія не оставилъ; чѣмъ я буду содержать себя съ семьей.“ Шмелевъ при женитьбѣ не получилъ за женой приданаго. Болѣе я не припомню въ этотъ день разговоровъ о духовномъ завѣщаніи. Послѣ похоронъ дня черезъ три, черезъ четыре я пошелъ къ Екатеринѣ Васильевнѣ Бѣляевой, чтобы поговорить, какъ поступать по общимъ моимъ съ ея мужемъ дѣламъ. При этомъ она мнѣ сказала, что она сама ничего не знаетъ, что смерть застала Козьму Васильевича въ расплохъ, что онъ нѣсколько разъ поговаривалъ о томъ, что нужно составить духовное завѣщаніе, но однакожъ завѣщанія нѣтъ. Черезъ день или два я обратился къ Александру Мясникову потому, что мой Кириловскій откупъ былъ обезпеченъ его залогами, по распоряженію покойнаго Бѣляева, до тѣхъ поръ, пока не освободятся другіе мои залоги. Я привезъ Мясникову доношеніе въ Новгородскую казенную палату объ освожденіи его залоговъ и о переводѣ Кириловскаго откупа на мое имя, такъ какъ по представленіи Мясниковымъ залоговъ откупъ этотъ считался принадлежащимъ ему. Александръ Константиновичъ Мясниковъ очень меня обласкалъ, говорилъ мнѣ, что я буду у него пользоваться тѣмъ

же довѣріемъ, какимъ пользовался у покойнаго Бѣляева и въ разговорѣ между прочимъ просилъ меня подписаться свидѣтелемъ, какъ онъ выразился, „для формы только,“ на двухъ лежавшихъ на его письменномъ столѣ бумагахъ. Одна изъ этихъ бумагъ была писана кажется рукою Целебровскаго, на простой бумагѣ и составляла домашнее условіе между покойнымъ Бѣляевымъ и Александромъ и Иваномъ Мясниковыми объ уступкѣ имъ со стороны Бѣляева всѣхъ его откуповъ за триста тысячъ рублей серебромъ; написана она была отъ 13 или 15 мая 1858 года, а подписана просто „К. Бѣляевъ.“ Затѣмъ слѣдовали подписи Александра и Ивана Мясниковыхъ; въ концѣ было написано: „при семъ свидѣтелемъ находился Макаръ Целебровскій.“ Увидѣвъ въ этомъ условіи, что Бѣляевъ уступалъ будто бы Мясниковымъ участіе свое между прочимъ въ откупахъ Олонецкой губерніи, въ которыхъ мы съ нимъ были компаньонами и найдя подпись Бѣляева, которую я знаю очень хорошо, такъ какъ занимался его дѣлами двѣнадцать лѣтъ, сомнительною, я замѣтилъ Мясникову, что мнѣ кажется страннымъ, какъ могъ Бѣляевъ распоряжаться, безъ моего согласія и вѣдома, олонецкими откупами и что самая подпись Бѣляева мнѣ кажется сомнительною, почему я и отказался отъ подписи на условіи. Другая бумага была написана на гербовой 15-ти копѣечной бумагѣ и представляла собою сохранную росписку на взятыя будто бы Бѣляевымъ у Александра Мясникова деньги, въ количествѣ 276 или 286 тысячъ рублей золотомъ, не помню сколько полуимперіаловъ. Чьею рукою была она написана хорошенько не замѣтилъ, но кажется, что тоже рукою Целебровскаго. Подписана она была также „К. Бѣляевъ“ и Целебровскій же подписался на ней свидѣтелемъ. Когда я отказался отъ подписи условія и росписки, Мясниковъ сконфузился, а сидѣвшій здѣсь же Целебровскій сказалъ мнѣ: „Вы ужь этого не хотите сдѣлать для Александра Константиновича“. Затѣмъ я просилъ Мясникова подписать доношеніе, но онъ, будучи сердитъ, отказался его подписать, отозвавшись, что по этому дѣлу онъ съ Бѣляевымъ всѣ расчеты покончилъ. Вслѣдствіе этого, я черезъ два или три дня обратился къ Екатеринѣ Васильевнѣ Бѣляевой, но она отвѣчала, что ничего не можетъ сдѣлать, потому что сама ничего не знаетъ, все опечатано и завѣщанія нѣтъ. Послѣ этого не видавшись болѣе ни съ Бѣляевой, ни съ Мясниковыми, я въ концѣ

октября мѣсяца уѣхалъ въ Олонецкую губернію, откуда возвратился въ февралѣ мѣсяцѣ. По возвращеніи я услышалъ, что есть духовное завѣщаніе Бѣляева, а Левъ Федоровичъ Каменскій, бывшій домашнимъ человѣкомъ у Бѣляева, тотчасъ же мнѣ сказалъ съ удивленіемъ, что Екатерина Васильевна, не посовѣтовавшись съ нимъ, заключила такую сдѣлку съ Мясниковыми, что отдала имъ не только все имущество Бѣляевское, но даже и то, которое числилось на ея имя, а именно Комаровскій винокуренный заводъ и Чураковскій съ большимъ коннымъ заводомъ и всѣ капиталы и залоги за 400 т. рублей, въ счетъ которыхъ пошла и сохранная росписка на 286 т. рублей. При этомъ Каменскій говорилъ, что завѣщаніе привезли Бѣляевой Мясниковы. А Федоръ Карловичъ Кемпе въ тоже время мнѣ говорилъ, что въ духовномъ завѣщаніи за Бѣляева подписался мой двоюродный братъ Анфилогій Караганевъ и что Александръ Константиновичъ просилъ его, Кемпе, подписаться подъ этимъ завѣщаніемъ свидѣтелемъ, а также, что въ этомъ же его убѣждалъ Целебровскій. Я долженъ еще показать одно обстоятельство, которое было ранѣе. Послѣ смерти Бѣляева Анфилогій Караганевъ сталъ часто ко мнѣ ходить, и однажды, едвали ни въ день похоронъ Бѣляева, возвратясь вечеромъ домой, я засталъ его въ своемъ кабинетѣ. На листѣ бумаги онъ все писалъ: „К. Бѣляевъ“, „Козьма Бѣляевъ“, такъ былъ исписанъ весь листъ. Я спросилъ его, что онъ дѣлаетъ. Онъ мнѣ на это возразилъ, показывая мнѣ этотъ листъ: „неправда ли похоже“. Я замѣтилъ ему, что похоже. Онъ тотчасъ же разорвалъ листъ и бросилъ. До моего отъѣзда въ Олонецкую губернію онъ говорилъ мнѣ, что ему даны Александромъ Константиновичемъ паи въ дѣлахъ и спрашивалъ меня, какія выгоднѣе взять акціи, а также говорилъ, что задумываетъ какія то коммерческія предпріятія, хотѣлъ войти въ компанію прачешнаго общества. Это удивило меня, потому что онъ неимѣлъ никакихъ средствъ, и получалъ кажется только 50 рублей въ мѣсяцъ. По возвращеніи изъ Олонецкой губерніи, узнавши отъ Каменскаго и Кемпе о духовномъ завѣщаніи, я обратился къ Бѣляевой, но она мнѣ сказала, чтобы я отправился къ Александру Константиновичу, что онъ знаетъ. Я отправился къ Мясникову, который предъявилъ мнѣ довѣренность Бѣляевой и мы сдѣлали съ нимъ расчетъ. Въ то время когда мы считались съ Мясниково-

вымъ, Караганова я у него видалъ, но ко мнѣ онъ не ходилъ, по крайней мѣрѣ я его у себя не видалъ. Въ маѣ мѣсяцѣ я встрѣтилъ его на углу Семіоновской и Литейной улицъ, онъ былъ очень хорошо одѣтъ, на рукѣ у него былъ бриллiантовый перстень. Я между прочимъ сказалъ ему, что о немъ носятся не хорошіе слухи и чтобы онъ какъ нибудь ко мнѣ зашелъ. Онъ смутился и обѣщалъ зайдти, но не былъ. Вскорѣ я узналъ, что онъ тайно обвѣнчался съ оперной пѣвицей Обольяниновой, что Александръ Мясниковъ былъ у него посаженымъ отцемъ, и послѣ свадьбы Карагановъ уѣхалъ съ женою на Комаровскій винокуренный заводъ управляющимъ, а побывши тамъ мѣсяца два переѣхалъ въ Казань и тамъ открылъ собственную хлѣбную торговлю. Въ то же лѣто на дачу ко мнѣ зашелъ Александръ Федоровичъ Матвѣевъ и разсказалъ, что завѣщаніе составили Целебровскій съ Карагановымъ, что за Бѣляева на завѣщаніи подписался Карагановъ, что Целебровскій получилъ за это кажется 30 т. рублей, а Карагановъ женился на хорошей знакомой Мясникова. При этомъ разговорѣ въ числѣ другихъ лицъ, которыхъ не припомню, былъ Александръ Гавриловичъ Ротчевъ, которому нужно было отправиться въ Пермь. Воспользовавшись этимъ я просилъ Ротчева отыскать тамъ племянника Бѣляева Ивана Николаевича Мартьянова съ которымъ, мы вмѣстѣ росли въ Яренскѣ у Бѣляева, и передать ему какъ о смерти дяди, такъ и обо всѣхъ этихъ обстоятельствахъ. Въ концѣ іюля или началѣ августа того же 1859 года, Мартьяновъ и пріѣхалъ вмѣстѣ съ Ротчевымъ въ Петербургъ и обратился съ жалобою къ шефу Жандармовъ. Въ концѣ 1859 года я отправился снова къ Бѣляевой, для того, чтобы она подписала объявленіе о томъ, чтобы мнѣ были выданы деньги, слѣдовавшія за остатки вина по Олонецкимъ откупамъ и переговорить по дѣлу о взысканіи штрафа за корчемства въ Олонецкой губерніи. При этомъ Бѣляева мнѣ объяснила, что она не ожидала отъ Мясниковыхъ такой штуки, какую они съ ней сдѣлали, а именно, что они привезли ей духовное завѣщаніе, и уговорили ее, что они по своимъ связямъ все могутъ сдѣлать, ни кто въ это дѣло не вступится, а что иначе ей ничего недостанется, все разберутъ наслѣдники, что она на все это согласилась, потому что была въ безсознательномъ состояніи, что никакой сохранной росписки она не знаетъ, и ее только мель-

комъ видѣла, и что Александръ Мясниковъ ее изъ рукъ невыпускалъ, и показавши ей росписку эту, разорвалъ и что Мясниковы стращаютъ ее какими-то процессами. А съ годъ тому назадъ Бѣляева говорила мнѣ, что Мясниковыми написано въ контрактѣ, что она продала имъ всѣ дѣла съ залогами, въ числѣ которыхъ и ея домъ. Въ прошедшемъ же году я былъ у повѣреннаго Бѣляевой Чевакинскаго по поводу отобранія здѣшнею казенною палатою свѣдѣній о расчетахъ нашихъ съ Бѣляевой, и Чевакинскій мнѣ говорилъ, какъ бы выпутать Екатерину Васильевну, если возникнутъ какія нибудь непріятности по духовному завѣщанію и не представить ли самой Бѣляевой духовное завѣщаніе въ судъ съ объясненіемъ, что она считаетъ его сомнительнымъ. — Добавляю, что сохранная росписка, на которой Мясниковъ предлагалъ мнѣ подписаться свидѣтелемъ, была не помню отъ какого именно числа, но отъ мая 1858 года. И мнѣ тогда особенно страннымъ показалось условіе еще и потому, что въ маѣ мѣсяцѣ я собиралъ по Россіи для Бѣляева свѣдѣнія о торгахъ и онъ въ маѣ мѣсяцѣ очень много работалъ и былъ совершенно здоровъ. Предъявленная мнѣ нынѣ подпись „Козьма Бѣляевъ“ на духовномъ завѣщаніи отъ 10 мая 1858 года не похожа на настоящую подпись Бѣляева. Бѣляевъ всегда подписывалъ такъ „Фридрихсгамскій первостатейный купецъ Козьма Васильевъ Бѣляевъ,“ но онъ такъ писалъ особенно, что трудно было подписаться подъ его руку, въ особенности въ словахъ, „Фридрихсгамскій первостатейный купецъ“ и „Васильевъ“ слово „Козьма“ на завѣщаніи очень похоже на почеркъ Караганова, „Бѣляевъ“ написано лучше и очень похоже на тѣ подписи, которыя мнѣ показывалъ Карагановъ на листѣ. Бѣляевъ имѣлъ обыкновеніе всѣ серьезныя бумаги, даже отзывы въ кварталъ писать собственноручно отъ начала до конца. Также онъ самъ сочинялъ бумаги, потому что служилъ прежде въ Сенатѣ и былъ хорошимъ юристомъ. По этому я полагаю, онъ не поручилъ бы Целебровскому написать духовное завѣщаніе и при томъ написалъ бы его не такъ, какъ написано нынѣ мнѣ предъявленное; онъ былъ человѣкъ аккуратный и въ завѣщаніи распорядился бы своими дѣлами какъ слѣдуетъ. Въ подписи его былъ одинъ секретъ: онъ за подписью на той же линіи поодаль ставилъ точку. У меня есть бумаги, современныя составленію духовнаго завѣщанія, подписан-

ныя Бѣляевымъ, я ихъ представлю къ слѣдствію. Почерки Сицилинскаго и Отто мнѣ неизвѣстны. По вычитаніи вышеизложеннаго добавляю, что до пріѣзда Мартьянова въ Петербургъ я о всемъ что по этому дѣлу зналъ, словесно заявлялъ корпуса жандармовъ Петербургской губерніи полковнику Ракѣеву. Подлинный подписали: потомственный почетный гражданинъ Александръ Федоровъ Красильниковъ, судебный слѣдователь Макалинскій и присутствовавшій при допросѣ товарищъ прокурора Демидовъ.

ПРОТОКОЛЪ.

1868 года іюля 8 числа, въ 9 часу вечера, судебный слѣдователь 5 участка г. С.-Петербурга Макалинскій въ канцеляріи своей допрашивалъ безъ присяги, но съ предвареніемъ о ней, с.-петербургскаго 2-й гильдіи купца Федора Петрова Красильникова въ присутствіи товарища прокурора Демидова, и онъ показалъ:

Отъ роду мнѣ 64 годъ, вѣры я православной, подъ судомъ не былъ, проживаю 4 участ. Спасской части по Вознесенскому проспекту въ домѣ № 55, занимаюсь виноторговлей. Съ купцомъ Иваномъ Алексѣевымъ Ижболдинымъ, женою его Анною Николаевою и братьями Александромъ и Иваномъ Мясниковыми никакихъ особыхъ отношеній не имѣю, Амфилогій Караганов мнѣ племянникъ: онъ сынъ роднаго брата моей жены. О духовномъ завѣщаніи купца Козьмы Бѣляева я слышалъ только отъ покойныхъ Ивана Николаева Мартьянова и Федора Карлова Кемпе, что оно ложное, но они не объяснили мнѣ, почему они считаютъ завѣщаніе это ложнымъ. Кѣмъ сдѣлана подпись Бѣляева я не слыхалъ. Отъ самого Караганова я ничего объ этомъ завѣщаніи не слыхалъ. Во время смерти Бѣляева я жилъ въ Олонецкой губерніи. Ижболдину я не говорилъ, что завѣщаніе подписано за Бѣляева Карагановымъ. Я не слыхалъ, чтобы кто нибудь при мнѣ говорилъ Караганову, что имъ подписано завѣщаніе Бѣляева. Можетъ быть и говорили, но всего не припомнить. Возвратился я въ Петербургъ изъ Олонецкой губерніи осенью 1859 года. Болѣе по этому дѣлу ничего показать не могу. Отецъ Караганова Алек-

сандръ Даниловъ живетъ въ Казанской губерніи, въ г. Козьмодемьянскѣ въ своемъ домѣ, занимается своими садами. Подпись руки Бѣляева, священника Сицилинскаго и доктора Отто не знаю. Подписали: с.-петербургскій 2-й гильдіи купецъ Федоръ Петровъ Красильниковъ, судебный слѣдователь Макалинскій и присутствовавшій при допросѣ товарищъ прокурора Демидовъ.

Спрошенный того же числа, съ предвареніемъ о присягѣ, временно-обязанный крестьянинъ Вологодской губерніи Вельскаго уѣзда Дюковской деревни Устьвельской волости Иванъ Михайловъ Дьяконовъ показалъ:

Отъ роду мнѣ 48 годъ, вѣры я православной, подъ судомъ не былъ, проживаю Нарвской части 2 участ. по Заротной улицѣ въ домѣ Новоникольскаго № 7, занимался до марта мѣсяца приватно въ конторѣ Александра Красильникова, а теперь пріискиваю себѣ занятія. Съ Иваномъ Алексѣевымъ Ижболдинымъ, женою его Анною Николаевой, Александромъ и Иваномъ Мясниковыми и Амфилогіемъ Карагановымъ никакихъ особыхъ отношеній не имѣю, у Александра Мясникова я служилъ два раза въ конторѣ въ 1858 и 1859 году оба раза не долго. Во время смерти купца Козьмы, Бѣляева я у Мясникова не служилъ и оставилъ ли Бѣляевъ завѣщаніе, мнѣ неизвѣстно. Въ 1859 году я поступилъ къ Мясникову въ началѣ года, а къ Пасхѣ, въ половинѣ апрѣля, я у него уже не служилъ. О томъ, что завѣщаніе Бѣляева подписано за него Карагановымъ я никому не могъ говорить, потому что самъ этого не зналъ, разговоры о завѣщаніи были съ Ижболдинымъ и Германомъ у Красильникова, а также и у Ижболдина, равно Ижболдинъ и Германъ заходили иногда ко мнѣ и мнѣ приходилось вставлять свои слова въ эти разговоры, но о томъ, кѣмъ подписано завѣщаніе я не могъ имъ сообщить, потому что мнѣ самому это неизвѣстно. Вообще по этому дѣлу ничего показать не имѣю. У купца Бѣляева я служилъ съ 1846 по 1852 годъ управляющимъ и ревизоромъ по откупамъ. Въ 1858 году я поступилъ къ Мясникову черезъ Бѣляева. Онъ былъ крѣпкій, здоровый человѣкъ. Дѣловыя бумаги онъ всегда писалъ самъ. Бывало у него по 30 управляющихъ и онъ самъ съ ними переписывался. По крайней мѣрѣ такъ было до 1850 года. Въ 1858 году онъ былъ такимъ же бодрымъ, только не знаю столько ли онъ занимался, потому что дѣлъ было меньше. Руку его я хорошо знаю,

потому что имѣлъ отъ него много писемъ. Одно изъ нихъ отъ 1 ноября 1849 года при семъ представляю. Дома у меня есть еще письма, которыя обязуюсь представить для сличенія почерковъ. Подпись „Козьма Бѣляевъ“ на предъявленномъ мнѣ нынѣ духовномъ завѣщаніи отъ 10 мая 1858 года мнѣ кажется похожею на почеркъ Бѣляева, и по видимому сдѣлана больною рукою и стальнымъ перомъ. Въ апрѣлѣ или маѣ 1858 года я видалъ его, онъ былъ здоровъ; какъ я слышалъ въ іюнѣ 1858 года онъ ѣздилъ на торги по откупамъ въ сенатъ. Случалось мнѣ иногда получать отъ Бѣляева бумаги писанныя не имъ собственноручно, и имъ только подписанныя, подписывалъ онъ предписанія по большей части полнымъ титуломъ „первостатейный фридрихсгамскій купецъ Козьма Бѣляевъ‘“ простыя же письма подписывалъ просто „К. Бѣляевъ.“ Письма поважнѣе всегда писалъ собственноручно. Подписей священника Сицилинскаго и доктора Отто не знаю. Подписали: временно-обязанный крестьянинъ Вологодской губерніи, Вельскаго уѣзда Иванъ Михайловъ Дьяконовъ, судебный слѣдователь Макалинскій и присутствовавшій при допросѣ товарищъ прокурора Демидовъ.

ПРОТОКОЛЪ.

1868 года іюля 9 числа, въ 11 часовъ утра, судебный слѣдователь 5 участка г. С.-Петербурга Макалинскій, въ канцеляріи своей, составилъ сей протоколъ о томъ, что явился къ слѣдователю крестьянинъ Иванъ Михайловъ Дьяконовъ и объявилъ:

Вчера при допросѣ я забылъ показать, что я нахожусь въ С.-Петербургской уголовной палатѣ подъ судомъ по обвиненію въ незаконной будто бы продажѣ папиросъ, дѣло это поступило въ палату изъ надворнаго суда 10 февраля 1867 г. за № 492-мъ, но рѣшено ли оно, свѣдѣній неимѣю. При семъ представляю два письма ко мнѣ Бѣляева отъ 27 сентября и 6-го декабря 1849 года и объясненіе состава для эмалированія бочекъ, подписанное Бѣляевымъ 13-го ноября 1846 года. Болѣе бумагъ, писанныхъ Бѣляевымъ, я найдти у себя не могъ. По почерку Бѣляева и

*

по ровному письму, я полагаю, что Бѣляевъ писалъ всегда простымъ перомъ, подпись же на предъявленномъ завѣщаніи сдѣлана по видимому стальнымъ перомъ. Добавляю, что я знаю очень хорошо, что служилъ у Александра Мясникова въ 1859 году и не былъ у него на службѣ во время смерти Бѣляева, но служилъ ли я у Мясникова до смерти Бѣляева въ 1858 или 1857 году я не могу рѣшить, и неимѣю никакихъ документовъ, по которымъ бы можно было объ этомъ справиться. Подписали временнообязянный крестьнинъ Вологодской губерніи Вельскаго уѣзда Иванъ Михайловъ Дьяконовъ, судебный слѣдователь Макалинскій, что на 5-й строкѣ зачеркнуто „элексиръ“ то вѣрно.

Послѣ дачи этого показанія, Дьяконовъ возвратился къ слѣдователю и объявилъ: я забылъ объяснить, что завѣщаніе Бѣляева мнѣ кажется нѣсколько страннымъ въ томъ отношеніи, что Бѣляевъ наградилъ въ завѣщаніи, кромѣ жены, свою сестру и конторщика Шмелева, а оставилъ безъ награды находившагося въ бѣдности двоюроднаго своего брата Алексѣя Степанова Бѣляева, Кунгурскаго мѣщанина, который былъ во время смерти Бѣляева въ С.-Петербургѣ и находился въ самомъ бѣдномъ положеніи. Онъ и до сихъ поръ ходитъ безъ сапогъ. Временнообязанный крестьянинъ Иванъ Дьяконовъ. Судебный слѣдователь Макалинскій.

ПРОТОКОЛЪ.

1868 года іюля 9 числа, въ 1 часъ дня, судебный слѣдователь 5 участка г. С.-Петербурга Макалинскій, въ канцеляріи своей, составилъ сей протоколъ о томъ, что явился къ слѣдователю потомственный почетный гражданинъ Александръ Федоровъ Красильниковъ и представилъ слѣдователю предписаніе на его имя отъ 22 іюля 1852 года и два надорванныхъ векселя отъ 21 августа 1858 года въ пятнадцать тысячъ руб. серебромъ каждый за подписями купца Козьмы Васильева Бѣляева и расчетный листъ конторы его, Красильникова, съ росписками Амфилогія Караганова, при чемъ Красильниковъ на спросъ слѣдователя, въ дополненіе къ вчерашнему своему показанію объяснилъ: года три или четыре тому назадъ, зимою, я зашелъ съ

Александромъ Даниловымъ Карагановымъ часовъ въ 9-ть вечера изъ склада моего въ домъ Кобылиной въ гостинницу „Москва“ напиться чаю, тамъ мы застали Ижболдина и Матвѣева. Ижболдинъ при Карагановѣ нарочно затѣялъ разговоръ съ Матвѣевымъ о духовномъ завѣщаніи. Матвѣевъ при этомъ выражался, что Амфилогій Александровичъ хорошо состряпалъ. Караганову какъ видно это было непріятно, но онъ молчалъ. О томъ, чтобы Ижболдинъ въ моей квартирѣ уличалъ Амфилогія Караганова въ подписаніи духовнаго завѣщанія отъ имени Бѣляева, я не помню. Вчера на допросѣ я забылъ показать, что Матвѣевъ, будучи у меня при Ротчевѣ на дачѣ, разсказывалъ, что въ день смерти Бѣляева Александръ Мясниковъ за нимъ прислалъ и далъ ему изъ дома Бѣляева большой пакетъ съ банковыми билетами съ тѣмъ, чтобы онъ, Матвѣевъ, отнесъ ихъ въ его Мясникова домъ и положилъ въ его спальнѣ подъ подушкой. Какъ человѣку, близкому Бѣляеву, мнѣ было извѣстно, что у Бѣляева находилось много билетовъ коммерческаго банка съ банковыми надписями, такъ какъ билеты эти Бѣляевъ представлялъ залогами по откупамъ. Подписали: потомственный почетный гражданинъ Александръ Федоровъ Красильниковъ, судебный слѣдователь Макалинскій.

ПРОТОКОЛЪ.

1868 года, іюля 12 числа, во 2 часу дня, судебный слѣдователь 5 участка г. С.-Петербурга Макалинскій въ конторѣ 1-го военно-сухопутнаго госпиталя, допрашивалъ безъ присяги, но съ предвареніемъ о ней, надворнаго совѣтника Николая Павлова Исаева въ присутствіи товарища прокурора Демидова и онъ показалъ:

Отъ роду мнѣ 58 годъ, вѣры я православной, подъ судомъ не былъ, проживаю Московской час. 4 уч. по Серпуховской улицѣ въ домѣ № 18, квар. № 8, а теперь временно нахожусь на излеченіи въ 1-мъ военно-сухопутномъ госпиталѣ. Съ купцомъ Иваномъ Алексѣевымъ Ижболдинымъ, женою его Анною Николаевою, мѣщаниномъ Амфилогіемъ Александровымъ Карагановымъ и братьями Александромъ и Иваномъ Мясниковыми никакихъ особыхъ

отношеній не имѣю; Ижболдиныхъ я видалъ у чиновника Германа, съ которымъ я познакомился давно. Въ 1858 году я исправлялъ должность слѣдственнаго пристава по двумъ частямъ Васильевской и Петербургской. Ни какой офицеръ ко мнѣ въ 1858 году не пріѣзжалъ просить меня подписаться свидѣтелемъ на завѣщаніи, а, какъ мнѣ кажется, въ 1858 году, то есть, когда я исправлялъ должность слѣдственнаго пристава Васильевской и Петербургской частей, Германъ, котораго я просилъ достать мнѣ деньги у знакомыхъ ему купцевъ, предложилъ мнѣ написать къ нему письмо, обѣщая, что онъ покажетъ это письмо Ижболдину и такимъ образомъ достанетъ отъ Ижболдина денегъ. Въ письмѣ этомъ онъ просилъ меня написать, будто пріѣзжалъ ко мнѣ Мясниковъ и просилъ меня подписаться на завѣщаніи свидѣтелемъ, онъ обѣщалъ письмо это только показать Ижболдину и потомъ возвратить мнѣ или уничтожить. Я согласился написать и просилъ Германа сохранить это въ тайнѣ. Письмо это, мнѣ нынѣ предъявленное, писано мною кажется въ квартирѣ Германа, въ домѣ Степанова по Лиговкѣ у московской заставы (Александро-Невской ч.) тогда я былъ уже въ отставкѣ. Остался я за штатомъ при введеніи въ С.-Петербургѣ судебной реформы, которая застала меня въ должности слѣдственнаго пристава Выборгской части. Вслѣдствіе этого письма Германъ мнѣ денегъ однако недосталъ, а письмо не возвратилъ, сказавъ, что его уничтожилъ. Германъ всегда разсказывалъ, что у него есть всѣ данныя противъ Мясниковыхъ и что онъ назначитъ меня, квартирнаго хозяина коллежскаго совѣтника Ивана Игнатьевича Степанова, а также другихъ лицъ, уже умершихъ, опекунами къ имѣнію Мясниковыхъ, надъ чѣмъ мы съ Степановымъ часто смѣялись. Германъ этотъ извѣстный пьяница и рѣдко бываетъ трезвъ, о чемъ извѣстно во всемъ околодкѣ дома Степанова, мнѣ о дѣлѣ Мясниковыхъ рѣшительно ничего неизвѣстно, кромѣ того, что Германъ разсказывалъ за стаканомъ пунша или въ кабакахъ, гдѣ онъ всѣхъ кабадчиковъ припутывалъ къ наслѣдству, слѣдовавшему будтобы Ижболдину и такимъ образомъ выманивалъ у нихъ деньги. Ни купца Бѣляева, жившаго на Знаменской улицѣ, ни Мясниковыхъ я не знаю. Германа зовутъ Николаемъ Семеновичемъ. Въ началѣ показанія я перепуталъ время, показавши, что письмо къ Герману написано мною въ 1858 году. Подписали: отставной надворный совѣтникъ Ни-

колай Павловъ Исаевъ, судебный слѣдователь Макалинскій и присутствовавшій при допросѣ товарищъ прокурора Демидовъ.

Предъ началомъ допроса надворный совѣтникъ Николай Павловъ Исаевъ былъ мною осмотрѣнъ и найденъ въ полномъ сознаніи, такъ что на вопросы могъ отвѣчать вполнѣ основательно. Подписалъ дежурный ординаторъ при I-мъ военно-сухопутномъ госпиталѣ Соколовъ.

ПРОТОКОЛЪ.

1868 года, іюля 14 дня судебный слѣдователь Козьмодемьянскаго уѣзда 1 участка, коллежскій ассесоръ Булатовъ, на законномъ основаніи спрашивалъ проживающаго въ г. Козьмодемьянскѣ мѣщанина Александра Данилова Караганова, согласно отношенію судебнаго слѣдователя 5 участка г. Петербурга отъ 10 сего іюля за № 1970, и онъ Карагановъ на предложенные ему вопросы показалъ:

1) Зовутъ меня Александръ Даниловъ Карагановъ, отъ роду. мнѣ 58 лѣтъ, вѣры православной, на исповѣди и у св. причастія бываю, грамотѣ знаю, подъ судомъ не былъ, бывшій купецъ 2-й гильдіи, а нынѣ мѣщанинъ г. С.-Петербурга, проживаю теперь въ г. Козьмодемьянскѣ въ своемъ домѣ; 2) о духовномъ завѣщаніи отъ имени Фридрихсгамскаго купца Козьмы Васильева Бѣляева у коего я прежде служилъ прикащикомъ и оставилъ это мѣсто въ 1857 году, мнѣ совершенно ничего неизвѣстно. 3) Вслѣдствіе чего сынъ мой Амфилогій женился на Обольяниной я не знаю, но полагаю, потому, что оба они другъ другу понравились; мѣсто управляющаго на Комаровскомъ винокуренномъ заводѣ, на сколько мнѣ извѣстно, сынъ мой не получалъ. 4) Сынъ мой Амфилогій женился въ 1859 году, и открылъ хлѣбную торговлю въ г. Казани, малозначительную, въ концѣ того же года или же въ 1860 году твердо не упомню, на собственныя свои, а частію на мои деньги, данныя ему мною по довѣренности, количества данныхъ мною ему денегъ я уже не припомню теперь. 5) Подозрѣвалъ ли кто либо и по какому случаю сына моего Амфилогія въ сдѣланіи на завѣщаніи подписи отъ имени Бѣляева я не знаю, а если быть можетъ и выражалъ кто либо такое подозрѣніе, то

вѣроятно оно происходило изъ какого либо недоброжелательства къ моему сыну; сынъ мой въ этомъ мнѣ никогда не признавался и никогда разговора по этому предмету онъ со мною не имѣлъ. 6) Кажется въ началѣ 1865 года, я на вѣрное не помню, купецъ Александръ Федоровъ Красильниковъ привезъ меня точно въ гостинницу „Москва“ въ С.-Петербургѣ, пить чай, куда вскорѣ прибылъ къ намъ купецъ Иванъ Ижболдинъ и чиновникъ Александръ Федоровъ Матвѣевъ, съ какимъ-то неизвѣстнымъ человѣкомъ, говорилъ ли изъ нихъ Матвѣевъ Ижболдину, что сынъ мой Амфилогій хорошо состряпалъ духовное завѣщаніе Бѣляева, и вообще, что онъ и другіе тогда говорили, я неприпомню, тѣмъ болѣе, что я на слова Матвѣева не обращалъ никакого вниманія, потому что онъ тогда былъ очень пьянъ, а также былъ пьянъ и неизвѣстный мнѣ товарищъ его, но на чей счетъ пили они тогда вино и пиво въ гостинницѣ я уже не помню 7) послѣ смерти Бѣляева перемѣны въ образѣ жизни сына моего Амфилогія я никакой не замѣтилъ, жилъ и живетъ онъ очень скромно, не позволяя себѣ никакой роскоши. Кромѣ вышеизложеннаго, къ разъясненію этого дѣла я показать ничего не могу, а что показалъ по совѣсти и сущей правдѣ, въ томъ своеручно подписуюсь. г. Петербурга мѣщанинъ Александръ Даниловъ Карагановъ, допрашивалъ судебный слѣдователь Булатовъ.

ПРОТОКОЛЪ.

1868 года, іюля 19 числа, въ 11 часу утра, судебный слѣдователь 5 участка г. С.-Петербурга Макалинскій, въ канцеляріи своей, допрашивалъ безъ присяги, но съ предвареніемъ о ней, С.-Петербургскую мѣщанку Анну Васильеву Ремянникову въ присутствіи товарища прокурора Демидова, и повѣренныхъ Ижболдиныхъ, Потѣхина и Сысоева, и она показала:

Отъ роду мнѣ 66-й годъ, вѣры я православной, подъ судомъ не была, проживаю въ домѣ Екатерины Васильевны Бѣляевой, на Знаменской улицѣ, на углу Спасской. Покойный Козьма Васильевичъ Бѣляевъ былъ мнѣ родной братъ; съ братьями Александромъ и Иваномъ Константиновичами Мясниковыми родства не

имѣю, купеческаго сына Амфилогія Александрова Караганова знаю только потому, что онъ служилъ у покойнаго Бѣляева. Съ покойнымъ Бѣляевымъ я жила вмѣстѣ съ 1848 года по самую его кончину. Бѣляевъ послѣдніе года два своей жизни часто бывалъ болѣнъ. Въ 1858 году онъ заболѣвалъ, кажется въ маѣ мѣсяцѣ, потомъ ему получшело, и мы вмѣстѣ переѣхали на дачу Гурьянова въ Ораніенбаумъ. Съ дачи онъ долженъ былъ пріѣхать въ С.-Петербургъ для торговъ на откупа, гдѣ въ это время больше и жилъ, но иногда пріѣзжалъ и на дачу. Такъ я помню, онъ пріѣзжалъ на дачу 22 іюля и посылалъ насъ на иллюминацію, въ Петергофъ; былъ ли кто изъ нашихъ знакомыхъ по имени Николай имянинникомъ въ маѣ 1858 года, не помню. Протоіерея Сицилинскаго я знаю, онъ былъ нашимъ духовнымъ отцемъ; на дачѣ онъ у насъ никогда не былъ, въ городѣ же бывалъ только на имянинахъ покойнаго Бѣляева и Екатерины Васильевны, да когда приходилось служить молебны, а такъ никогда не бывалъ. По окончаніи торговъ, покойный Бѣляевъ возвратиться на дачу не могъ, болѣзнь его очень осилила, онъ остался въ городѣ, не помню какъ въ августѣ, а въ сентябрѣ 10 числа по переѣздѣ съ дачи я застала его уже больнымъ, онъ все ходилъ въ шлафорѣ, а 24 числа скончался—покойникъ нѣсколько разъ высказывалъ, что онъ сдѣлаетъ духовное завѣщаніе; такъ узнавъ, что хорошій его знакомый Якунчиковъ умеръ, не составивъ завѣщанія, покойный Бѣляевъ осуждалъ это и говорилъ, что онъ этого никогда не сдѣлаетъ. Умеръ Бѣляевъ въ 12 часовъ дня. Передъ этимъ мы цѣлую ночь не спали, все ходили смотрѣть, что дѣлаетъ Козьма Васильевичъ, мы смотрѣли въ щелку двери кабинета, гдѣ былъ онъ, чтобы его не безпокоить. Отъ утрени я зашла за отцемъ Василіемъ Сицилинскимъ, чтобы пригласить его къ больному. Сицилинскій боялся къ нему взойдти, чтобы его не испугать. Наконецъ самъ Бѣляевъ просилъ позвать священника. Вскорѣ по смерти Бѣляева на той же недѣли, утѣшая меня Каменскій Левъ Федоровичъ и Шмелевъ Николай Дмитріевичъ говорили мнѣ, что я неоставлена безъ куска хлѣба, если и не останусь жить у невѣстки, тоже сама подтвердила мнѣ и невѣстка, при чемъ они говорили, что Козьма Васильевичъ оставилъ завѣщаніе, о томъ же, сколько мнѣ завѣщано, я узнала только по истеченіи 6 недѣль послѣ смерти покойнаго. Гдѣ найдено было

завѣщаніе незнаю, я думаю въ бумагахъ; кто его нашелъ, также незнаю,—бумаги его лежали должно быть въ кабинетѣ. Кабинетъ покойнаго состоялъ изъ трехъ комнатъ, одной большой, гдѣ онъ принималъ приходящихъ къ нему, она называлась пріемнымъ кабинетомъ, и другихъ двухъ комнатъ, гдѣ онъ занимался дѣлами, одна изъ нихъ называлась гардеробной, тамъ стояла конторка у которой онъ болѣе всего занимался. Тотчасъ же послѣ кончины, Козьму Васильевича стали обмывать въ кабинетѣ же и перенесли въ столовой залъ. Александръ Константиновичъ Мясниковъ чрезвычайно уважалъ покойнаго и во время его болѣзни почти постоянно находился при немъ, Иванъ же Константиновичъ былъ рѣже. Когда обмывали покойнаго, я видѣла, что изъ остальныхъ комнатъ кабинета выносили бумаги, незнаю какія, и не помню кто ихъ выносилъ, только я встрѣтила раза два или три, какъ несли бумаги и говорили тогда, что выносятъ Мясниковскія дѣла. Самые короткіе знакомые покойнаго Бѣляева въ послѣдній годъ его жизни были, кажется, откупщики Воронинъ, Каншинъ, другихъ фамилій не припомню. Во время болѣзни прислуживалъ покойному Китаевъ, также служилъ Александръ Петровъ, который до сихъ поръ у насъ. Какія комнаты кабинета были опечатаны полиціей не знаю, потому, что послѣ смерти покойнаго я больше оставалась у себя внизу, ходъ же изъ моего помѣщенія въ столовую, гдѣ лежалъ покойный, не мимо кабинета. Когда былъ опечатанъ кабинетъ не знаю, но должно быть въ самый день кончины Бѣляева, потому что въ тотъ же день я видѣла полицейскаго чиновника въ залѣ. Кажется въ самый день кончины, я писала къ племяннику моему Николаю Мартьянову, который растратилъ на Мясниковскомъ винокуренномъ заводѣ большую сумму денегъ, тысячъ до 50-ти, такъ что братецъ долженъ былъ заплатить за это Мясниковымъ, и растративши ихъ, не испросилъ у покойнаго прощенія, въ письмѣ этомъ я дѣлала какъ бы наставленіе племяннику, который былъ вмѣстѣ и крестнымъ моимъ сыномъ, чтобы онъ по крайней мѣрѣ молился о душѣ покойнаго; но о завѣщаніи, оставлено ли оно или нѣтъ покойнымъ, я ничего не писала. Послѣ этого я къ Мартьянову болѣе не писала и потеряла его изъ виду. Почеркъ руки покойнаго Бѣляева я надѣюсь узнать; она мнѣ очень извѣстна. На предъявленномъ мнѣ нынѣ духовномъ завѣщаніи отъ 10 мая 1858 года я признаю напи-

санными почеркомъ покойнаго Бѣляева слова: „Козьма Бѣляевъ“ и слѣдующія за этою подписью двѣ строчки, это ужъ вѣрнѣе смерти, что его почеркъ, только двѣ послѣднія строчки мельче написаны. Также какъ будто похоже на почеркъ Бѣляева и написанное раньше словъ „Козьма Бѣляевъ.“ Почерка протоіерея Сицилинскаго я не знаю, а почеркъ доктора Отто мнѣ нѣсколько извѣстенъ. На предъявленномъ мнѣ томъ же духовномъ завѣщаніи я признаю похожею на почеркъ Отто свидѣтельскую подпись, подписанную именемъ Отто. Отто былъ у насъ домашнимъ врачемъ, но онъ только наблюдалъ за покойнымъ, а лечилъ его докторъ Тильманъ. Козьма Васильевичъ всегда много писалъ, постоянно былъ съ перомъ въ рукахъ. Даже во время своей болѣзни не оставлялъ своихъ занятій, и въ маѣ 1858 года, заболѣвъ, непереставалъ писать. Довѣреннымъ у него былъ Каменскій, но и тотъ особымъ довѣріемъ не пользовался, да и вообще у покойнаго не было изъ служившихъ у него человѣка, на котораго бы онъ вполнѣ полагался. Ближе жены къ нему ни кто не былъ. Целебровскій былъ адвокатомъ, но имѣлъ ли онъ дѣло съ Козьмою Васильевичемъ не знаю, въ домѣ же у насъ онъ принятъ не былъ, потому что я его у насъ въ домѣ никогда не видала, а знаю его потому, что онъ недалеко отъ насъ жилъ и встрѣчала его въ церкви и на улицѣ. Отъ покойника я никогда ничего о Целебровскомъ неслыхала. Я и двѣ тетки мои Марфа Никифорова Маркова и Анна Никифорова Арефьева жили въ нижнемъ этажѣ дома Бѣляевыхъ, и бывали у Бѣляевыхъ, во 2-мъ этажѣ рѣдко, только приходили ежедневно здороваться, да прощаться, потому что у Бѣляевыхъ почти всегда бывали гости, или кто нибудь по дѣламъ. Если же никого не было, то они приходили къ нимъ внизъ и чай пить и обѣдать, изъ служащихъ у Бѣляева обѣдывалъ у него за просто одинъ только Каменскій. Въ подлинности оказавшагося по смерти Бѣляева завѣщанія я немогу сомнѣваться, потому что Бѣляевъ хотѣлъ сдѣлать завѣщаніе и при томъ жилъ съ Екатериной Васильевной душа въ душу; Бѣляева въ этотъ вторникъ уѣхала; она еще прежде въ концѣ іюля говорила, что хочетъ съѣздить въ Москву, подышать свѣжимъ воздухомъ. У Бѣляевой жила съ годъ невѣстка ея Марья Васильевна, жена ея роднаго брата капитана Василія Васильевича Попова, служащаго въ г. Ревелѣ. Марья

Васильевна уже нѣсколько пятницъ собиралась уѣхать въ Ревель, но все откладывала, въ понедѣльникъ же получивъ отъ мужа деньги рѣшилась на другой день ѣхать. Екатерина же Васильевна о своемъ скоромъ отъѣздѣ ничего не говорила, а уѣхала совершенно неожиданно, такъ что даже ни чѣмъ не распорядилась. Куда она поѣхала я отъ нея не слыхала, а повѣренный Чевакинскій говорилъ, что въ Москву; я видѣла Екатерину Васильевну утромъ во вторникъ, но она мнѣ ничего не говорила о томъ, что уѣзжаетъ. Она поѣхала провожать на пароходъ невѣстку, а потомъ куда-то заѣхала по дѣламъ, и вѣроятно ближе была къ станціи, чѣмъ къ дому, почему, не заѣзжая домой, отправилась по желѣзной дорогѣ, а въ каретѣ ее, гдѣ были приготовлены вещи въ дорогу, поѣхала на станцію г-жа Чевакинская, которая уже давно хотѣла съѣздить на богомолье въ Колпино. Екатерина Васильевна поѣхала къ пароходу въ извощичьей каретѣ, не хотѣла мучить лошадей. Вышла она съ параднаго подъѣзда, что на Знаменской улицѣ. Поѣхала она вмѣстѣ съ служащимъ кажется въ опекѣ племянникомъ своимъ Александромъ Тимофѣевымъ, который и глухъ и говоритъ не внятно, и человѣкомъ по имени Платономъ. Я слышала отъ Чевакинскаго, что Екатерина Васильевна поѣхала только въ Москву и возвратится во вторникъ, а прежде отъ самой Бѣляевой я слышала, что она хотѣла-бы заѣхать въ Тихвинъ помолиться. Изъ женской прислуги Бѣляева никого съ собой не взяла. Я не совсѣмъ здорова, и нерасполагала было пріѣхать къ вамъ къ допросу, и даже взяла докторское свидѣтельство, которое при семъ представляю, но чувствовала силы пріѣхать. По переѣздѣ Бѣляевыхъ въ С.-Петераургъ въ 1850 году, сперва у нихъ домашнимъ врачемъ былъ Садовскій, можетъ быть съ годъ. Былъ ли въ день смерти Бѣляева докторъ Тильманъ не помню, а доктора Отто видѣла. Слѣдовавшія мнѣ по духовному завѣщанію Козьмы Васильевича деньги я получила по истеченіи 6 недѣль по смерти Бѣляева отъ Екатерины Васильевны, въ присутствіи Каменскаго, не помню котораго числа; исполненіемъ завѣщанія занималась сама Бѣляева при участіи Каменскаго. Съ Мясниковыми Бѣляева была сперва въ хорошихъ отношеніяхъ, потомъ ссорилась, а наконецъ теперь опять въ хорошихъ отношеніяхъ и недавно получила отъ нихъ по суду деньги. Сестру Анну Ва-

сильевну покойникъ совершенно отвергнулъ, потому что она была дурнаго поведенія, но должно быть помогалъ ей деньгами. Матвѣева я видала у Бѣляевыхъ на балахъ, онъ приглашался какъ другъ или какъ комнатная собачка Мясниковыхъ, въ качествѣ кавалера потанцовать. Что въ семъ показаніи сверху строкъ приписано „и Сицилинскій боялся къ нему взойти, чтобы его неиспугать", а въ другомъ мѣстѣ вставлено „и" то вѣрно. Подлинное подписали: с.-петербургская мѣщанка Анна Васильевна Ремянникова, судебный слѣдователь Макалинскій и присутствовавшіе при допросѣ: товарищъ прокурора Демидовъ, повѣренные Ижболдиныхъ присяжный повѣренный Павелъ Потѣхинъ и коллежскій ассесоръ Павелъ Сысоевъ.

ПРОТОКОЛЪ.

1868 года, іюля 19 числа, во 2-мъ часу дня судебный слѣдователь 5 участка г. Петербурга Макалинскій, въ канцеляріи своей, допрашивалъ безъ присяги, но съ предвареніемъ о ней, жену титулярнаго совѣтника Ольгу Алексѣевну Чевакинскую въ присутствіи товарища прокурора Демидова и повѣренныхъ Ижболдиныхъ Потѣхина и Сысоева, и она показала:

Отъ роду мнѣ 35 годъ, вѣры я православной, подъ судомъ не была, проживаю вмѣстѣ съ мужемъ въ его домѣ на углу Сергіевской и Таврической улицъ. Съ Александромъ и Иваномъ Константиновичами Мясниковыми родства не имѣю, купеческаго сына Амфилогія Александрова Караганова не знаю, и въ первый разъ о немъ слышу. Съ покойнымъ купцомъ Козьмою Васильевымъ Бѣляевымъ я знакома не была, и съ вдовою его Екатериною Васильевною знакома уже четыре года. Отъ нея я никогда не слыхала, чтобы она, разсматривая оставшееся послѣ мужа духовное завѣщаніе, замѣтила, что подпись на завѣщаніи не его, напротивъ того, она всегда говорила, что подпись на завѣщаніи дѣйствительно его, и что онъ еще при жизни говорилъ ей, „все, что мое—твое." —Въ послѣдній разъ я видѣла Бѣляеву на этой недѣлѣ во вторникъ 16 іюля, я провожала ее до Колпина. Она давно собиралась въ Москву въ

Троицкую Лавру, куда она ѣздитъ каждый годъ; только въ прошломъ году ей какъ-то неудалось, поэтому въ нынѣшнемъ году она непремѣнно хотѣла туда съѣздить и даже изъ за этого не переѣхала на дачу. Я очень часто съ нею видѣлась и за нѣсколько дней знала, что она поѣдетъ во вторникъ въ Москву и я хотѣла ѣхать вмѣстѣ съ нею до Колпина и поѣхала къ 12 часамъ на станцію желѣзной дороги, думала тамъ съ нею встрѣтиться, но тамъ узнала, что поѣздъ идетъ въ три часа, тогда я заѣхала къ Бѣляевой и мнѣ сказали, что ея нѣтъ дома и что если она къ часу не будетъ, то карета ея съ племянникомъ отправится на станцію. Въ этой каретѣ я поѣхала на станцію, откуда уѣхала вмѣстѣ съ Бѣляевой на трехъ часовомъ поѣздѣ. Пріѣхавъ на станцію въ третьемъ часу, я уже застала тамъ Бѣляеву, съ Бѣляевой поѣхали: я, племянникъ Александръ Яковлевичъ, человѣкъ и горничная. Когда возвратится Бѣляева, она мнѣ не говорила, но такъ какъ поѣхала на богомолье въ Троицкую Лавру, и не говорила о томъ, чтобы располагала еще куда нибудь заѣзжать, то я предполагаю, что она возвратится въ понедѣльникъ или во вторникъ. Изъ дома Бѣляева уѣхала съ одной только горничной. Въ каретѣ ея, въ которой я ѣхала на станцію лежали подушки, кортонки и тому подобныя вещи, которыя обыкновенно берутся въ дорогу. За недѣлю или за нѣсколько дней передъ отъѣздомъ, Екатерина Васильевна выдала замужъ за офицера Нагорнаго воспитанницу свою Александру Михайловну, которая вѣнчалась въ церкви Спаса Преображенія. Молодые уѣхали въ г. Ревель дня за два или за три до отъѣзда Бѣляевой. Ижболдина я видѣла у мужа нѣсколько разъ, знала, что онъ приходитъ по дѣлу о духовномъ завѣщаніи Бѣляева; мужъ мой пересталъ его принимать, когда убѣдился, что это компанія на акціяхъ; очень давно, ужь по крайней мѣрѣ два года я его не видала. По прочтеніи протокола объясняю, что Бѣляева не для того собственно не переѣхала на дачу, чтобы съѣздить въ Троицкую Лавру, а для того, чтобы выдать замужъ свою воспитанницу и чтобы уже затѣмъ съѣздить въ Москву. Подлинное подписали: жена титулярнаго совѣтника Ольга Алексѣевна Чевакинская, присутствовавшіе при допросѣ: товарищъ прокурора Демидовъ, повѣренные Ижболдиныхъ присяжный повѣренный Павелъ Потѣхинъ, коллежскій

ассесоръ Павелъ Сысоевъ, допрашивалъ судебный слѣдователь Макалинскій.

ПРОТОКОЛЪ.

1868 г. іюля 19 числа въ 3 часа дня, судебный слѣдователь 5 участка г. С.-Петербурга Макалинскій въ канцеляріи своей, допрашивалъ безъ присяги, но съ предвареніемъ о ней, титулярнаго совѣтника Ивана Михайловича Чевакинскаго въ присутствіи товарища прокурора Демидова и повѣренныхъ Ижболдиныхъ Потѣхина и Сысоева, и онъ показалъ:

Отъ роду мнѣ 48 годъ, вѣры я православной, подъ судомъ не былъ, проживаю на углу Сергіевской и Таврической въ собственномъ домѣ, съ Александромъ и Иваномъ Константиновичами Мясниковыми, Иваномъ Алексѣевымъ и женою его Анною Николаевою Ижболдиными, никакихъ особенныхъ отношеній не имѣю; купеческаго сына Амфилогія Александрова Караганова вовсе не знаю и никогда не видалъ. Состою на службѣ членомъ С.-Петербургской дворянской опеки. Купца Козьму Васильева Бѣляева я не зналъ, а съ вдовою его Екатериною Васильевною познакомился въ 1864 году по поводу опекунства ея надъ своимъ внукомъ, съ 1864 года она избрала меня своимъ повѣреннымъ по дѣлу ея съ Александромъ и Иваномъ Мясниковыми и по всѣмъ вообще ея дѣламъ. Съ тѣхъ поръ я и состою ея повѣреннымъ. Бѣляева не только при мнѣ никогда не говорила, что подпись на оставшемся послѣ мужа ея духовномъ завѣщаніи не похожа на почеркъ ея мужа, но если бы она сказала, то я самъ бы просилъ губернское правленіе освидѣтельствовать ее, какъ сумасшедшую, я не могу предположить въ Бѣляевой сомнѣнія въ подлинности завѣщанія потому, что Бѣляева по этому завѣщанію приняла все въ свое распоряженіе, разсчитывалась съ Мясниковыми по сохранной роспискѣ и пользовалась всѣмъ, при томъ, какъ я слышалъ отъ Бѣляевой мужъ всегда хотѣлъ ее обезпечить и всегда говорилъ ей, что все что его, то и ея. Ижболдину я никогда не говорилъ, что стоитъ только мнѣ представить завѣщаніе и Мясниковы пойдутъ въ Сибирь, а говорилъ вотъ что. Въ то время когда я уже былъ повѣреннымъ, а можетъ

быть и прежде, такъ какъ я сталъ заниматься дѣлами Бѣляевой, еще до полученія отъ нея довѣренности, Ижболдинъ разсказывалъ мнѣ, будто составилъ завѣщаніе Бѣляева Целебровскій и перевелъ подпись Бѣляева чрезъ стекло и будто одинъ изъ Мясниковыхъ или оба показывали кому-то это завѣщаніе и тотъ сказалъ: „хорошо-то хорошо, только что же вы пожалѣли рублеваго листа“ и что будто вслѣдствіе этого завѣщаніе было переписано на рублевый листъ, а прежнее на простой бумагѣ въ рукахъ у Ижболдина. Тогда я и сказалъ Ижболдину, что если это такъ, то Мясниковы пойдутъ въ Сибирь. Еще добивался, чтобъ Ижболдинъ показалъ мнѣ это духовное завѣщаніе и другіе документы, по которымъ можно отыскать капиталы Бѣляева, но ничего этого Ижболдинъ мнѣ непоказалъ, Александру Красильникову я не говорилъ о томъ, какъ бы выпутать Екатерину Васильевну изъ дѣла по духовному завѣщанію, а, можетъ быть года полтора тому назадъ, Красильниковъ пріѣзжалъ ко мнѣ просить меня принять участіе въ этомъ дѣлѣ въ пользу Ижболдиныхъ, при чемъ говорилъ, что если это дѣло разыграется, то Бѣляева получитъ больше, чѣмъ теперь имѣетъ. Такъ какъ Красильниковъ говорилъ очень хитро, то я отвѣчалъ ему, что я, какъ повѣренный Бѣляевой, постараюсь розыскать капиталы покойнаго и ничего не упущу изъ виду. Послѣ посѣщенія меня, Красильниковъ былъ у Бѣляевой, вѣроятно, съ какою нибудь не благовидною цѣлію, потому что не подъѣхалъ къ самому подъѣзду, а вышелъ изъ экипажа раньше. Но такъ какъ Бѣляева прекрасно себя держитъ, то онъ непосмѣлъ ничего ей сказать и ограничился тѣмъ, что попросилъ позволенія снять копію съ портрета Бѣляева, какъ своего благодѣтеля. Кромѣ того мнѣ извѣстно, что для этого дѣла Красильниковъ содержалъ Ижболдина, который не имѣлъ собственныхъ средствъ. Почеркъ Бѣляева мнѣ извѣстенъ по бумагамъ. Подпись Бѣляева на предъявленномъ мнѣ нынѣ духовномъ завѣщаніи отъ 10 мая 1858 года я признаю за подлинную. Прежде мнѣ случалось всегда встрѣчать подписи Бѣляева какъ будто мельче, чѣмъ на завѣщаніи, но теперь я нашелъ одинъ контрактъ, подписанный Бѣляевымъ также крупно, какъ на завѣщаніи. Въ послѣдній разъ я видѣлъ Бѣляеву въ прошлую субботу и въ воскресенье она поѣхала въ Москву и я не помню былъ ли я въ этотъ день у Бѣляевой. Впрочемъ, какъ я теперь

припомнилъ, Бѣляева уѣхала въ тотъ же день какъ и ея невѣстка, которая отправилась въ Ревель на пароходѣ, а такъ какъ пароходы отходятъ по вторникамъ и пятницамъ, то значитъ, что Бѣляева уѣхала въ пятницу, а я видѣлъ ее на канунѣ, можетъ быть видѣлъ утромъ и въ самый день ея отъѣзда, но хорошенько этого не помню. Бѣляева хотѣлъ сперва ѣхать вмѣстѣ съ невѣсткой въ Ревель, но дня за два или за три до отъѣзда перемѣнила свое намѣреніе, такъ какъ я совѣтовалъ ей не уѣзжать, потому что ее можетъ быть вызовутъ по этому дѣлу. Отомъ, что ее вызовутъ, я заключилъ изъ того, что Александръ Мясниковъ говорилъ Бѣляевой какъ она мнѣ передала, что ее вызываютъ. Вслѣдствіе этого она непоѣхала въ Ревель, а поѣхала въ Москву, откуда хотѣла возвратиться въ слѣдующій то есть будущій понедѣльникъ. Я узналъ о томъ, что Бѣляева поѣдетъ въ Москву, на канунѣ ея отъѣзда. Тогда я предложилъ своей женѣ проводить Бѣляеву до Колпина, такъ какъ жена моя собиралсь въ Колпино. Какъ я слышалъ потомъ отъ жены, она сперва ѣздила на станцію желѣзной дороги, затѣмъ заѣзжала къ Бѣляевой, но незастала ея дома и встрѣтилась съ Бѣляевой только на станціи. По предъявленіи мнѣ нынѣ отзыва моего, даннаго 16 іюля 1868 года, коллежскому ассесору Мануйлову, въ которомъ сказано, что Бѣляева уѣхала въ Москву того же числа, я припоминаю, что дѣйствительно она уѣхала 16 числа во вторникъ, а прежде я ошибся, думая, что она уѣхала въ пятницу. На запросъ г. Сысоева не былъ ли Чевакинскій, у графа Апраксина и не говорилъ ли онъ тамъ за обѣдомъ, что Мясниковы составили сохранную росписку и фальшивое духовное завѣщаніе и по явочному акту завладѣли всѣмъ имуществомъ Бѣляева, и что въ подписи Бѣляева на завѣщаніи не достаетъ какихъ-то завѣтныхъ знаковъ, г. Чевакинскій объяснилъ: за не представленіемъ Ижболдинымъ и Германомъ, не смотря на убѣдительную мою просьбу, никакихъ доказательствъ фальшивости завѣщанія, я не могъ никому говорить своего мнѣнія о духовномъ завѣщаніи Бѣляева, а передавалъ всѣмъ и вездѣ и между прочимъ можетъ быть и графу Апраксину разсказы Ижболдина и Германа. Что же касается подписи Бѣляева, то я дѣйствительно говорилъ что на завѣщаніи нѣтъ точки, которую я видѣлъ въ бывшихъ у меня въ то время въ рукахъ бумагахъ рядомъ съ подписью Бѣляева

не много выше. Впослѣдствіи же я нашелъ подписи Бѣляева и безъ точекъ, которыя и обязуюсь представить. Если бы на основаніи отсутствія точки можно было бы признать подпись Бѣляева не дѣйствительною, то я имѣлъ всю возможность эту точку поставить. На запросъ г. Потѣхина г. Чевакинскій объяснилъ: видѣлъ я въ первый разъ духовное завѣщаніе Бѣляева, кажется мнѣ, до знакомства съ Ижболдинымъ; Ижболдину я не рисовалъ подписи Бѣляева, а объяснялъ ему, что на завѣщаніи въ подписи Бѣляева нѣтъ точки, и неимѣлъ надобности рисовать, потому что завѣщаніе было у меня въ рукахъ постоянно до представленія его въ гражданскую палату, слѣдовательно мнѣ легче было показать завѣщаніе, чѣмъ заниматься живописью, Ижболдина и Германа я пересталъ принимать я думаю съ годъ, а можетъ быть и больше, увидѣвъ что документовъ они никакихъ не представили и что это только кляузы. Къ Ижболдину я пріѣзжалъ на дачу одинъ разъ и одинъ разъ на городскую его квартиру въ домѣ Красильникова, прежде чѣмъ пересталъ его принимать, чтобы увидѣть его документы, о которыхъ онъ мнѣ говорилъ, и послушать его разсказы. На дачѣ у Ижболдина я видѣлъ одного Германа, а на городской квартирѣ, кромѣ Германа и управляющаго домомъ племянника Ижболдина. Подлинное подписали: титулярный совѣтникъ Иванъ Михайловъ Чевакинскій, судебный слѣдователь Макалинскій и присутствовавшіе при допросѣ: товарищъ прокурора Демидовъ и повѣренные Ижболдиныхъ присяжный повѣренный Павелъ Потѣхинъ и коллежскій ассессоръ Сысоевъ.

ПРОТОКОЛЪ.

1868 года іюля 20 числа, въ 12 часу дня, судебный слѣдователь 5 участка г. С.-Петербурга Макалинскій, въ канцеляріи своей допрашивалъ безъ присяги, но съ предвареніемъ о ней, отставнаго коллежскаго ассессора Михаила Илларіоновича Погожева, въ присутствіи повѣренныхъ Ижболдиныхъ Потѣхина и Сысоева и онъ показалъ:

Отъ роду мнѣ 56 годъ, вѣры я православной, подъ судомъ не былъ, проживаю Коломенской части 3 уч. по большой Садо-

довой въ домѣ Славнаго, занимаюсь частными дѣлами. Съ братьями Александромъ и Иваномъ Константиновичами Мясниковыми, купеческимъ сыномъ Амфилогіемъ Карагановымъ, купцомъ Иваномъ Алексѣевымъ и женою его Анною Николаевою Ижболдиными никакихъ особыхъ отношеній не имѣю. У Екатерины Васильевны Бѣляевой я занимался дѣлами въ теченіи трехъ или четырехъ лѣтъ, получалъ отъ нея жалованье помѣсячно, но съ тѣхъ поръ какъ сталъ заниматься ея дѣлами Иванъ Михайловичъ Чевакинскій, я отсталъ отъ Бѣляевой, тѣмъ болѣе, что у меня болѣли долго ноги и я не хотѣлъ даромъ получать деньги. При мнѣ Екатерина Васильевна Бѣляева никогда не говорила, чтобы подпись на завѣщаніи, оказавшемся послѣ смерти ея мужа, была не похожа, на почеркъ Козьмы Васильевича Бѣляева. Вскорѣ послѣ поступленія моего къ Бѣляевой, она показывала мнѣ духовное завѣщаніе, спрашивая, похожа ли на немъ подпись на почеркъ мужа ея, и говоря, что я уже вѣроятно привыкъ къ его почерку, разбирая бумаги покойнаго. Посмотрѣвъ на завѣщаніе, я нашелъ, что подпись Бѣляева очень похожа на тѣ, которыя попадались въ мои руки,, но высказалъ при этомъ удивленіе, что завѣщаніе подписано не полнымъ званіемъ покойнаго. Брянцева я не зналъ, Чевакинскаго и жену его знаю. До меня у Бѣляевой занимались многіе по бумагамъ; я знаю, что до меня занимался Румянцевъ. О сохранной роспискѣ я слышалъ только отъ Бѣляевой, что при расчетѣ съ Мясниковыми въ уплату принята была сохранная росписка на большую сумму, представленная Мясниковыми. По предъявленіи мнѣ нынѣ духовнаго завѣщанія Бѣляева отъ 10 мая 1858 г., я не могу сказать теперь похожа ли на немъ подпись Бѣляева на настоящія. У меня память уже ослабѣла, такъ что не могу все припомнить. Завѣщаніе въ то время, какъ оно было у меня въ рукахъ, было чистое, безъ пятенъ, не такъ, какъ теперь. Бѣляева боялась не только дѣла о духовномъ завѣщаніи, но и всякихъ пустяковъ. Подлинное подписали: отставной коллежскій ассессоръ Михаилъ Ларіоновъ Погожевъ, Судебный слѣдователь Макалинскій, присутствовавшіе при допросѣ товарищъ прокурора Демидовъ и повѣренные Ижболдиныхъ присяжный повѣренный Павелъ Потѣхинъ и коллежскій ассессоръ Павелъ Сысоевъ.

*

ПРОТОКОЛЪ.

1868 года іюля 20 числа въ 12 ч. дня, судебный слѣдователь 5 участка г. С.-Петербурга Макалинскій, въ канцеляріи своей, допрашивалъ безъ присяги, но съ предвареніемъ о ней, С.-Петербургскаго столярнаго цеха мастера Федора Иванова Штеммера въ присутствіи товарища прокурора Демидова, повѣренныхъ Ижболдиныхъ Потѣхина и Сысоева и онъ показалъ:

Отъ роду мнѣ 36-й годъ, вѣры лютеранской, подъ судомъ не былъ, проживаю Нарвской ч. 1 уч. по 4 ротѣ Измайловскаго полка въ домѣ Томилова, служу столярнымъ мастеромъ по Варшавской желѣзной дорогѣ. Съ Мясниковыми, Карагановымъ и Ижболдиными никакихъ особыхъ отношеній не имѣю. У покойнаго Козьмы Васильевича я служилъ до самой его смерти управляющимъ мебельнымъ его магазиномъ. Въ самый день смерти его я у нихъ въ домѣ не былъ, а былъ на другой или на третій день, былъ и на похоронахъ; послѣ похороннаго обѣда Екатерина Васильевна при мнѣ, родственникѣ моемъ, Кемпе, купцѣ Каменскомъ, Целебровскомъ и Воронинѣ нѣсколько разъ говорила, что завѣщанія нѣтъ. Послѣ того я недѣль пять или шесть все слышалъ отъ конторщика Николая Даниловича Шмелева, что завѣщанія нѣтъ, а наконецъ онъ сказалъ мнѣ, что завѣщаніе нашлось и что ему отказано три или четыре тысячи. Кто и гдѣ его нашелъ я не спрашивалъ и не слыхалъ. Федоръ Карловичъ Кемпе, уже умершій, былъ мнѣ троюродный братъ, онъ мнѣ ничего не говорилъ, на счетъ завѣщенія; мать Кемпе Авдотья Ивановна живетъ гдѣ-то въ Измайловскомъ полку. Фальшиво-ли оказавшееся послѣ смерти Бѣляева духовное завѣщаніе я не знаю и объ этомъ Аннѣ Николаевнѣ Ижболдиной не говорилъ. Не помню, на другой или на третій день послѣ смерти Бѣляева, пріѣхавъ къ дому Бѣляевыхъ я встрѣтилъ у подъѣзда Александра Константиновича Мясникова, который перевозилъ къ себѣ въ двухъ или трехъ каретахъ какія-то бумаги, и даже самъ носилъ бумаги. Это было въ сумерки передъ панихидой. Я зашелъ къ Шмелеву, который мнѣ сказалъ, что Мясниковъ перевозитъ къ себѣ дѣла изъ кабинета, а самъ я не видалъ, откуда выносили тѣ бумаги.

Вѣроятно кто нибудь помогалъ Мясникову носить бумаги, но кто именно не помню, а должно быть камердинеръ Бѣляева Василій Михайловъ. Я не обратилъ вниманія, какія были кареты, собственныя-ли, или наемныя. Въ 1858 году въ іюнѣ или іюлѣ я сдалъ Козьмѣ Васильевичу мебельный магазинъ, онъ былъ тогда здоровъ. Почеркъ Бѣляева я хорошо знаю. Подпись Бѣляева на предъявленномъ мнѣ духовномъ завѣщаніи отъ 10 мая 1858 года я нахожу сдѣланною не рукою Козьмы Васильевича. Имѣющіяся у меня подписанныя Бѣляевымъ сдачу магазина и письмо Бѣляева обязуюсь представить къ слѣдствію. Подлинное подписали: мастеръ Ф. Штеммеръ, судебный слѣдователь Макалинскій, присутствовавшіе при допросѣ: товарищъ прокурора Демидовъ, повѣренные Ижболдиныхъ присяжный повѣренный Павелъ Потѣхинъ и коллежскій ассесоръ Павелъ Сысоевъ.

ПРОТОКОЛЪ.

1868 года іюля 20 числа, въ 1 часу дня, судебный слѣдователь 5 участка г. С.-Петербурга Макалинскій, въ канцеляріи своей, допрашивалъ безъ присяги, но съ предвареніемъ о ней Кунгурскаго мѣщанина Алексѣя Степанова Бѣляева, въ присутствіи товарища прокурора Демидова и повѣренныхъ Ижболдиныхъ Потѣхина и Сысоева, и онъ показалъ:

Отъ роду мнѣ 55-й годъ, вѣры я православной, подъ судомъ не былъ, проживаю Лит. ч. 3 уч. по Саперному переулку въ домѣ № 26, занятій не имѣю. Покойный Козьма Васильевичъ Бѣляевъ былъ мнѣ троюродный братъ. Съ Мясниковыми, Карагановыми и Ижболдиными никакихъ особыхъ отношеній не имѣю. Прежде я видѣлся съ Козьмою Васильевичемъ, но когда онъ сдѣлался нездоровъ, мѣсяца за три до смерти, меня не стали къ нему допускать, говоря, что нельзя его больнаго безпокоить. Отъ Бѣляева я никогда не слыхалъ, чтобы онъ хотѣлъ составить духовное завѣщаніе, а вскорѣ послѣ смерти его я слышалъ отъ Красильникова и служащихъ у Бѣляевыхъ Китаева и Шмелева, что осталось завѣщаніе. Кѣмъ писано и составлено это завѣщаніе, я не слыхалъ. Руку покойнаго я хорошо знаю. Подпись Бѣляева на

предъявленномъ мнѣ духовномъ завѣщаніи отъ 10 мая 1858 года походитъ на его руку, только можетъ быть онъ былъ въ болѣзненномъ состояніи. При семъ представляю два письма ко мнѣ покойнаго Бѣляева отъ 28 января 1842 года и 27 декабря 44 года. На похоронахъ Бѣляева я былъ, но разговора о духовномъ завѣщаніи не слыхалъ. Раньше похоронъ, я былъ на панихидѣ 25 и 26 сентября, но находился только въ залѣ, гдѣ лежалъ покойный, и не видалъ, чтобы выносили изъ дому какія нибудь бумаги. Съ Бѣляевымъ я былъ не въ близкихъ отношеніяхъ. Подлинное подписали: Купгурскій мѣщанинъ Алексѣй Бѣляевъ, судебный слѣдователь Макалинскій, присутствовавшіе при допросѣ: товарищъ прокурора Демидовъ, повѣренные Ижболдиныхъ, присяжные повѣренные Павелъ Потѣхинъ и коллежскій ассесоръ Сысоевъ.

Спрошенная того же числа, безъ присяги, но съ предвареніемъ о ней вдова протоіерея Анна Прокофьева Сицилинская, показала:

Отъ роду мнѣ 73-й годъ, вѣры православной, подъ судомъ не была, проживаю Лит. ч. 3 уч. въ Саперномъ переулкѣ въ домѣ Мельникова. Александра и Ивана Константиновичей Мясниковыхъ знаю, но никакихъ особыхъ отношеній съ ними не имѣю, Караганова и Ижболдиныхъ не знаю. Мужъ мой Василій Яковлевичъ Сицилинскій умеръ въ прошломъ 1867 году. Съ покойнымъ Козьмою Васильевичемъ Бѣляевымъ я была знакома и бывала у него въ семействѣ. За годъ можетъ быть до его смерти, однажды когда мы сидѣли въ троемъ, я, Бѣляевъ и Екатерина Васильевна, я разсказывала о Морозовскомъ, который умеръ, неоставивъ завѣщанія. При этомъ Бѣляевъ сказалъ: „странный онъ человѣкъ, вотъ я такъ первымъ дѣломъ составлю духовное завѣщаніе и оставлю все состояніе мое женѣ, чтобы не было послѣ никакихъ непріятностей, потому что все, что мое — ея;“ — на похоронахъ Козьмы Васильевича я была, разговора о духовномъ завѣщаніи не помню, но еще раньше похоронъ я слышала отъ мужа, что Бѣляевъ оставилъ духовное завѣщаніе и отказалъ все Екатеринѣ Васильевнѣ. О томъ, чтобы онъ подписывался свидѣтелемъ на завѣщаніи, мужъ мнѣ не говорилъ. Лѣтомъ 1858 года жили-ли я и мужъ на дачѣ, не помню, въ городѣ же мы имѣли квартиру въ домѣ Преображенскаго собора. Вяземскую мѣщанку Анну

Михайлову не знаю. Почеркъ моего мужа я хорошо знаю. Подпись его на предъявленномъ мнѣ нынѣ духовномъ завѣщаніи Бѣляева отъ 10 мая 1858 года я признаю за настоящую, также признаю за настоящую подпись моего мужа на допросѣ въ гражданской палатѣ 17 октября 1858 года. Обыкновенно онъ писалъ мелко. Если мужъ мой подписалъ завѣщаніе, то оно не можетъ быть фальшивымъ, онъ служилъ слишкомъ 50 лѣтъ и ни одной неправильной бумаги не подписалъ; объ этомъ знаютъ всѣ; это былъ человѣкъ святой жизни, а потому и оставилъ свое семейство въ бѣдности. Сынъ мой Семенъ служитъ исправникомъ Костромской губерніи въ г. Варнавинѣ, а дочери: Софья за мужемъ зя предсѣдателемъ Житомірской казенной палаты Иваномъ Ивановичемъ Горянскимъ, Татьяна за Константиномъ Осиповичемъ Крутицкимъ и проживаетъ въ большой Подъяческой не знаю въ чьемъ домѣ. Дѣти мои о дѣлѣ этомъ ни чего не знаютъ, потому что сынъ во время смерти Бѣляева не находился въ С.-Петербургѣ, а былъ въ военной службѣ, а изъ дочерей Софья была тогда несовершеннолѣтняя, а Татьяна была уже за мужемъ. До похоронъ Бѣляева я была у нихъ въ домѣ на панихидѣ, но не видала, чтобы выносили какія нибудь бумаги. Екатерина Васильевна была тогда очень убита. Подлинное подписали: вдова протоіерея Анна Сицилинская, судебный слѣдователь Макалинскій, присутствовавшіе при допросѣ: товарищъ прокурора Демидовъ, и довѣренные Ижболдиныхъ присяжный повѣренный Павелъ Потѣхинъ и коллежскій ассесоръ Павелъ Сысоевъ.

ПРОТОКОЛЪ.

1868 года іюля 24 числа, въ 6 часу по полудни, судебный слѣдователь 5 участка г. С.-Петербурга Макалинскій, въ канцеляріи своей составилъ сей протоколъ о томъ, что явился къ слѣдователю столярный мастеръ Федоръ Ивановъ Штеммеръ и представилъ подписанную купцомъ Козьмою Васильевымъ Бѣляевымъ росписку купца Бобкова въ принятіи отъ Штеммера мебельнаго магазина, при чемъ Штеммеръ объяснилъ, что письмо къ нему Бѣляева, о которомъ онъ упомянулъ на допросѣ, передано

имъ, какъ онъ теперь вспомнилъ съ годъ тому назадъ Ивану Алексѣевичу Ижболдину, у котораго оно находится при дѣлѣ, какъ сказалъ ему самъ Ижболдинъ. Подлинный подписали: мастеръ Ф. Штеммеръ и судебный слѣдователь Макалинскій.

ПРОТОКОЛЪ.

1868 года іюля 26 числа, въ 11 часу утра, судебный слѣдователь 5 участка г. С.-Петербурга Макалинскій, въ канцеляріи своей, допрашивалъ безъ присяги, но съ предвареніемъ о ней, временнаго судебнаго слѣдователя 1 го участка г. С.-Петербурга Николая Агафоновича Ермолинскаго, и онъ показалъ:

Отъ роду мнѣ 47 годъ, вѣры я православной, подъ судомъ не былъ, проживаю Лит, ч. 2 участ. въ Итальянской улицѣ въ домъ № 6, съ Александромъ и Иваномъ Мясниковыми, купеческимъ сыномъ Амфилогіемъ Карагановымъ и купцами Иваномъ Алексѣевымъ и Анною Николаевою Ижболдиными никакихъ особыхъ отношеній не имѣю, послѣднихъ трехъ вовсе не знаю, а у братьевъ Мясниковыхъ я сперва кажется съ 1858 года былъ повѣреннымъ, а потомъ управляющимъ ихъ астраханскими рыбными промыслами. Знакомъ съ фридрихсгамскимъ купцомъ Козьмою Бѣляевымъ я не былъ, и въ домѣ у него ни разу не былъ, —также не былъ я на его похоронахъ; о смерти его я узналъ отъ бывшаго съ Бѣляевымъ въ хорошихъ отношеніяхъ бывшаго здѣшняго губернскаго прокурора, нынѣ уже умершаго, Николая Григорьевича Богуславскаго.—О духовномъ завѣщаніи, оказавшемся по смерти Бѣляева мнѣ не извѣстно, когда и кѣмъ оно составлено; помнится мнѣ, что когда уже возникли слухи о фальшивости этого завѣщанія, то Александръ Мясниковъ показывалъ мнѣ духовное завѣщаніе и я помню, что оно было написано на одной страницѣ. Кѣмъ оно было подписано, я не помню, но отъ Александра Мясникова и доктора Отто я зналъ, что на завѣщаніи этомъ подписались свидѣтелями священникъ Сицилинскій и Отто. Также не помню было-ли засвидѣтельствовано показанное мнѣ Мясниковымъ завѣщаніе или нѣтъ. То ли самое завѣщаніе показывалъ мнѣ Мясниковъ, которое мнѣ нынѣ предъ-

явлено, припомнить не могу. Почерковъ Бѣляева, Сицилинскаго и Отто не знаю. Съ Федоромъ Ивановичемъ Отто я былъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ и я чрезвычайно его уважалъ, потому что считалъ его очень честнымъ человѣкомъ. Когда начали ходить слухи о фальшивости завѣщанія Бѣляева, то Отто мнѣ говорилъ, что все это вздоръ, что онъ самъ подписывалъ завѣщаніе и что никакого подлога въ этомъ завѣщаніи нѣтъ. Кемпе, бывшаго управляющимъ у Мясниковыхъ одного изъ откуповъ, кажется Псковскаго, я видѣлъ у Мясниковыхъ, но разговора о завѣщаніи Бѣляева съ нимъ никогда не имѣлъ. Матвѣева я также зналъ и теперь иногда встрѣчаю, но съ нимъ, какъ съ человѣкомъ, который постоянно пьянствовалъ, мнѣ и не приходилось имѣть какіе нибудь разговоры о завѣщаніи. У Кемпе были съ Мясниковыми какія-то непріятности вслѣдствіе денежныхъ расчетовъ, которыя и были причиною тому, что они разошлись, но самъ ли Кемпе оставилъ службу у Мясниковыхъ или ему было отказано, не знаю. Отъ Александра Красильникова объ этомъ завѣщаніи я также кажется ничего не слышалъ. Кто служилъ у Бѣляева въ 1858 году, незнаю. Жену Бѣляева я ни разу не видалъ, а отъ Александра и Ивана Мясниковыхъ слышалъ, что послѣ смерти Бѣляева они были съ его вдовою въ очень дурныхъ отношеніяхъ. Болѣе по дѣлу о духовномъ завѣщаніи Бѣляева ничего объяснить не имѣю. Подлинное подписали: Временный судебный слѣдователь Николай Агафоновъ Ермолинскій, судебный слѣдователь Макалинскій и присутствовавшій при допросѣ товарищъ прокурора Демидовъ.

ПРОТОКОЛЪ.

1868 года, іюля 26 числа, въ 12 часовъ дня, судебный слѣдователь 5 участка, г. С.-Петербурга Макалинскій, въ канцеляріи своей, допрашивалъ безъ присяги, но съ предвареніемъ о ней кронштадтскаго мѣщанина Александра Петрова въ присутствіи товарища прокурора Демидова, и онъ показалъ:

Отъ роду мнѣ 43 года, вѣры я православной, подъ судомъ не былъ, проживаю у Екатерины Васильевны Бѣляевой по Зна-

менской въ собственномъ домѣ ея, лакеемъ. Служу я у нея съ конца 40-хъ или начала 50-хъ годовъ. Съ Александромъ и Иваномъ Мясниковыми, Амфилогіемъ Карагановымъ, Иваномъ, Анною Ижболдиными никакихъ особыхъ отношеніи не имѣю, и послѣднихъ двухъ вовсе не знаю. Во время смерти Козьмы Васильевича Бѣляева я находился у нихъ въ домѣ и занимался больше портняжными работами и въ случаѣ недостатка въ лакеяхъ, прислуживалъ въ комнатахъ. Умеръ Бѣляевъ часовъ въ 10 или 11-ть утра, болѣнъ онъ былъ передъ смертью нѣсколько лѣтъ пользовалъ его Отто, который былъ домашнимъ докторомъ, а послѣдній мѣсяцъ докторъ Тильманъ. Откуда брались лекарства не знаю, посылали за ними кого придется, дворниковъ, кучеровъ, конюховъ, посылали за лекарствомъ въ ближнюю аптеку, кажется въ Воскресенскую, потому что, какъ мнѣ помнится, на Знаменской улицѣ тогда еще не было аптеки. Обыкновенно Козьма Васильевичъ переѣзжалъ на дачу въ концѣ мая или началѣ іюня, но по случаю торговъ больше жилъ въ городѣ. Онъ въ этотъ годъ сильно исхудалъ, потому что страдалъ геммороемъ. Бѣляевъ умеръ въ пріемной большой комнатѣ кабинета, который состоялъ еще изъ двухъ комнатъ. Сей часъ же послѣ смерти его, въ этой же комнатѣ его стали обмывать, обмывалъ его я вмѣстѣ съ Василіемъ Михайловымъ Китаевымъ. Александръ и Иванъ Мясниковы въ это время въ другихъ комнатахъ кабинета разбирали свои дѣла. Я самъ не видалъ, но Китаевъ мнѣ говорилъ, что Мясниковы свои бумаги отобрали и взяли къ себѣ, такъ какъ Бѣляевъ занимался у нихъ дѣлами. Вымывъ покойника, я положилъ его на столъ въ залѣ, а потомъ по приказанію Екатерины Васильевны завѣшивалъ зеркала, а потому и не видалъ, какъ Мясниковы выносили бумаги. Впрочемъ они могли выйдти изъ кабинета на парадную лѣстницу и по мимо той комнаты, въ которой я мылъ покойнаго, такъ какъ изъ двухъ маленькихъ комнатъ кабинета, кромѣ двери въ большую пріемную комнату была еще дверь прямо на парадную лѣстницу. Изъ пріемной комнаты кабинета было на парадную лѣстницу двѣ двери; кромѣ того была дверь въ буфетъ. Не помню въ самый-ли день смерти Бѣляева или на другой день, вечеромъ былъ у насъ въ домѣ полицейскій надзиратель, но я не видалъ и не слыхалъ, чтобы онъ запеча-

тывалъ комнаты кабинета покойнаго. Да и послѣ, двери кабинета не были опечатаны, такъ что мы ходили по всѣмъ его комнатамъ. Послѣ смерти Бѣляева всѣ ожидали, что есть духовная, а открылась она недѣль кажется черезъ шесть; гдѣ и кѣмъ она была найдена не знаю. Прислуга у Бѣляевыхъ комнатная была слѣдующая: я съ женою Настасьей Ивановой, Китаевъ съ женою Надеждой Корниловой, Михайло Афанасьевъ съ сестрою Еленою и Прокопій Никитинъ, по фамиліи не помню. Китаевъ уѣхалъ въ Казань, жена его живетъ въ С.-Петербургѣ на квартирѣ между Симеоновскимъ и Цѣпнымъ мостами, не знаю въ чьемъ домѣ, Михайла Афанасьевъ года два или три тому назадъ жилъ въ 1-й или во 2-й линіи Васильевскаго острова у военнаго портнаго Ивана Федоровича, по фамиліи не помню, имѣющаго привиллегію, Прокопій Никитинъ живетъ по Знаменской улицѣ въ домѣ Меркульева. Поваромъ былъ тогда Степанъ, а подручнымъ его Андрей Поликарповъ, кучера было два Феофанъ и Василій, дворниковъ было два Кирило, а другаго не помню, былъ одинъ конюхъ, котораго не помню какъ звать, больше прислуги не было. Изъ нихъ Андрей Поликарповъ живетъ на Васильевскомъ островѣ, кажется въ 6-й линіи, у домоваго хозяина генерала Купреянова, Кирило на Надеждинской улицѣ въ домѣ одного генерала, фамиліи не знаю, въ дворникахъ. О фальшивости завѣщанія Бѣляева я неслыхалъ. 16 числа сего іюля Екатерина Васильевна хотѣла ѣхать въ Ревель и отослала на пароходъ свои вещи и повара Сергѣя, но должно быть опоздала на пароходъ и уѣхала на двухъ часовомъ поѣздѣ въ Москву. Съ вещами на пароходъ былъ посланъ я, пароходъ ушелъ въ 11-ть часовъ утра, сдавши тамъ вещи въ багажъ, я ожидалъ ее до отхода парахода, послѣ чего возвратился домой, а Екатерины Васильевны дома уже не было, она послѣ того домой не заѣзжала, а прямо поѣхала въ Москву. Съ нею въ Москву ѣздили Платонъ Яковлевичъ и дѣвушка Марья Александровна. Возвратилась Бѣляева въ понедѣльникъ утромъ на первой машинѣ. Грамоту я знаю плохо. Подлинное подписали: кронштадтскій мѣщанинъ Александръ Петровъ, судебный слѣдователь Макалинскій и товарищъ прокурора Демидовъ.

ПРОТОКОЛЪ.

1868 года іюля 26-числа, во 2 часу дня, судебный слѣдователь 5 участка г. С.-Петербурга Макалинскій, въ канцеляріи своей, допрашивалъ безъ присяги, но съ предвареніемъ о ней, жену Кронштадтскаго мѣщанина Настасью Иванову Петрову въ присутствіи товарища прокурора и она показала:

Отъ роду мнѣ 38 годъ, вѣры я православной, подъ судомъ не была, проживаю у г-жи Бѣляевой при кухнѣ, съ Мясниковыми, Карагановымъ и Ижболдиными никакихъ особыхъ отношеній не имѣю и послѣднихъ трехъ вовсе не знаю. Живу я у Бѣляевой 18-й годъ, у нихъ я находилась и во время кончины Козьмы Васильевича Бѣляева, но въ комнаты я неходила, а только приходила въ залу гдѣ лежало тѣло покойнаго;—въ кабинетъ же покойнаго не заходила. Выносилъ ли кто нибудь послѣ смерти Бѣляева изъ его кабинета бумаги или книги я не видала и не слыхала, осталось ли послѣ покойнаго завѣщаніе, не знаю. Кто составилъ завѣщаніе, оказавшееся послѣ смерти Бѣляева не слыхала. О духовномъ завѣщаніи между дворнею никакого разговора не было. Подлинное подписали: по безграмотству и личной просьбѣ мѣщанки Настасьи Ивановой Петровой коллежскій регистраторъ Павелъ Швейковскій, судебный слѣдователь Макалинскій и присутствовавшій при допросѣ товарищъ прокурора Демидовъ.

Спрошенная того же числа, съ предвареніемъ о присягѣ, С.-Петербургская мѣщанка Наталья Антонова, показала:

Отъ роду мнѣ 62 годъ, вѣры я православной, подъ судомъ не была, проживаю у г. Бѣляевой, въ прачкахъ, и прежде находилась у нихъ годовъ 20-ть. Къ Бѣляевымъ я поступила отъ Мясниковыхъ, я была кормилицею Ивана Константиновича Мясникова. Съ Александромъ и Иваномъ Мясниковыми, Карагановымъ и Ижболдиными никакихъ особыхъ отношеній не имѣю и послѣднихъ трехъ вовсе не знаю. Я служила у Бѣляевыхъ въ то время какъ умеръ Козьма Васильевичъ. Выносилъ ли послѣ смерти Бѣляева кто нибудь изъ нашего дома бумаги или книги я не видала и не слыхала; осталась ли послѣ покойнаго ду-

ховная я не слыхала и до сихъ поръ не знаю. Какъ барыня недавно уѣзжала въ Москву я не видала; я только что возвратилась домой, кажется съ рѣчки, а мнѣ сказали, что барыня уѣхала въ Москву. Кто ее провожалъ изъ дома не знаю. Былъ ли послѣ смерти Бѣляева опечатанъ его кабинетъ, я не слыхала и не знаю. Подлинное подписали: по безграмотству и личной просьбѣ мѣщанки Натальи Антоновой Павелъ Швейковскій, судебный слѣдователь Макалинскій, товарищъ прокурора Демидовъ.

Спрошенная того же числа съ предвареніемъ о присягѣ Кронштадтская мѣщанка Марья Александрова Петрова показала.

Отъ роду мнѣ 16 лѣтъ, вѣры я православной, подъ судомъ не была, проживаю у г-жи Бѣляевой въ горничныхъ, съ Александромъ и Иваномъ Константиновыми Мясниковыми, Карагановымъ и Ижболдиными никакихъ особыхъ отношеній не имѣю. Кузьму Васильевича Бѣляева я чуть помню, потому что была тогда очень маленькою. Осталось-ли послѣ него завѣщаніе и кѣмъ оно составлено, не знаю и не слыхала. Были-ли вывезены изъ дому покойнаго, послѣ его смерти, какія нибудь бумаги, тоже не слыхала, былъ ли опечатанъ его кабинетъ, я не помню и не слыхала. Съ Екатериной Васильевной я дѣйствительно ѣздила въ Москву. Выѣхали мы во вторникъ на прошлой недѣли. Утромъ въ этотъ день, барыня, уѣзжая на пароходъ провожать свою невѣстку въ Ревель, приказала мнѣ отправиться на Московскую машину и ожидать ее тамъ, но не сказала мнѣ зачѣмъ, такъ что я не знала, что поѣду съ нею въ Москву, да и сама барыня не говорила о томъ, что поѣдетъ въ Москву и вовсе не собиралась. Я пріѣхала на Московскую машину въ 11 часовъ утра и тамъ ожидала барыню почти до трехъ часовъ. Въ одно время съ барынею пріѣхала на станцію М-мъ Чевакинская, только она пріѣхала прямо изъ дома въ барыниной каретѣ, а барыня съ парахода въ наемной каретѣ. Провожалъ барыню изъ дому человѣкъ Платонъ. Александръ Константиновичъ Мясниковъ бываетъ у барыни часто, въ послѣдній разъ онъ былъ кажется вчера. Что на этой страницѣ въ первой строкѣ зачеркнуто „опечатанъ“ то вѣрно. Подлинное подписали: по безграмотству и личной просьбѣ мѣщанки Марьи Александровой Петровой, Павелъ

Швейковскій, судебный слѣдователь Макалинскій, товарищъ прокурора Демидовъ.

Спрошенный того же числа, съ предвареніемъ о присягѣ, Кронштадтскій мѣщанинъ Платонъ Яковлевъ показалъ:

Отъ роду мнѣ 23-й годъ, вѣры я православной, подъ судомъ не былъ, проживаю въ лакеяхъ у г-жи Бѣляевой 4-й годъ. Съ Александромъ и Иваномъ Мясниковыми, Карагановымъ и Ижболдиными никакихъ особыхъ отношеній не имѣю, послѣднихъ трехъ вовсе не знаю. Во время смерти Козьмы Васильевича Бѣляева я у нихъ не служилъ, осталось-ли послѣ него духовное завѣщаніе, кѣмъ оно составлено, выносили-ли послѣ его смерти изъ дому какія нибудь бумаги и былъ-ли опечатанъ его кабинетъ, не слыхалъ и не знаю. Недавно я ѣздилъ съ Екатериною Васильевной Бѣляевой въ Москву. Выѣхали мы 17 іюля во вторникъ. Утромъ въ этотъ день Екатерина Васильевна поѣхала провожать на пароходъ свою невѣстку, которая уѣзжала въ Ревель. Я оставался дома, Екатерина Васильевна выѣхала съ параднаго подъѣзда въ извощичьей каретѣ, которую нанялъ другой человѣкъ, Александръ Петровъ. Я провожалъ ее до кареты, при этомъ она приказала мнѣ сказать кучеру, чтобы онъ ѣхалъ въ гостинный дворъ, куда онъ и поѣхалъ. А часовъ въ 12 пріѣхала г-жа Чевакинская и приказала заложить карету Екатерины Васильевны и положить въ карету двѣ подушки и два сакъ-вояжа, и мнѣ отправляться съ нею. Я поѣхалъ вмѣстѣ съ г-жею Чевакинскою на станцію Московской желѣзной дороги, гдѣ мы сѣли на машину. Екатерину же Васильевну я увидѣлъ только въ Колпинѣ. О томъ, что я ѣду въ Москву, я узналъ только въ Колпинѣ. Изъ Колпина я съ г-жею Бѣляевой и дѣвушкой Марьей Александровой поѣхалъ въ Москву, а г-жа Чевакинская возвратилась въ Петербургъ. Подлинное подписали: Кронштадтскій мѣщанинъ Платонъ Яковлевъ, судебный слѣдователь Макалинскій и товарищъ прокурора Демидовъ.

Спрошенный того же числа, протодіаконъ Преображенскаго всей гвардіи собора Степановъ безъ присяги показалъ:

Проживаю я въ церковномъ домѣ Преображенскаго собора по Спаской улицѣ, въ 3 участкѣ Литейной части, съ Александромъ и Иваномъ Мясниковыми, Карагановымъ и Ижболдиными никакихъ особыхъ отношеній не имѣю. Настоящую должность я зани-

маю 30 лѣтъ. Что дѣлалъ покойный протоіерей Сицилинскій 10 мая 1858 г., я припомнить не могу, потому что съ 1857 года, по случаю непріятностей между нами я отъ него отдалялся. Я былъ какъ на похоронахъ, такъ и на панихидахъ по покойномъ Козьмѣ Васильевичѣ Бѣляевѣ. Первая панихида была тотчасъ по его смерти. Выносили-ли изъ кабинета его какія нибудь бумаги или книги я не видѣлъ да и не могъ видѣть, потому что былъ только въ залѣ, въ которую двери со стороны кабинета были заперты. О духовномъ завѣщаніи Бѣляева я ничего не слыхалъ ни на похоронахъ, ни послѣ до прошлаго года, когда ходящій къ намъ въ церковь Александръ Степановичъ Безсоновъ сказалъ мнѣ, что дѣло о духовномъ завѣщаніи Бѣляева поступило въ III отдѣленіе и что будетъ плохо Василію Яковлевичу Сицилинскому, да еще въ прошломъ же году послѣ смерти Василія Яковлевича я однажды встрѣтилъ служившаго у Бѣляева лакеемъ и пользовавшагося у него довѣріемъ человѣка, котораго зовутъ кажется Василіемъ; онъ былъ выпивши и высказывалъ мнѣ, что обидѣлъ ихъ Василій Яковлевичъ, но не объяснилъ чѣмъ. Кромѣ того мнѣ извѣстно, что сей часъ же послѣ смерти Бѣляева начались размолвки между вдовою и Мясниковыми. Подпись Сицилинскаго на предъявленномъ мнѣ нынѣ духовномъ завѣщаніи Бѣляева отъ 10 мая 1858 года его, настоящая и на допросѣ въ С.-Петербургской гражданской палатѣ 17 октября 1858 года также должна быть его, только кажутся нѣсколько сомнительными словами „къ сему показанію,“ можетъ быть впрочемъ отъ того, что мнѣ не случалось встрѣчать этихъ словъ, писанныхъ Сицилинскимъ, но весь пріемъ писанія его. Что дѣлалъ Сицилинскій 17 октября 1858 года не знаю. Погребеніе младенца Ольги, дочери мѣщанки Анфисы Михайловой, я навѣрное несовершалъ. Что въ этомъ показаніи зачеркнуто слово „смерти,“ то вѣрно. Подлинное подписали: протодіаконъ Преображенскаго всей гвардіи собора Александръ Степановъ, судебный слѣдователь Макалинскій и товарищъ прокурора Демидовъ.

ПРОТОКОЛЪ.

1868 года іюля 29 числа въ 12 часовъ дня, судебный слѣдователь 5 участка г. С.-Петербурга Макалинскій, въ канцеляріи

своей, составилъ сей протоколъ о томъ, что явился къ слѣдователю почетный гражданинъ Александръ Федоровъ Красильниковъ и представилъ писанные рукою купеческаго сына Амфилогія Александрова Караганова росписку отъ 7 марта 1855 года, и два счета объ отборѣ денегъ отъ 28 марта и 25 апрѣля 1866 года, при чемъ Красильниковъ въ дополненіе къ прежнимъ показаніямъ своимъ объяснилъ, что Карагановъ началъ свою службу въ конторѣ покойнаго Козьмы Васильевича Бѣляева въ г. Аренскѣ Вятской губерніи, гдѣ Карагановъ вмѣстѣ съ нимъ Красильниковымъ чинилъ для покойнаго Бѣляева перья. Подписалъ почетный гражданинъ Александръ Федоровъ Красильниковъ. При семъ добавляю, что Карагановъ находится въ настоящее время, какъ я слышалъ, при складахъ гг. Мясниковыхъ въ городѣ Ставрополѣ на Кавказѣ. Подлинный подписалъ: судебный слѣдователь Макалинскій.

ПРОТОКОЛЪ.

1868 года іюня 30 числа въ 11 часовъ утра, судебный слѣдователь 5 участка г. С.-Петербурга Макалинскій, въ канцеляріи своей, допрашивалъ безъ присяги, но съ предвареніемъ о ней, представленнаго г. Сысоевымъ Лугскаго мѣщанина Михаила Афанасьева, въ присутствіи г. Сысоева, и онъ показалъ:

Отъ роду мнѣ 28 годъ, вѣры я православной, подъ судомъ не былъ, проживаю на Васильевскомъ островѣ, по Большему проспекту, въ домѣ Нѣмецкой церкви на квартирѣ у г. Сысоева, у котораго мать моя находится въ услуженіи въ кухаркахъ. Купца Ивана Алексѣева и жену его Анну Николаевну Ижболдиныхъ вовсе не знаю, братьевъ Александра и Ивана Константиновичей Мясниковыхъ знаю, но особыхъ отношеній съ ними не имѣю, а купеческаго сына Амфилогія Александрова Караганова по имени знаю, но въ лице не припомню. Я былъ крѣпостнымъ Василья Васильевича Попова, роднаго брата Екатерины Васильевны Бѣляевой, и съ 1857 по 1862 годъ находился у нея въ услуженіи. Во время смерти Козьмы Васильевича Бѣляева я былъ въ С.-Петербургѣ при ихъ домѣ. Бѣляевъ былъ болѣнъ передъ

смертью съ годъ, но не лежалъ, а былъ на ногахъ, въ маѣ мѣсяцѣ того года, онъ шибко былъ болѣнъ, и даже на дачу не переѣхалъ, только изрѣдка пріѣзжалъ на дачу, когда ему дѣлалось легче. Когда умеръ Бѣляевъ, я и Александръ Петровъ мыли его въ большой комнатѣ кабинета, а въ это время изъ второй комнаты кабинета Александръ Константиновичъ Мясниковъ съ Васильемъ Михайловымъ Китаевымъ выносили черезъ переднюю бумаги. Этого я самъ не видалъ, а слышалъ отъ Китаева. Дверь изъ этой комнаты, въ большую комнату кабинета была тогда заперта. Недѣль шесть спустя послѣ смерти Бѣляева у насъ между дворнею разнесся слухъ, что послѣ покойнаго осталась духовная, но она перемѣнена, и что въ ней оставлены только такія лица, которыхъ нельзя было обойти, какъ Шмелевъ, сестра покойнаго Анна Васильевна, тетка Анна Никифоровна. Слышалъ я это отъ лакея и портнаго Александра Петрова, который будучи однажды пьянъ, даже самой Бѣляевой сказалъ, что духовную испортили. Также слышалъ я отъ Василія Китаева, что ему говорилъ Целебровскій, будто передѣлали духовную. Гдѣ найдена была новая, не знаю, слышалъ въ тоже время, но не помню отъ кого, что Николай Дмитріевичъ Шмелевъ подписалъ подъ руку Бѣляева. Также непомню отъ кого слышалъ я, что духовная, оставленная Бѣляевымъ, не была засвидѣтельствована. Была ли она засвидѣтельствована докторомъ Отто — не слыхалъ. Докторъ Отто послѣднюю недѣлю передъ смертью Бѣляева все жилъ у насъ въ домѣ, даже не куда не выходилъ. Лечилъ же покойнаго докторъ Тильманъ изъ Петропавловской больницы, а Отто только присматривалъ. Послѣ смерти Бѣляева кабинетъ его запечатанъ не былъ, а только былъ запертъ до 6 недѣль, но ключи отъ дверей кабинета находились у вдовы Бѣляевой и она ходила по всѣмъ комнатамъ кабинета. Бѣляевъ до самой смерти своей былъ на ногахъ и даже на канунѣ смерти провожалъ Тильмана. Лично я ни отъ Целебровскаго, ни отъ Сицилинскаго, ни отъ Отто ничего о духовномъ завѣщаніи не слыхалъ. Въ одно время со мною жила у Бѣляевыхъ сестра моя Елена Афонасьева. Во время кончины Бѣляева у насъ были два повара Степанъ и Андрей, два кучера Филиппъ и Исай, два дворника Кирилла и племянникъ его Филиппъ, особыхъ конюховъ не было. Кучера Феофанъ и Василій жили и при Кузьмѣ Васильевичѣ и послѣ смерти его поступили, но во время его

смерти не были. Гдѣ всѣ эти лица живутъ—не знаю. Кромѣ сестры моей, которая живетъ горничной у Сысоева. Подлинное подписали: по безграмотству и личной просьбѣ мѣщанинъ Афанасьевъ Швейковскій, судебный слѣдователь Макалинскій и находившійся при допросѣ повѣренный Ижболдиныхъ коллежскій ассесоръ Павелъ Сысоевъ. .

ПРОТОКОЛЪ.

1868 года іюня 30 числа, въ 12 часовъ дня, судебный слѣдователь 5 участка г. С.-Петербурга Макалинскій, въ канцеляріи своей, допрашивалъ безъ присяги, но съ предвареніемъ о ней, въ присутствіи г. Сысоева, представленную имъ С.-Петербургскую мѣщанку Елену Афанасьеву и она показала:

Отъ роду мнѣ 29 годъ, вѣры я православной, подъ судомъ не была, проживаю у Павла Ивановича Сысоева въ услуженіи. Купца Ивана Алексѣева и жену его Анну Николаевну Ижболдиныхъ и Александра и Ивана Константиновичей Мясниковыхъ знаю, но никакихъ особыхъ отношеній съ ними не имѣю, а купеческаго сына Амфилогія Александрова Караганова не знаю. У покойнаго Козьмы Васильевича Бѣляева я находилась въ услуженіи съ 11 лѣтняго возраста, была горничной у Екатерины Васильевны и отошла отъ нея когда вышла воля, я была крѣпостная брата ея Василія Васильевича Попова. Во время смерти Бѣляева, я находилась у нихъ въ домѣ и когда еще покойный лежалъ въ пріемной комнатѣ кабинета, гдѣ онъ умеръ, я видѣла, что Александръ и Иванъ Константиновичи Мясниковы во второй комнатѣ кабинета завязывали въ узлы какія-то бумаги и выносили ихъ прямо чрезъ прихожую въ свою карету. О духовномъ завѣщаніи Бѣляева я ничего не слыхала до истеченія 6 недѣль послѣ его смерти, по прошествіи 6 недѣль, однажды вочеромъ собрались въ столовую Александръ и Иванъ Константиновичи Мясниковы, Екатерина Васильевна и другіе родственники, не знаю впрочемъ кто именно, и квартальный надзиратель. Я слыхала объ этомъ отъ человѣка Василія Михайлова, который подавалъ имъ въ столовую чай, и потомъ при мнѣ разсказывалъ въ кухнѣ, что Бѣляевъ оставилъ духовную, но теперь ее сокращаютъ, чтобы наслѣдство не

досталось другимъ. Сама же я этого не видала. По словамъ Василія Михайлова писалъ тамъ какой-то чужой чиновникъ, не изъ живущихъ въ домѣ и не изъ своихъ. А положительно мы узнали, что есть фальшивая духовная черезъ недѣлю по слѣдующему случаю. Человѣкъ нашъ Александръ Петровичъ пошелъ въ баню пьяный, встрѣтилъ тамъ діакона Спаса Преображенскаго собора и началъ его ругать, говоря, что вы мошенники сдѣлали новую духовную такъ, что мы ничего не получимъ. Діаконъ сказалъ протопопу и протопопъ прислалъ жалобу, за которую Александра Петрова требовали въ часть. Мы убѣдились, что есть здѣсь какая нибудь фальшь, потому что Александръ Петровичъ очень смѣло и вольно ругалъ за это. Болѣе ничего показать по этому дѣлу не имѣю. Подлинное подписали: по безграмотству и личной просьбѣ мѣщанки Елены Афанасьевой Швейковскій, судебный слѣдователь Макалинскій и находившійся при допросѣ повѣренный Ижболдиныхъ коллежскій ассесоръ Павелъ Ивановъ Сысоевъ.

ПРОТОКОЛЪ.

1868 года іюля 30 числа, въ 1 часу дня, судебный слѣдователь 5 участка г. С. петербурга Макалинскій, въ канцеляріи своей допрашивалъ безъ присяги, но съ предвареніемъ о ней, кронштадтскаго мѣщанина Прокопія Никитина Зиновьева въ присутствіи г. Сысоева и онъ показалъ:

Отъ роду мнѣ 28 годъ, вѣры я православной, подъ судомъ я не былъ, проживаю литейной части 3 участка по Знаменской улицѣ въ домѣ купца Меркульева, на квартирѣ. Купца Ивана Алексѣева и жену его Анну Николаеву Ижболдиныхъ вовсе не знаю, купеческаго сына Амфилогія Александрова Караганова не много знаю, и Александра и Ивана Мясниковыхъ хорошо знаю, но никакихъ особыхъ отношеній съ ними не имѣю. Я былъ крѣпостной Екатерины Васильевны Бѣляевой и былъ у нея съ малыхъ лѣтъ въ услуженіи. Во время смерти Бѣляева я былъ у нихъ въ домѣ. Какъ скончался Козьма Васильевичъ, Мясниковы Александръ и Иванъ Константиновичи выносили изъ кабинета его какія-то бумаги, стопъ семь или восемь. Я видѣлъ это потому,

*

что сидѣлъ въ то время въ передней. Помогалъ имъ выносить камердинеръ Василій Михайловъ. Клали бумаги въ карету не помню чью, Александра или Ивана Константиновича. Въ самый день смерти покойнаго, къ вечеру, полиція опечатала двери всѣхъ трехъ комнатъ кабинета и стояли они запечатанными 6 недѣль, такъ что въ комнаты эти нельзя было ходить. О духовной зналъ я, не помню послѣ ли 6 недѣль или раньше, слыхалъ, что была духовная, но не знаю въ чью пользу. О фальшивости духовной я ничего не слыхалъ. Слыхалъ, что послѣ 6 недѣль управляющій Николай Дмитріевъ Шмелевъ получилъ по духовной деньги. При мнѣ Василій Михайловъ Китаевъ не разсказывалъ какъ составляли духовную, Александръ Петровъ также о духовной ничего не говорилъ. У насъ лакеемъ былъ еще другой Василій, по отечеству Денисовъ, крестьянинъ Смоленской губерніи, какого уѣзда не знаю. Самъ я не видалъ какъ опечатовали кабинетъ и даже не могу навѣрное сказать, былъ ли онъ опечатанъ, потому что времени съ тѣхъ поръ прошло много. Болѣе ничего по этому дѣлу показать не имѣю. Подлинное подписали: по безграмотству и личной просьбѣ мѣщанина Прокопія Никитича Швейковскій, судебный слѣдователь Макалинскій и находившійся при допросѣ повѣренный Ижболдиныхъ коллежскій ассесоръ Павелъ Сысоевъ.

ПРОТОКОЛЪ.

1868 года августа 1 числа, въ 11 часу утра, судебный слѣдователь 5 участка г. С.-Петербурга Макалинскій, въ канцеляріи своей, допрашивалъ безъ присяги, но съ предвареніемъ о ней, вдову фридрихсгамскаго первостатейнаго купца Екатерину Васильевну Бѣляеву, въ присутствіи товарища прокурора Демидова и повѣреннаго Ижболдиныхъ Сысоева и она показала:

Отъ роду мнѣ 59 годъ, вѣры я православной, подъ судомъ не была, проживаю на Знаменской въ своемъ домѣ. Съ купцомъ Иваномъ Алексѣевымъ и женою его Анною Николаевою Ижболдиными родства и свойства не имѣю, Александръ и Иванъ Константиновичи Мясниковы дѣти родной моей сестры, а съ купеческимъ сыномъ Амфилогіемъ Александровымъ Карагановымъ никакихъ осо-

быхъ отношеній не имѣю. Въ маѣ мѣсяцѣ 1858 года я проживала вмѣстѣ съ покойнымъ мужемъ моимъ Козьмою Васильевичемъ Бѣляевымъ, но не помню гдѣ именно, въ Петербургѣ ли или на дачѣ въ Ораніембаумѣ въ домѣ Гурьянова. Мы переѣзжали на дачу каждый годъ не въ одно время и я не помню, въ какихъ числахъ мы переѣхали на дачу въ 1858 году. Были ли въ нашемъ знакомствѣ въ 1858 году лица съ именемъ Николая, которыхъ имянины приходились бы 9 мая не припомню. Въ 1858 г. у насъ изъ родныхъ жили: Анна Никифоровна Арефьева, уже умершая, Анна Васильевна Ремянникова, малолѣтній внукъ мой Иванъ Вадимовичъ Шишкинъ и больной мой племянникъ Александръ Тимофѣевъ, а изъ служащихъ лицъ у насъ въ домѣ жили: уже умершій конторщикъ Шмелевъ, каммердинеръ Василій, горничная Елена, человѣкъ Александръ Петровъ съ семействомъ, три мальчика Михайло, Прокопій и Василій, поваръ Андрей,—какъ звали кучеровъ и дворниковъ не помню. Покойный мой мужъ былъ болѣнъ передъ смертью болѣе двухъ лѣтъ, лечили его Тильманъ и Отто. Въ 1858 году у мужа моего дѣлъ почти не было, но какія именно были у него дѣла, я не знаю, потому что не входила въ это, также не знаю съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣла и съ кѣмъ входилъ по нимъ въ сношенія, занимался онъ больше дѣлами Мясниковыхъ, а своихъ дѣлъ у него было мало. Ухаживала за покойнымъ во время его болѣзни я и человѣкъ Василій, изъ какой аптеки брались для него лекарства не знаю. Страдалъ онъ гемороемъ и каменною болѣзнью; была ли я съ мужемъ въ маѣ 1858 года у кого-либо въ гостяхъ на имянинахъ, свадьбѣ, крестинахъ, похоронахъ или какомъ нибудь праздникѣ не помню. На дачу я переѣхала въ одно время съ мужемъ, который на короткое время пріѣзжалъ съ дачи въ С.-Петербургъ по дѣламъ, въ тотъ годъ были торги на откупа, онъ для торговъ пріѣзжалъ въ С.-Петербургъ, но по болѣзни участвовать въ торгахъ не могъ, а брали откупа племянники наши Мясниковы. Въ маѣ 1858 г. у насъ въ семействѣ ничего особеннаго не случалось. Все лѣто 1858 года мужъ мой все былъ болѣнъ, а въ іюлѣ кажется онъ поѣхалъ въ Петербургъ и не могъ уже оттуда пріѣхать. Болѣнъ онъ былъ періодически, иногда очень сильно, а иногда слабѣе. Не за долго до смерти своей, когда онъ былъ очень болѣнъ, какъ мнѣ кажется за нѣсколько дней до смерти онъ передалъ мнѣ

наединѣ сложенную бумагу, сказавъ: „возьми эту бумагу.“ Бумагу эту я отнесла къ себѣ въ спальню и тамъ развернувъ, увидѣла что это духовное завѣщаніе, но не могла ее дочитать потому, что была совершенно убитая, и спрятала ее,—а прочла я ее только около сороковаго дня послѣ смерти мужа, на ней были кромѣ подписи моего мужа, подписи протоіерея Василія Сицилинскаго и доктора Отто. Прочтя завѣщаніе, я выдала довѣренность Александру Мяспикову, чтобы засвидѣтельствовать его. До этого времени я о существованіи духовнаго завѣщанія никому не говорила; равнымъ образомъ я никому не говорила и о томъ будто покойный не оставилъ духовнаго завѣщанія; на похоронахъ мужа я была, а на похоронномъ обѣдѣ не была; я такъ была разстроена, что сидѣла все въ спальнѣ, никого не видала и ни съ кѣмъ не говорила. Целебровскій занимался у мужа дѣлами, но поручалъ ли ему мужъ писать какія нибудь важныя бумаги—я не знаю. Когда именно Сицилинскій и Отто подписались свидѣтелями на завѣщаніи мужа, когда и при какихъ обстоятельствахъ онъ ихъ объ этомъ просилъ я не знаю; я ихъ объ этомъ не спрашивала и они мнѣ ничего не говорили. Послѣ смерти мужа я съ ними видалась; съ Отто довольно часто, а съ Сицилинскимъ рѣже. Ни мужъ мой и ни кто другой не поручалъ мнѣ вознаградить Сицилинскаго и Отто за то, что они подписались свидѣтелями на завѣщаніи и мнѣ неизвѣстно, чтобы они получили за это вознагражденіе отъ кого-либо другаго. Послѣ смерти мужа не помню въ тотъ ли день, или послѣ, не знаю оба-ли Мясниковы или одинъ изъ нихъ взяли изъ кабинета покойнаго свои дѣла и бумаги, которыя лежали тамъ отдѣльно. Ключи отъ конторки всегда находились у покойнаго мужа при себѣ; послѣ смерти его кто ихъ взялъ, не знаю, но потомъ должно быть въ тотъ же день они были переданы мнѣ, но я этого обстоятельства не помню. Послѣ смерти мужа, не помню котораго числа, кажется еще до засвидѣтельствованія духовнаго завѣщанія и до истеченія шести недѣль, племянники мои Александръ и Иванъ Мясниковы предложили мнѣ росписаться поручительницей на сохранной роспискѣ мужа моего въ 272.000 рублей. Зная подпись мужа, и несомнѣваясь въ вѣрности этой росписки, я и росписалась на ней поручительницей. Вся ли она была писана моимъ мужемъ или же только подписана имъ--не помню. Впослѣдствіи, кажется въ

декабрѣ мѣсяцѣ, желая расплатиться съ Мясниковыми по роспискѣ и не желая заниматься дѣлами, я передала имъ по контракту все имущество, доставшееся мнѣ по завѣщанію мужа, количество котораго, по нашимъ общимъ расчетамъ простиралось до 392.000 рублей. Послѣ смерти мужа не помню, на который день, въ его кабинетѣ были опечатаны конторка и шкафы, которые и стояли опечатанными шесть недѣль; двери же кабинета опечатаны полиціею не были. Еще до передачи мнѣ духовнаго завѣщанія мужъ мой неоднократно говорилъ мнѣ, что онъ составитъ завѣщаніе, можетъ быть онъ говорилъ это и при постороннихъ, но при комъ именно не припомню. Лакей мой Александръ Петровъ, никогда не говорилъ мнѣ, чтобы духовное завѣщаніе мужа моего было перемѣнено; также я никогда не слыхала жалобы протоіерея Сицилинскаго на Александра Петрова по поводу духовнаго завѣщанія. Кому и какъ я объявила о существованіи у меня духовнаго завѣщанія мужа, я не помню. Племянники мои Мясниковы должны были раньше знать о духовномъ завѣщаніи, потому что вѣроятно имъ говорилъ о немъ мужъ мой — Предъявленное мнѣ нынѣ духовное завѣщаніе мужа отъ 10 мая 1858 года есть то самое, которое было имъ мнѣ вручено. Подписи на немъ какъ мужа, такъ Сицилинскаго и Отто признаю за настоящія. Недѣли двѣ или полторы тому назадъ я ѣздила въ Москву къ Сергію, куда я давно собиралась, но за разными препятствіями и между прочимъ за свадьбой моей воспитанницы Александры Михайловны Кропочевой не могла раньше ѣхать; послѣ свадьбы я и поѣхала, взявъ съ собою человѣка и горничную; съ Александромъ Масниковымъ я предъ самымъ отъѣздомъ не видалась и мнѣ вовсе не было извѣстно, что меня будутъ вызывать по этому дѣлу. Затѣмъ на вопросы г. Сысоева, г. Бѣляева объяснила: Въ маѣ 1858 года съ дачи я пріѣзжала въ Петербургъ, но въ какія числа не помню, также не помню чтобы пріѣзжала по какимъ нибудь важнымъ порученіямъ мужа. Были ли у мужа моего, кромѣ Шмелева, другія лица, занимавшіяся перепискою бумагъ, не знаю. Мужъ мой былъ на ногахъ не только наканунѣ, но и въ самый день смерти, а какъ задолго до смерти лишился возможности писать, не знаю, вѣроятно, онъ могъ подписывать, но писать большія бумаги не могъ. Въ день смерти мужа я его видѣла, но объ обстоятельствахъ его смерти ничего не могу по-

казать; я даже не могла пойти къ нему, когда онъ умиралъ, потому что сама была безъ чувствъ и только отъ людей знаю, что онъ умеръ въ кабинетѣ. Передавая мнѣ завѣщаніе, мужъ мой только просилъ взять, но не сказалъ, что это завѣщаніе. Въ тотъ день онъ ходилъ. Бумага эта была сложена въ четверо, но не была ни во что завернута. Сколько было въ пей листовъ я тогда не смотрѣла и не считала. Завѣщаніе я приняла съ грустью, оно меня ни сколько не занимало, прочитала я его уже около 40-го дня по смерти мужа, когда я нѣсколько поуспокоилась. Сколько мнѣ помнится, оно было тогда на одномъ листѣ. При опечатаніи кабинета я кажется находилась, и что-то подписывала, былъ еще при этомъ кажется уже умершій прокуроръ Богуславскій, а изъ постороннихъ лицъ еще никого не припомню, были-ли братья Мясниковы не помню, были кажется управляющій Шмелевъ и здѣшній купецъ Каменскій, долго служившій у моего мужа. Что такое купеческія книги я незнаю, а вѣроятно онѣ были запечатаны въ конторкѣ или въ шкафу. Видѣла ли я ихъ не знаю. Когда мнѣ было сдано имущество мужа, то вѣроятно были сданы и купеческія книги, потому что надо было расчитывать капиталъ. Амфилогій Александровичъ Карагановъ приходилъ иногда по дѣламъ отъ Мясниковыхъ къ моему мужу, по этому я его и знаю. По мужѣ моемъ въ 20-й день по его смерти поминки были, но Сицилинскаго въ этотъ день я въ домъ къ себѣ не приглашала; я довѣрила распоряжаться всѣмъ племянникамъ моимъ Мясниковымъ, а кажется сама не была въ этотъ день за общимъ столомъ. Отто былъ у насъ домашнимъ докторомъ года три, четыре. Рекомендовалъ его къ намъ генералъ Кирьяковъ, хорошій знакомый Козьмы Васильевича, онъ уже умеръ. Онъ былъ дивизіоннымъ генераломъ,—и не все время жилъ здѣсь. Занималъ-ли Отто деньги у Козьмы Васильевича, незнаю, выдавалъ-ли онъ покойному какихъ нибудь долговыхъ росписокъ, мнѣ неизвѣстно, и послѣ смерти мужа моего такихъ росписокъ не оказалось. Целебровскій я думаю получалъ жалованье отъ мужа моего, но сама это не видала и отъ мужа не слыхала, Целебровскій жилъ не въ нашемъ домѣ, но не далеко отъ насъ. Духовное завѣщаніе я поручила представить въ гражданскую палату Александру Константиновичу Мясникову и выдала ему для этого довѣренность. Что я передала ему прежде,

завѣщаніе или довѣренность, не помню. Сама я въ палату не ѣздила. Вручала-ли я кому нибудь завѣщаніе до передачи его Мясникову, не помню. На вопросы Потѣхина, г-жа Бѣляева показала: о шубѣ, подаренной Сицилинскому мнѣ ничего неизвѣстно. Получивъ деньги отъ Мясниковыхъ, по контракту, я сама лично сдѣлала изъ нихъ выдачи, слѣдовавшія по духовному завѣщанію. По какому случаю Мясниковы отдавали мужу на сохраненіе большую сумму денегъ, мнѣ неизвѣстно. Какими деньгами или бумагами означена была эта сумма въ сохранной роспискѣ не помню. Объ этой сохранной роспискѣ мужъ мой при жизни своей мнѣ ничего не говорилъ, но я не удивилась ея появленію, потому что у мужа были постоянные расчеты съ Мясниковыми, при томъ у него не было большаго капитала. На вопросъ г. Сысоева: имущество, доставшееся мнѣ по завѣщанію мужа я продала за что хотѣла своимъ племянникамъ, это была моя воля. Съ повѣреннымъ моимъ Чевакинскимъ о духовномъ завѣщаніи былъ только тотъ разговоръ, что мы удивлялись о томъ, что хотятъ опровергнуть духовное завѣщаніе. О томъ что племянникъ мужа Мартьяновъ и сестра его Надежда Васильевна завели споръ противъ завѣщанія, я не слыхала. Надежда Васильевна и сынъ ея, за безнравственность были отдалены отъ моего мужа. Мартьяновъ, не смотря на всѣ употребленныя средства мужемъ моимъ къ тому, чтобы сдѣлать изъ него что нибудь хорошее, все таки остался дурнымъ человѣкомъ и промоталъ деньги моего мужа. Контрактъ съ Мясниковыми я подписывала у себя въ домѣ. Когда я расчиталась съ Мясниковыми по сохранной роспискѣ, она была уничтожена, но кѣмъ не помню. По вычитаніи этого показанія г-жа Бѣляева добавила: Мясниковы взяли свои бумаги изъ кабинета покойнаго мужа моего съ моего дозволенія. Подлинное подписала: вдова фридрихсгамскаго первостатейнаго купца Екатерина Васильевна Бѣляева.

Повѣренный Ижболдиныхъ, присяжный повѣренный Потѣхинъ, прибывшій во время допроса, ушелъ изъ камеры слѣдователя до окончанія допроса. Подписали: судебный слѣдователь П. Макалинскій, товарищъ прокурора Демидовъ, коллежскій ассесоръ Павелъ Ивановъ Сысоевъ.

ПРОТОКОЛЪ.

1868 года, августа 1 числа, въ 2 часа дня, судебный слѣдователь 5 участка г. С.-Петербурга Макалинскій, въ канцеляріи своей, допрашивалъ безъ присяги адъютанта начальника III отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи капитана Александра Константиновича Мясникова, въ присутствіи товарища прокурора Демидова и г. Сысоева, и онъ показалъ:

Отъ роду мнѣ 37-й годъ, вѣры я православной, подъ судомъ не былъ, проживаю Литейной части по Надеждинской улицѣ въ собственномъ домѣ. Противъ предъявленной мнѣ жалобы купца Ивана Алексѣева и жены его Анны Николаевой Ижболдиныхъ о составленіи будто бы при моемъ участіи духовнаго завѣщанія отъ имени покойнаго купца Козьмы Васильевича Бѣляева, могу объяснить слѣдующее: Въ составленіи духовнаго завѣщанія и сохранной росписки я виновнымъ себя не признаю и Мясниковы еще не дошли до того, чтобы дѣлать подлоги для полученія 272 т. рублей. Бѣляевъ былъ не болѣе какъ нашъ управляющій и опекунъ надъ малолѣтнимъ Шишкинымъ, моимъ роднымъ племянникомъ. Подписываться на завѣщаніи и сохранной роспискѣ ни Кемпе, ни Шевелева, ни Красильникова я не просилъ. Кемпе былъ у меня управляющимъ и уволенъ за разныя злоупотребленія. Шевелевъ, только не знаю этотъ-ли, былъ посланъ управляющимъ моимъ Задонскимъ откупомъ, вынулъ изъ кассы тихонько шесть тысячъ рублей и скрылся изъ города, впослѣдствіи уже былъ пойманъ полиціей и былъ кажется за это подъ судомъ. Съ Красильниковымъ у меня была постоянная тяжба.—Относительно же выдачи мнѣ Бѣляевымъ сохранной росписки у меня есть доказательства, а именно веденный Бѣляевымъ своеручно журналъ, въ которомъ записана эта сохранная росписка. Бѣляевъ при жизни своей нѣсколько разъ говорилъ, что онъ все оставитъ женѣ своей, но говорилъ-ли онъ, что уже составилъ завѣщаніе, или что еще думаетъ составить, я припомнить не могу. При самой кончинѣ Бѣляева я не былъ, а пріѣхалъ уже тогда, когда онъ лежалъ на диванѣ еще въ кабинетѣ. Съ дозволенія г-жи Бѣляевой, моей тетки, я поспѣшилъ взять изъ кабинета покойнаго свои бумаги и

книги, которыя мнѣ были очень нужны, потому что у меня дѣла были по всей Россіи и я еще мало былъ знакомъ съ ними, а потому долженъ былъ поторопиться узнать, гдѣ мой капиталъ. Кабинетъ покойнаго былъ опечатанъ кажется на другой день его смерти, почему онъ не былъ опечатанъ въ тотъ же день, не знаю. Самыя комнаты не были опечатаны, а были опечатаны всѣ шкафы и шкафчики, комоды, конторка, однимъ словомъ рѣшительно все, что находилось въ комнатахъ кабинета. Послѣ смерти Бѣляева, ключи отъ его конторки были переданы его вдовѣ, можетъ быть и я взялъ ихъ и передалъ Бѣляевой, но я не помню, чтобы ходилъ съ ними въ конторку. На похоронахъ Бѣляева никакого разговора о его завѣщаніи не было; сколько мнѣ помнится г-жа Бѣляева не могла даже присутствовать на похоронномъ обѣдѣ. О существованіи завѣщанія я узналъ отъ г-жи Бѣляевой послѣ смерти ея мужа, но не могу припомнить какъ скоро. Она мнѣ сказала, что она его получила отъ своего мужа до его смерти. Увидѣлъ же я завѣщаніе тогда, когда она мнѣ его передала, для представленія въ гражданскую палату для засвидѣтельствованія. Завѣщаніе это было маленькое, на одномъ листѣ и кажется на одной страничкѣ. Оно то самое, которое мнѣ нынѣ предъявлено, отъ 10 мая 1858 года. Подписи на завѣщаніи Бѣляева и Отто, а также Целебровскаго я признаю ихъ подлинными подписями, потому что онѣ мнѣ хорошо извѣстны; что же касается до подписи Сицилинскаго, то почеркъ его мнѣ неизвѣстенъ; — въ гражданской палатѣ Целебровскій, Отто и Сицилинскій признали свои подписи, но это было безъ меня. Что же касается до того, что въ подписи Бѣляева нѣтъ точки. то это обстоятельство никакъ не можетъ служить доказательствомъ подложности его подписи. Писано же все завѣщаніе не собственноручно Бѣляевымъ вѣроятно по причинѣ его болѣзни, у него бывали иногда страшныя страданія. Вѣроятно въ одну изъ такихъ минутъ, онъ, нежелая откладывать составленія завѣщанія, велѣлъ Целебровскому его написать. Не помню, слышалъ-ли я отъ Целебровскаго, Сицилинскаго и Отто, когда и при какихъ обстоятельствахъ Бѣляевъ составилъ завѣщаніе и когда они на немъ подписывались. Поручительницей по сохранной роспискѣ мужа г-жа Бѣляева подписалась уже послѣ смерти мужа, тогда, кажется, когда между нами былъ конченъ уговоръ о передачѣ ею намъ дѣлъ

покойнаго мужа ея; но еще не было подписано условіе. Не помню я-ли одинъ, или вмѣстѣ съ братомъ Иваномъ, просилъ г-жу Бѣляеву подписаться поручительницей по роспискѣ; сдѣлано это было для того, чтобы намъ быть болѣе обезпеченными. Затѣмъ слѣдователемъ было предложено г. Сысоеву, какъ повѣренному гражданскихъ истцовъ, слѣлать съ своей стороны, если онъ находитъ нужнымъ вопросы г. Мясникову, на что г. Мясниковъ возразилъ, что онъ не признаетъ за Ижболдиными правъ гражданскихъ истцовъ, но когда слѣдователь объяснилъ ему, что права эти за Ижболдиными въ гражданскомъ судѣ признаны, то г. Мясниковъ изъявилъ готовность отвѣчать на вопросы г. Сысоева, а г. Сысоевъ просилъ записать объ этомъ въ протоколъ. Послѣ сего г. Мясниковъ на вопросы г. Сысоева объяснилъ: Бѣляевъ былъ у меня управляющимъ по довѣренности, онъ еще находился управляющимъ у моего дѣда, а послѣ у меня; гильдіи я не платилъ; отчетъ Бѣляевъ мнѣ давалъ по моимъ дѣламъ; когда я получилъ отъ него послѣдній отчетъ, не помню, послѣдній расчетъ былъ у меня съ Бѣляевымъ передъ выдачей имъ мнѣ сохранной росписки; послѣ выдачи мнѣ сохранной росписки дѣла наши съ Бѣляевымъ продолжались, но расчета сдѣлано не было. Когда Кемпе уволенъ, не помню. При жизни Бѣляева онъ служилъ. Карагановъ съ давнихъ поръ какъ мальчишка находился у Бѣляева. Онъ служилъ у меня въ годъ смерти Бѣляева, а потомъ былъ уволенъ; были-ли допущены Карагановымъ какія-нибудь злоупотребленія, не помню. Въ день смерти Бѣляева было вынесено довольно много бумагъ, но сколько именно, и кто ихъ выносилъ, не помню; онѣ были отвезены. Завѣщаніе было мною представлено во 2-й департаментъ гражданской палаты, но кому именно было мною вручено, не помню. Я говорю о засвидѣтельствованіи завѣщанія. Сохранную росписку Бѣляевъ писалъ безъ меня, вся ли она была имъ писана или только подписана, не помню, сохранная росписка выдана была по нашимъ разсчетамъ; сумма ея была переведена на золото и серебро. При совершеніи сохранной росписки свидѣтелей не было. Въ 9 и 20-й день смерти Бѣляева я вѣроятно былъ, но этого не помню, было-ли въ эти дни приглашено духовенство, не помню. На свадьбѣ Караганова я не былъ и никакихъ подарковъ по случаю вступленія его въ бракъ не дѣлалъ, а можетъ быть и дѣлалъ, да не помню, потому что у насъ часто дѣлаются по-

дарки или награжденіе служащимъ. Крестилъ ли я у Целебровскаго и услуги Бѣляева не помню. Изъ квартальныхъ надзирателей нашего квартала я помню, что крестилъ у Безсонова, а относительно другихъ не помню. Съ докторомъ Отто я познакомился давно, но здѣсь-ли въ Петербургѣ или на походѣ, будучи на службѣ въ шестомъ корпусѣ, не помню. Целебровскаго я зналъ хорошо, зналъ его по дѣламъ, по рекомендаціи Бѣляева, жилъ онъ въ моемъ домѣ; онъ былъ нашимъ и Бѣляева адвокатомъ. Целебровскій былъ нѣсколько разъ награждаемъ за дѣла, и между прочимъ за открытіе его по дѣлу о наслѣдствѣ съ Бѣлкиными. Целебровскій умеръ въ больницѣ умалишенныхъ, куда онъ былъ отправленъ своею женою изъ моего дома. Оставалось ли по смерти Целебровскаго имѣніе, мнѣ неизвѣстно. Расчеты у меня были денежные и съ Целебровскимъ, и съ его женою. Отъ Целебровскаго были у меня денежныя бумаги, не помню по какому случаю, а послѣ его смерти онѣ были оставлены у меня его женою для залоговъ. Отто ни когда, ни въ какихъ разсчетахъ со мною не былъ. Контрактъ нашъ съ Бѣляевою былъ подписанъ вѣроятно у нея въ квартирѣ. Когда въ первый разъ Бѣляева получила деньги по контракту, объ этомъ есть росписка на самомъ контрактѣ. Мнѣ давно извѣстно, что Мартьяновы, а потомъ Ижболдины завели дѣло о духовномъ завѣщаніи Бѣляева, но какъ давно, не помню. Въ слѣдствіе просьбъ поданныхъ чиновникомъ Германомъ меня вызывалъ чиновникъ генералъ-губернатора Спасскій; а въ коммиссію прошеній вызванъ былъ мой повѣренный Серебряный. Ижболдина я видѣлъ одинъ или нѣсколько разъ, онъ приходилъ ко мнѣ; въ послѣдній разъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ приходилъ ко мнѣ съ Германомъ; въ кабинетъ къ себѣ я просилъ Ижболдина, а Германа не допустилъ, такъ какъ его совершенно не зналъ; въ это время у меня былъ Блиновъ. На мѣсто родины Мартьянова покончить дѣло миромъ я никого не посылалъ. Повѣренный мой Серебряный въ общихъ чертахъ передалъ мнѣ, что коммиссія прошеній не находитъ достаточныхъ основаній для слѣдствія. Отто мнѣ долженъ не былъ и ни покакимъ разсчетамъ денегъ не платилъ. Гдѣ находится въ настоящее время Карагановъ, я доставлю вамъ на дняхъ свѣдѣнія. Также доставлю вамъ свѣдѣнія о томъ, могули допустить къ свидѣтельству подъ присягою Николая Шевелева и Василья Михайлова Китаева. Подлинное подписали: ка-

питанъ Александръ Константиновъ Мясниковъ, судебный слѣдователь Макалинскій и присутствовавшіе при допросѣ: товарищъ прокурора Демидовъ и повѣренный наслѣдниковъ Ижболдиныхъ коллежскій ассесоръ Павелъ Сысоевъ.

ПРОТОКОЛЪ.

1868 года августа 1 числа, въ 8 часу вечера, судебный слѣдователь 5 участка г. С.-Петербурга Макалинскій, въ Екатерингофѣ на дачѣ № 8, допрашивалъ безъ присяги коллежскаго ассесора Ивана Константиновича Мясникова въ присутствіи товарища прокурора Демидова, повѣреннаго Ижболдиныхъ Сысоева и пристава 3-го участка Нарвской части Калиновскаго, и онъ показалъ:

Отъ роду мнѣ 35 годъ, вѣры я православной, подъ судомъ не былъ, проживаю въ Екатерингофѣ, на дачѣ № 8, занимаю должность почетнаго смотрителя С.-Петербургскаго Вознесенскаго уѣзднаго училища. Предъявленная мнѣ жалоба купца Ивана Алексѣева и жены его Анны Николаевой Ижболдиныхъ объ участіи моемъ въ составленіи духовнаго завѣщанія отъ имени купца Козьмы Васильевича Бѣляева — неосновательна. Въ составленіи духовнаго завѣщанія въ пользу Бѣляевой мнѣ не было никакого интереса. Что же касается до сохранной росписки Бѣляева въ 272 т., то у брата моего сохранилось доказательство ея выдачи Бѣляевымъ, именно она записана въ собственноручномъ журналѣ Бѣляева. Что я будто бы показывалъ Кемпе сохранную росписку сперва на простой бумагѣ, а потомъ ту же самую росписку на гербовой бумагѣ, то это чистѣйшій вздоръ. Точно также вздоръ, будто братъ Александръ просилъ Кемпе подписаться свидѣтелемъ на завѣщаніи Бѣляева. Если бы Кемпе дѣйствительно предлагали подписаться свидѣтелемъ и онъ бы отказался, то его вѣрно уволили бы отъ службы, а не послали бы его управляющимъ откупомъ въ Порховской уѣздъ. Кемпе былъ взятъ собственно для управленія Порховскимъ откупомъ. Происхожденіе же сохранной росписки Бѣляева было слѣдующее: у меня были общія дѣла съ съ братомъ Александромъ. Въ 1858 году я поѣхалъ принимать

Астраханскіе рыбные промыслы, здоровье Бѣляева было плохо, а между тѣмъ, онъ былъ долженъ намъ по расчетамъ 272 т. рублей. Боясь, что онъ скоро умретъ, я просилъ его выдать намъ сохранную росписку, и изъ за этого у насъ вышли съ нимъ непріятности. Незнаю помнитъ ли Бѣляева, но, уѣзжая тогда изъ С.-Петербурга, я предупреждалъ ее, что бы не было впослѣдствіи недоразумѣній, что у насъ есть отъ Бѣляева сохранная росписка. Во время смерти Бѣляева, я, вернувшись изъ Астрахани, уже былъ въ Петербургѣ. Я сидѣлъ тогда у брата Александра въ Шестилавочной, когда прибѣжали отъ Бѣляева съ извѣстіемъ, что ему плохо. Мы съ братомъ поѣхали къ Бѣляеву и застали его лежащимъ въ кабинетѣ на диванѣ при послѣднемъ издыханіи, при немъ стоялъ отецъ Василій Сицилинскій, но не успѣлъ его исповѣдать и причастить. Послѣ его смерти не помню въ тотъ-ли день или послѣ, братъ Александръ, съ дозволенія Бѣляевой, отобралъ въ кабинетѣ покойнаго бумаги по нашимъ дѣламъ, которыми управлялъ Бѣляевъ, и перевезъ къ себѣ въ контору. Дѣла мы получили въ наслѣдство отъ дѣда нашего Ивана Федоровича Мясникова, у котораго управлялъ дѣлами Бѣляевъ, въ 1854 г. когда я еще только что вышелъ въ отставку изъ военной службы, а братъ мой Александръ находился въ Севастополѣ. По этому, по смерти дѣда, дѣла наши и остались въ распоряженіи Бѣляева. Бѣляевъ своихъ собственныхъ дѣлъ имѣлъ мало, а больше имѣлъ паи въ нашихъ дѣлахъ. Отъ Бѣляева я слыхалъ, что онъ оставитъ все свое состояніе женѣ своей, но о томъ, чтобы онъ составилъ въ ея пользу завѣщаніе, я отъ него никогда не слыхалъ. По возвращеніи изъ Астрахани, я нѣсколько разъ просилъ Бѣляеву напомнить мужу о сохранной роспискѣ, она этимъ была недовольна, говорила, будто я не имѣю къ мужу ея довѣрія и что нельзя его безпокоить. Вслѣдствіе этого, какъ съ самимъ Бѣляевымъ, такъ и съ женою его я былъ не совсѣмъ въ хорошихъ отношеніяхъ и рѣдко бывалъ у нихъ въ домѣ. О существованіи духовнаго завѣщанія я узналъ по смерти Бѣляева, но не помню какъ скоро и при какихъ обстоятельствахъ, такъ какъ я не обращалъ на это никакого вниманія. Я даже не могу дать себѣ отчета, видѣлъ ли я подлинное завѣщаніе или только копію съ него; былъ ли на похоронахъ Бѣляева разговоръ о духовномъ его завѣщаніи не помню, и даже

не помню ровно ничего о его похоронахъ. Почеркъ Целебровскаго я забылъ, почеркъ Сицилинскаго не знаю, а руку Бѣляева и Отто хорошо помню. Подписи Бѣляева и Отто на предъявленномъ мнѣ нынѣ духовномъ завѣщаніи Бѣляева отъ 10 мая 1858 года я признаю за настоящія. Бѣляевъ не самъ писалъ важныя бумаги, прошенія въ присутственныя мѣста онъ только подписывалъ. Меня не удивляетъ то, что завѣщаніе Бѣляева подписано имъ только именемъ и фамиліею. Если бы въ завѣщаніи были не соблюдены какія именно формальности, то вѣроятно гражданская палата его бы не засвидѣтельствовала. На сохранной роспискѣ Бѣляева, вдова его подписалась поручительницей уже послѣ его смерти. Поручительная подпись Бѣляевой была взята въ обезпеченіе наше, по совѣту адвоката нашего Целебровскаго. Затѣмъ на вопросы г. Сысоева, г. Мясниковъ показалъ: Амфилогія Александровича Караганова я знаю, онъ у насъ служитъ, но съ котораго времени не знаю; удаляли ли его отъ должности, мнѣ неизвѣстно. До поѣздки въ Порховъ для управленія тамошнимъ откупомъ, имѣлъ ли Кемпе порученія по другимъ дѣламъ, я не помню, но вѣрно есть объ этомъ свѣдѣнія въ другихъ дѣлахъ. Кемпе пьяная личность, которую прогнали за упущенія. Целебровскій былъ у насъ единственнымъ адвокатомъ по всѣмъ нашимъ дѣламъ. Доктора Отто я давно знаю, онъ вездѣ пользовался безукоризненною репутаціею, какъ особенно честный человѣкъ. Съ Отто у меня не было особенныхъ денежныхъ расчетовъ, только я помню, что онъ давалъ мнѣ незначительную сумму для залоговъ; сумма эта была въ акціяхъ или билетахъ, Отто мнѣ долженъ никогда не былъ. Получалъ онъ отъ насъ деньги какъ годовой докторъ. О свадьбѣ Караганова мнѣ ничего не извѣстно. Были ли какія для меня выгоды отъ заключенія контракта съ Бѣляевой, это касается одного меня и къ настоящему дѣлу не идетъ, тѣмъ не менѣе я объявляю, что при расчетѣ нашемъ съ Бѣляевою денежные капиталы принимались единственно рубль за рубль, а недвижимое имущество съ принадлежностями по взаимному соглашенію. Сохранная росписка Бѣляева была написана не при мнѣ, кажется на простой бумагѣ. Вся-ли она была писана Бѣляевымъ или имъ только подписана; не помню. Свидѣтельскихъ подписей на ней не было. При совершеніи съ Бѣляевой маклерскаго условія росписка эта была от-

дана Бѣляевой и уничтожена ею. Я слышалъ, что о духовномъ завѣщаніи были подаваемы со стороны Мартьяновыхъ просьбы въ управу благочинія и въ коммисію прошеній, но меня никуда по этимъ просьбамъ не вызывали. Я слышалъ объ этихъ просьбахъ отъ брата Александра, но мало этимъ дѣломъ интересовался. Помириться по этому дѣлу я никому не предлагалъ. Мартьянова я видѣлъ разъ въ оборванномъ сюртучишкѣ, онъ, какъ мнѣ помнится, приходилъ къ Бѣляеву въ родѣ того, чтобы просить милостыню: о немъ я слышалъ у Бѣляева, какъ о человѣкѣ пьяномъ и потерянномъ. Мошенничествъ или особенныхъ злоупотребленій за Кемпе я не знаю. Съ Мартьяновымъ я никакихъ расчетовъ и дѣлъ не имѣлъ, и онъ мнѣ никакого ущерба не сдѣлалъ. Карагановъ служа въ главной нашей конторѣ, находившейся въ завѣдываніи и въ домѣ брата моего Александра, писаремъ получалъ незначительное жалованье и никакихъ значительныхъ наградъ не получалъ. Целебровскій, кромѣ жалованья за свои адвокатскіе труды, получалъ иногда награды, но не большими суммами, то есть не десятками тысячъ. Причинъ къ отводу отъ свидѣтельства подъ присягою Василія Михайлова Китаева привести не могу, только кажется мнѣ, что онъ служилъ поваромъ у молодаго Красильникова. Что же касается до Николая Шевелева, то онъ похитилъ у насъ нѣсколько тысячъ, за что мы преслѣдовали его судебнымъ порядкомъ, но не помню чѣмъ кончилось это дѣло. Что въ семъ показаніи зачеркнуто слово „ибо,“ а сверху написано „именно“ и на этой страницѣ зачеркнуто „закон,“ то вѣрно. Подлинное подписали: коллежскій ассессоръ Иванъ Мясниковъ, судебный слѣдователь Макалинскій, и присутствующіе при допросѣ: товарищъ прокурора Демидовъ, повѣренный Ижболдиныхъ коллежскій ассессоръ Павелъ Сысоевъ и участковый приставъ Калиновскій.

ПРОТОКОЛЪ.

1868 года, Августа 2 числа, во 2-мъ часу дня, судебный слѣдователь 5 участка г. С.-Петербурга Макалинскій, въ канцеляріи своей, допрашивалъ безъ присяги, но съ предвареніемъ о ней, статскаго совѣтника Александра Степанова Безсонова, въ присутствіи г. Сысоева, и онъ показалъ:

Отъ роду мнѣ 63-й годъ, вѣры я православной, подъ судомъ не былъ, проживаю 3 участ. Литейной части, въ Саперномъ переулкѣ въ д. Кюнчеля № 14, нахожусь на службѣ чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ почтъ и телеграфовъ. Купца Ивана Алексѣева и жену его Анну Николаеву Ижболдиныхъ знаю, но ни въ какихъ особыхъ отношеніяхъ съ ними не состою. Ивана Константиновича Мясникова вовсе не знаю, адъютанта Мясникова только видалъ, а купеческаго сына Амфилогія Александрова Караганова совершенно не знаю. О духовномъ завѣщаніи Бѣляева я знаю только слѣдующее: Года два или три тому назадъ, пришелъ ко мнѣ служащій въ казенной палатѣ, крестникъ моей покойной жены Ефимъ Федоровичъ Герасимовъ и сообщилъ мнѣ, что пріѣхалъ Ижболдинъ хлопотать о духовномъ завѣщаніи Бѣляева, которое будто бы фальшиво и что проситъ моего содѣйствія. По приглашенію Герасимова я отправился съ нимъ къ Ижболдину, который разсказывалъ мнѣ, что завѣщаніе Бѣляева фальшивое, и что у него есть свидѣтели, которые видѣли, какъ завѣщаніе подписывалось черезъ окошко. Такъ какъ я былъ знакомъ съ протоіереемъ Сицилинскимъ, подписавшимъ это завѣщаніе, то я обѣщалъ разузнать у него объ этомъ дѣлѣ. Вслѣдствіе этого будучи однажды въ гостяхъ у Сицилинскаго, я сказалъ женѣ его, что пріѣхали Ижболдины хлопотать о завѣщаніи, на которомъ подписался свидѣтелемъ ея мужъ, на что она мнѣ отвѣчала: „не стыдно ли тебѣ слушать мошенниковъ, они пріѣхали сюда подкупать,“ въ это время проходилъ Сицилинскій, которому я повторилъ тоже и онъ мнѣ возразилъ! „охъ ты, храмой бѣсъ, слушаешь ты пустяковъ,“ и также назвалъ Ижболдиныхъ мошенниками. Я передалъ этотъ разговоръ Герасимову и просилъ его болѣе ко мнѣ съ этимъ дѣломъ не обращаться. Кромѣ того однажды, будучи у знакомаго мнѣ Ефима Федоровича Кузнецова, купца царскосельскаго 1-й гильдіи, я ему разсказалъ, что говорятъ о фальшивости завѣщанія Бѣляева, на что мнѣ онъ отвѣтилъ, что объ этомъ онъ слышалъ и здѣсь, и въ Москвѣ. Когда же я передалъ эти слухи члену дворянской опеки Чевакинскому, то онъ мнѣ возразилъ: „охота тебѣ связываться съ мошенниками, которые пріѣхали сюда подкупать.“ Съ годъ же тому назадъ Ижболдинъ, котораго я встрѣтилъ въ окружномъ судѣ, говорилъ мнѣ, что Мясниковы хотятъ съ нимъ помириться и предлагали ему двадцать пять ты-

сячъ рублей. Въ тоже время, какъ я говорилъ Сицилинскому о разсказахъ Ижболдина, я говорилъ это самое и протодіакону Преображенскаго собора Александру Степановичу и многимъ другимъ. Это было у Сицилинскаго. Тогда былъ у него обѣдъ или завтракъ по случаю поднятія колокола и много было гостей. Самъ я разсказамъ этимъ не довѣрялъ, потому что зналъ Сицилинскаго долго и съ очень хорошей стороны. О томъ же, чтобы дѣло о духовномъ завѣщаніи Бѣляева поступило въ III отдѣленіе я протодіакону не говорилъ. Болѣе ничего показать не имѣю. Подлинное подписали: статскій совѣтникъ Александръ Степановъ Безсоновъ, судебный слѣдователь Макалинскій и находившійся при допросѣ повѣренный Ижболдиныхъ коллежскій ассесоръ Павелъ Сысоевъ.

ПРОТОКОЛЪ.

1868 года, августа 2 числа, въ 1 часу дня, судебный слѣдователь 5 участка г. С.-Петербурга Макалинскій, въ канцеляріи своей допрашивалъ безъ присяги, но съ предвареніемъ о ней, старшаго врача Петропавловской больницы дѣйствительнаго статскаго совѣтника Карла Андреевича Тильмана, въ присутствіи г. Сысоева, и онъ показалъ:

Отъ роду мнѣ 67-й годъ, вѣры я лютеранской, подъ судомъ не былъ, проживаю на Петербургской сторонѣ въ Архіерейской улицѣ въ Петропавловской больницѣ. Купца Ивана Алексѣева и жену его Анну Николаеву Ижболдиныхъ, купеческаго сына Амфилогія Александрова Караганова, и братьевъ Александра и Ивана Константиновичей Мясниковыхъ не знаю, можетъ быть впрочемъ я видалъ Мясниковыхъ у купца Бѣляева, жившаго на Знаменской улицѣ въ своемъ домѣ напротивъ дома Мясниковыхъ. Бѣляева я пользовалъ короткое время передъ его смертью можетъ быть недѣль шесть, но точно я времени припомнить не могу, даже не помню годъ его смерти. Ходъ же его болѣзни я помню хорошо, потому что болѣзнь у него была очень замѣчательная и интересная для врачей, такъ что когда я на консиліумъ пригласилъ доктора Здекауера, то онъ былъ мнѣ за это очень благо-

*

даренъ. У Бѣляева былъ ракъ въ мочевомъ пузырѣ. Это одна изъ самыхъ жесточайшихъ болѣзней, такъ что страданія его были весьма сильны, но я живо помню, что онъ былъ совершенно въ памяти, ходилъ, могъ заниматься и писать. Засталъ я Бѣляева уже въ сильномъ развитіи болѣзни, въ безнадежномъ состояніи. Какъ за долго до приглашенія меня къ Бѣляеву у него началась эта болѣзнь, я не знаю, но такъ какъ эта болѣзнь принадлежитъ къ числу хроническихъ, то вѣроятно за годъ или болѣе. Судя по свойству этой болѣзни и потому состоянію, въ которомъ я нашелъ Бѣляева, я могу предполагать, что мѣсяцевъ пять до смерти, страданія Бѣляева были уже очень сильны. Страданія у него бывали особенно сильныя, когда онъ мочился, послѣ же испусканія мочи, страданія его успокоивались. Страданія его происходили отъ того, что у него отдѣлялись куски рака и проходили чрезъ мочевой каналъ, чѣмъ затрудняли мочеиспусканіе. Во время моего пользованія страданія у него были ежедневныя, что же касается до того, были-ли у него до начала моего пользованія, страданія эти ежедневны или періодичны, я не могу сказать на вѣрное, потому что я его прежде не видалъ, и ни съ нимъ, ни съ семействомъ его знакомъ не былъ, почему и ограничивался, какъ врачъ одними визитами. Впрочемъ, судя по свойству болѣзни, я недумаю, чтобы страданія Бѣляева были до моего пользованія періодичны. О духовномъ завѣщаніи Бѣляева я отъ него ничего не слыхалъ, и вообще о семейныхъ дѣлахъ его я ничего не знаю. Женѣ Бѣляева я говорилъ, что болѣзнь его неизлечимая, но, о томъ, какъ долго онъ можетъ прожить я не говорилъ и меня ни кто не спрашивалъ. Въ послѣднее время Бѣляевъ былъ очень истощенъ кровотеченіемъ, могъ-ли онъ вставать на канунѣ смерти, не помню, я обыкновенно заставалъ его лежащимъ на диванѣ, въ послѣднее время передъ смертью у него распухли ноги, и врядъ-ли онъ могъ вставать и ходить. Затѣмъ на вопросъ Сысоева свидѣтель г. Тильманъ добавилъ: мнѣ неизвѣстно, чтобы во время пользованія мною Бѣляева, его пользовалъ или при немъ постоянно находился какой нибудь другой докторъ. Что въ этомъ показаніи сверху строкъ приписано „что“ то вѣрно. Подлинное подписали: дѣйствительный статскій совѣтникъ докторъ Карлъ Тильманъ, судебный слѣдователь Макалинскій и на-

ходившійся при допросѣ повѣренный Ижболдиныхъ коллежскій ассесоръ Пав. Сысоевъ.

ПРОТОКОЛЪ.

1868 года, августа 2 числа, въ 12 часу дня, судебный слѣдователь 5 участка г. С.-Петербурга Макалинскій, въ канцеляріи своей, допрашивалъ безъ присяги, но съ предвареніемъ о ней, Саратовской губерніи, Камышевскаго уѣзда иностранную поселянку колоніи лѣснаго кармыша Авдотью Иванову Кемпе въ присутствіи г. Сысоева, и она показала:

Отъ роду мнѣ 73 годъ, вѣры я лютеранской, подъ судомъ не была, проживаю Московской части 4 участ. на углу Клинскаго проспекта и Подольской улицы въ домѣ купца Зайцева занимаюсь мелкими женскими работами. Купца Ивана Алексѣева Ижболдина знаю, но ни какихъ особыхъ отношеній съ нимъ не имѣю, жену его Анну Николаеву не знаю; Александра Константиновича Мясникова знаю, но также никакихъ особыхъ отношеній съ нимъ не имѣю, брата его Ивана Константиновича вовсе не знаю, а купеческаго сына Амфилогія Александрова Караганова видала мелькомъ одинъ только разъ у покойнаго сына моего Федора Карловича Кемпе, который служилъ у Мясниковыхъ. О составленіи духовнаго завѣщанія отъ имени купца Козьмы Васильевича Бѣляева я ничего не знаю, и отъ сына моего ничего не слыхала. При мнѣ сынъ Ивану Алексѣевичу Ижболдину никогда не разсказывалъ о томъ, будто бы Иванъ Константиновичъ Мясниковъ показывалъ ему сохранную росписку отъ имени Бѣляева на сумму около 300 т. рублей сперва на простой бумагѣ, спрашивая сына моего: „хороша ли она“, потомъ показывалъ ему ту же росписку на гербовой бумагѣ, а такъ же о томъ, будто бы Александръ Константиновичъ Мясниковъ просилъ моего сына подписаться свидѣтелемъ на завѣщаніи; обо всемъ этомъ я въ первый разъ теперь слышу Ижболдинъ разсказывалъ мнѣ, будто бы докторъ Отто. подписался свидѣтелемъ на фальшивомъ завѣщаніи Бѣляева. Зная отца Отто, который былъ пасторомъ въ Саратовской губерніи и очень честнымъ человѣкомъ, я на эти слова Ижболдина дѣйст-

вительно отвѣчала, что если Отто это сдѣлалъ, то онъ не пошелъ по стопамъ своего отца. Но дѣйствительно ли докторъ Отто подписался на завѣщаніи Бѣляева и какимъ образомъ, я не знаю, и самого доктора Отто я ни разу не видала. Полтора года тому назадъ Ижболдинъ пріѣхалъ ко мнѣ съ племянникомъ моимъ Федоромъ Ивановичемъ Штеммеромъ и уговарилъ меня пойдти по этому дѣлу въ свидѣтельницы, говоря, что я можетъ быть слышала что нибудь отъ сына, но я тогда же объявила имъ, что я ничего объ этомъ дѣлѣ отъ сына не знаю. Штеммеръ все вертитъ въ этомъ дѣлѣ съ Ижболдинымъ, сперва Ижболдинъ все подсылалъ ко мнѣ Штеммера, а потомъ уже они пріѣхали ко мнѣ вмѣстѣ. Сынъ мой умеръ за Москвой въ Боровскѣ въ 1865 году, оставилъ же онъ службу у Мясниковыхъ годъ или полтора спустя послѣ смерти Бѣляева. Почему онъ оставилъ службу у Мясниковыхъ не знаю, непріятностей между ними кажется не было, при увольненіи его Мясниковы возратили ему его деньги, бывшія у нихъ въ залогахъ. На вопросъ г. Сысоева Кемпе показала: Криваксена я незнаю, и отъ сына о немъ ничего не слыхала. Подлинное подписали: Августа Кемпе, судебный слѣдователь Макалинскій и находившійся при допросѣ повѣренный Ижболдиныхъ коллежскій ассесоръ Павелъ Сысоевъ.

ПРОТОКОЛЪ.

1868 года, августа 2 числа, въ 3 часу дня, судебный слѣдователь 5 участка г. С.-Петербурга Макалинскій, въ канцеляріи своей допрашивалъ безъ присяги. но съ предвареніемъ о ней, Петергофскаго 2-й гильдіи купца Ивана Сергѣева Денисьева, въ присутствіи г. Сысоева, и онъ показалъ:

Отъ роду мнѣ 55 годъ, вѣры я православной, подъ судомъ не былъ, проживаю Нарв. ч. 1-го уч. по 3-й ротѣ Измайловскаго полка въ домѣ Шахова № 13, занимаюсь адвокатурой; съ купцомъ Иваномъ Алексѣевымъ и женою его Анною Николаевою Ижболдиными, купеческимъ сыномъ Амфилогіемъ Александровымъ Карагановымъ и братьями Александромъ и Иваномъ Константиновичами Мясниковыми никакихъ особыхъ отношеній не-

имѣю. У фридрихсгамскаго первостатейнаго купца Козьмы Васильевича Бѣляева я служилъ по откупамъ до 1856 года. По пріѣздѣ моемъ въ С.-Петербургъ въ 1856 году я былъ въ домѣ Бѣляева всего одинъ только разъ, во время же смерти его я занимался дѣлами царскосельскаго 1 гильдіи купца Александра Федорова Красильникова. О составленіи духовнаго завѣщанія, оказавшагося по смерти Бѣляева, мнѣ ничего неизвѣстно. О завѣщаніи и сохранной роспискѣ Бѣляева я слышалъ только отъ Красильникова и отъ самаго Ижболдина. Мартьянова я видѣлъ у Красильникова, который рекомендовалъ его мнѣ племянникомъ Бѣляева, Мартьяновъ просилъ меня вести его дѣло о наслѣдствѣ послѣ Бѣляева, но я предложенія этого не принялъ, не видя къ тому ни какихъ данныхъ, бумагъ же Мартьянова и писемъ къ нему тетки его Ремянниковой у меня никогда не было и нѣтъ. Отъ служащихъ у Мясниковыхъ я ничего объ обстоятельствахъ составленія духовнаго завѣщанія Бѣляева — не слыхалъ Кромѣ Мартьянова лѣтъ 8 тому назадъ, Ижболдинъ просилъ моего ходатайства по спору его противъ духовнаго завѣщанія Бѣляева, но я также предложенія этого не принялъ. Подпись Бѣляева на предъявленномъ мнѣ нынѣ духовномъ завѣщаніи отъ 16 мая 1858 года похожа на настоящую, но такъ какъ я видалъ его подпись уже лѣтъ 12-ть тому назадъ, то немогу ни утверждать подлинность, ни отрицать. Какъ мнѣ кажется, при сличеніи не можетъ ли показаться въ подписи Бѣляева буква „К“. Крупною. Подлинное подписали: петергофскій купецъ Иванъ Денисьевъ, судебный слѣдователь Макалинскій и находившійся при допросѣ повѣренный Ижболдиныхъ коллежскій ассесоръ Пав. Сысоевъ.

ПРОТОКОЛЪ.

1868 года, августа 17 числа, въ 3-мъ часу дня, судебный слѣдователь 5 участка г. С.-Петербурга Макалинскій, въ канцеляріи своей, допрашивалъ безъ присяги, но съ предвареніемъ о ней, крестьянина Псковской губерніи, Великолуцкаго уѣзда дер. Богданова Кирилу Гаврилова, въ присутствіи повѣреннаго Ижболдиныхъ Сысоева, и онъ показалъ:

Отъ роду мнѣ 51 годъ, вѣры я православной, подъ судомъ не былъ, проживаю Литейной части 3 участка, по Надеждинской улицѣ, въ домѣ № 6 Юрьевича дворникомъ. Купца Ивана и жену его Анну Ижболдиныхъ и Амфилогія А. Караганова не знаю, Александра же и Ивана Константиновичей Мясниковыхъ знаю, потому что въ теченіе 12 лѣтъ былъ дворникомъ у ихъ тетки Бѣляевой и отошелъ отъ нея только въ сентабрѣ прошлаго 1867 года. Съ Мясниковыми никакихъ особыхъ отношеній не имѣю. Во время смерти Козьмы Васильевича Бѣляева я былъ у нея въ домѣ дворникомъ. Были ли послѣ его смерти вынесены изъ его кабинета бумаги, былъ ли опечатанъ полиціей его кабинетъ и осталось ли послѣ его завѣщаніе, мнѣ неизвѣстно и разговоровъ о завѣщаніи я не слыхалъ. Когда въ тотъ годъ переѣхалъ Бѣляевъ на дачу не помню. Племянникъ мой изъ деревни Кривцовъ Лахновской волости Филиппъ Алексѣевъ во время смерти Бѣляева въ ихъ домѣ не служилъ, а былъ у меня подручнымъ въ то время братъ Андрея Поликарпова Ананій Поликарповъ, который теперь находится на родинѣ въ Смоленской губерніи, Бѣльскаго уѣзда, въ какой деревнѣ — не знаю. Филиппа Алексѣева я видѣлъ мѣсяца четыре тому назадъ, а гдѣ онъ теперь, не знаю. Во время смерти Бѣляева были: поваръ Степанъ Петровъ, кучеръ Ѳеофанъ Филимоновъ и Василій Максимовъ, лакей Александръ Петровъ, Василій Денисовъ и Василій Михайловъ, Филиппъ Игнатьевъ и Исай Ивановъ во время смерти Бѣляева у него не служили. Цѣлы ли домовыя книги по дому Бѣляевой не знаю, онѣ находились сперва у управляющаго домомъ Шмелева, а послѣ его смерти въ конторѣ домовой, такъ какъ настоящаго управляющаго домомъ не было, а завѣдывали домовой книгой разныя лица. На вопросъ г. Сысоева Кирила Гавриловъ объяснилъ: лакея Александра Петрова водили нѣсколько разъ пьянаго въ часть, а водили ли его туда для наказанія, не знаю, мнѣ объ этомъ неизвѣстно. Что въ этомъ показаніи зачеркнуто „Григорьевъ“, а сверху написано „Гавриловъ“, то вѣрно. Кирила Гавриловъ по неграмотности своего показанія подписать не могъ и не нашелъ никого, чтобы за него росписался. Подписали: судебный слѣдователь Макалинскій и находившійся при допросѣ повѣренный Ижболдиныхъ коллежскій ассесоръ Павелъ Сысоевъ.

ПРОТОКОЛЪ.

1868 года августа 19 числа въ 3 часу дня, судебный слѣдователь 5 участка г. С.-Петербурга Макалинскій въ канцеляріи своей составилъ сей протоколъ о томъ, что явился къ слѣдователю столярный мастеръ Федоръ Ивановъ Штеммеръ и объявивъ, что ему необходима на нѣсколько дней представленная имъ 24 іюля росписка купца Бабкова въ принятіи отъ него Штеммера мебельнаго магазина, просилъ возвратить ее съ тѣмъ, что она будетъ имъ чрезъ нѣсколько дней обратно представлена, почему означенная росписка и выдана Штеммеру. Подлинный подписали: мастеръ Ф. Штеммеръ, судебный слѣдователь Макалинскій.

ПОСТАНОВЛЕНІЕ.

1868 года августа 22 дня, судебный слѣдователь 5 участка г. С.-Петербурга Макалинскій, вслѣдствіе предложенія прокурора С.-Петербургскаго окружнаго суда, отъ 20 сего августа за № 12066, разсмотрѣвъ производящееся предварительное слѣдствіе по жалобѣ Царскосельскаго купца Ивана Алексѣева и жены его Анны Николаевой Ижболдиныхъ, обвиняющихъ братьевъ Александра и Ивана Мясниковыхъ и купеческаго сына Амфилогія Караганова, въ составленіи подложнаго домашняго духовнаго завѣщанія отъ 10 мая 1858 г. отъ имени Фридрихсгамскаго первостатейнаго купца Козьмы Васильева Бѣляева въ пользу жены его Екатерины Васильевой, нашелъ, что по этому дѣлу слѣдуетъ допросить въ качествѣ свидѣтеля безъ присяги, но съ предвареніемъ о томъ, что можетъ быть будетъ потребовано впослѣдствіи подробное присяжное показаніе отставнаго подпоручика, а нынѣ провинціальнаго секретаря, Николая Шевелева о нижеслѣдующемъ: 1) сколько ему лѣтъ, какъ его имя, отчество, фамилія и званіе, какого вѣроисповѣданія, находился-ли подъ судомъ, и если находился, то гдѣ и когда именно; не былъ-ли онъ преслѣдуемъ уголовнымъ порядкомъ за похищеніе изъ кассы Завихотской таможни, гдѣ онъ служилъ членомъ и казначеемъ 2821 р. 90 1/3 коп.

и за похищеніе 6000 рублей изъ кассы Задонскаго откупа Мясниковыхъ, если былъ преслѣдуемъ, то гдѣ производились эти дѣла и чѣмъ они рѣшены; гдѣ онъ имѣетъ теперь постоянное жительство и чѣмъ занимается; 2) въ какихъ отношеніяхъ онъ находился или находится съ Ижболдиными, Мясниковыми и Карагановымъ; 3) не слышалъ-ли Шевелевъ отъ Козьмы Васильева Бѣляева о намѣреніи составить духовное завѣщаніе и если слышалъ, то когда именно и при какихъ обстоятельствахъ; 4) неизвѣстно-ли Шевелеву какъ провелъ Бѣляевъ 10 мая 1858 года, былъ-ли онъ въ то время здоровъ или боленъ; 5) кто былъ особенно близокъ къ Бѣляеву въ послѣдній годъ его жизни; 6) находился-ли онъ на похоронахъ Бѣляева и не слыхалъ-ли онъ отъ вдовы Бѣляева или отъ кого либо другаго, что покойникъ духовнаго завѣщанія не оставилъ, если же слыхалъ, то отъ кого именно, въ чьемъ присутствіи и при какихъ обстоятельствахъ; 7) не слыхалъ ли онъ этого отъ Александра и Ивана Мясниковыхъ, и если слышалъ, то когда именно, при комъ, при какихъ обстоятельствахъ и гдѣ; 8) когда, отъ кого, при какихъ обстоятельствахъ и гдѣ узналъ онъ о существованіи завѣщанія отъ имени Бѣляева; 9) не показывалъ ли ему тогда или вскорѣ послѣ того завѣщаніе который либо изъ Мясниковыхъ, и если показывалъ, то который именно, при какихъ обстоятельствахъ, въ чьемъ присутствіи и для какой надобности; 10) отъ котораго числа, мѣсяца и года было это завѣщаніе, чьею рукою писано и какъ подписано; 11) были ли на завѣщаніи подписи свидѣтелей и если были, то чьи именно подписи; 12) если же подписей свидѣтелей не было, то не просилъ ли его которой либо изъ Мясниковыхъ и который именно подписаться на этомъ завѣщаніи свидѣтелемъ; 13) если же просилъ, то подписался ли онъ Шевелевъ если же подписался, то подъ какимъ предлогомъ; 14) не обращался ли кто либо и кто именно съ подобною же просьбою въ присутствіи Шевелева къ кому либо другому и къ кому именно; 15) на сколькихъ страницахъ было то завѣщаніе и въ какомъ мѣстѣ страницы оно оканчивалось; 16) какое было содержаніе того завѣщанія; 17) подпись Бѣляева на завѣщаніи возбудила ли въ Шевелевѣ сомнѣніе въ ея подлинности и если возбудила, то на какомъ основаніи; 18) если подпись на завѣщаніи сдѣлана не рукою Бѣляева, то неизвѣстно ли Шевелеву

кѣмъ она сдѣлана, и если извѣстно, то по какому случаю; 19) видѣлъ ли онъ то завѣщаніе, которое представлено вдовою Бѣляева къ утвержденію въ с. петербургскую гражданскую палату; 20) если завѣщаніе это подложно, то знала ли Екатерина Васильевна Бѣляева о его подложности и какимъ образомъ это извѣстно Шевелеву; 21) присутствовалъ ли Шевелевъ при кончинѣ Бѣляева и въ какихъ былъ съ нимъ отношеніяхъ; 22) въ день кончины Бѣляева или вскорѣ послѣ того, и когда именно, не выносилъ ли кто нибудь и кто именно чего-либо изъ кабинета Бѣляева, и если выносилъ, то что именно, и какимъ образомъ это извѣстно Шевелеву; 23) послѣ кончины Бѣляева, и когда именно, не приглашалъ ли Шевелева который либо изъ Мясниковыхъ, и который именно, считать деньги и если приглашалъ, то по какому случаю, съ кѣмъ онъ ихъ считалъ, и какъ велика была та сумма денегъ; 24) не показывалъ ли ему который либо изъ Мясниковыхъ, и который именно, сохранную росписку Бѣляева, и если показывалъ, то когда именно, отъ котораго числа, мѣсяца и года была та росписка, на какой она была бумагѣ, чьею рукою писанная, на чье имя и въ какой суммѣ; 25) не показывалъ ли ему затѣмъ который либо изъ Мясниковыхъ, и который именно другую сохранную росписку Бѣляева и если показывалъ, то когда именно и чѣмъ эта сохранная росписка отличалась отъ первой и 26) не извѣстно ли ему еще чего-либо по этому дѣлу. Усматривая изъ дѣла, что отставной подпоручикъ, а нынѣ провинціальный секретарь Николай Шевелевъ проживаетъ въ Швейцаріи въ Женевѣ въ улицѣ Bonivard № 8, руководствуясь 190 ст. учреж. суд. уст. и опредѣленіемъ общаго собранія отдѣленій с.-петербургскаго окружнаго суда отъ 30 апрѣля 1867 г. судебный слѣдователь постановилъ: копію съ сего постановленія препроводить къ г. прокурору с.-петербургскаго окружнаго суда для представленія къ г. министру юстиціи о сдѣланіи сношенія съ швейцарскимъ правительствомъ о допросѣ Шевелева по вышеозначеннымъ вопроснымъ пунктамъ чрезъ подлежащее судебное мѣсто и лицо и о доставленіи къ слѣдователю показанія Шевелева въ самомъ непродолжительномъ по возможности времени, (подписалъ) Макалинскій.

ПОСТАНОВЛЕНІЕ.

1868 года, августа 23 дня, судебный слѣдователь 5 участка г. С. Петербурга Макалинскій, разсмотрѣвъ настоящее прошеніе повѣреннаго Ижболдиныхъ коллежскаго секретаря Германа, постановилъ: 1) выставленныхъ имъ свидѣтелей, согласно 1 п. 304 ст. уст. угол. судопр. допросить, и 2) ходатайство его объ истребованіи изъ с.-петербургской казенной палаты производства ея по предмету обнаруженной утайки пошлинъ, слѣдовавшихъ въ казну при представленіи духовнаго завѣщанія Бѣляева въ гражданскую палату, оставить безъ послѣдствій, такъ какъ таковая утайка по силѣ 396 ст. V т. уст. о пошл. не составляетъ уголовнаго преступленія и влечетъ за собою только взысканіе утаенныхъ пошлинъ въ двойномъ количествѣ; притомъ если бы утайка эта и составляла преступленіе, то оно должно быть отнесено къ разряду преступленій противъ имущества и доходовъ казны, каковыя на основаніи 1129 уст. угол. суд. не поллежатъ преслѣдованію безъ требованія казенныхъ управленій или общей полиціи, въ предѣлахъ предоставленной ей власти и наконецъ во всякомъ случаѣ обстоятельство объ утайкѣ пошлинъ, какъ неимѣющее существенной связи съ производимымъ слѣдствіемъ о подложности завѣщанія Бѣляева не можетъ за силою 314 ст. уст. угол. суд. подлежать обслѣдованію безъ требованія о томъ со стороны прокурорскаго надзора. (подписи) Макалинскій. Читалъ и объ изслѣдованіи дѣла касательно значительнаго ущерба казеннаго интереса, при которомъ состоялась и кража частнаго состоянія моихъ довѣрителей, я буду просить вслѣдъ за симъ гдѣ слѣдуетъ. Германъ.

ПОСТАНОВЛЕНІЕ.

1868 года, августа 24 дня, судебный слѣдователь 5 участка г. С.-Петербурга Макалинскій, разсмотрѣвъ настоящее прошеніе капитана Александра Мясникова, и имѣя въ виду, что послужившая поводомъ къ начатію надъ нимъ слѣдствія жалоба цар-

скосельскаго 2 гильдіи купца Ивана Алексѣева и жены его Анны Николаевой Ижболдиныхъ была предъявлена Александру Мясникову при допросѣ 1 августа, какъ видно и изъ протокола допроса, что представленныя Ижболдиными доказательства на право наслѣдованія ихъ послѣ Бѣляева находятся въ доставленномъ къ слѣдствію производствѣ с.-петербургской гражданской палаты по спору о сомнительности завѣщанія Бѣляева, и что изъ этого же производства видно какія въ этомъ отношеніи права признавались за Ижболдиными гражданскими судебными мѣстами, постановилъ: въ удовлетвореніе ходатайства Александра Мясникова предъявить ему вышеозначенное производство с.-петербургской гражданской палаты. (Подписали:) Макалинскій. Постановленіе мнѣ объявлено и подлинное производство гражданской палаты мнѣ предъявлено 3 сентября 1868 года Мясниковъ.

ПРОТОКОЛЪ.

1868 года, августа 27 дня, судебный слѣдователь 5 участка г. С.-Петербурга Макалинскій, въ канцеляріи своей допрашивалъ безъ присяги, но съ предвареніемъ о ней, коллежскаго ассесора Константина Игнатьевича Шимановскаго въ присутствіи Ижболдина, Сысоева и Германа и онъ показалъ:

Отъ роду мнѣ 34 годъ, вѣры я православной, подъ судомъ не былъ, проживаю Рождественской части, 1 участка у Знаменскаго моста въ домѣ бар. Фридерикса подъ № 2, нахожусь на службѣ въ департаментѣ таможенныхъ сборовъ. Съ купцомъ Иваномъ Ижболдинымъ и женою его Анною Ижболдиною, Александромъ и Иваномъ Мясниковыми и Амфилогіемъ Карагановымъ ни въ какихъ особыхъ отношеніяхъ не состою, а послѣдняго и вовсе не знаю. Въ 1864 или 65 годахъ ковенская помѣщица Кайсарова хлопотала о займѣ денегъ подъ свое имѣніе изъ опеки малолѣтняго Шишкина, опекунами котораго были оба брата Мясниковы и вдова Бѣляева. По просьбѣ внучки г-жи Кайсаровой, г-жи Ваксель я также принималъ въ этомъ дѣлѣ участіе, и былъ у гг. Мясниковыхъ, изъ которыхъ Иванъ Мясниковъ поручилъ мнѣ сходить къ теткѣ его Бѣляевой съ просьбою моею о согласіи

на заемъ, и я былъ у ней, но ее не видѣлъ, а Александръ Мясниковъ совѣтовалъ мнѣ просить объ этомъ бывшаго въ то время уѣзднымъ предводителемъ дворянства графа Апраксина, который отъ просьбы моей отклонился. У него я встрѣтился съ Иваномъ Михайловичемъ Чевакинскимъ, съ которымъ и познакомился, и онъ пригласилъ меня къ себѣ. Вскорѣ я узналъ, что г. Чевакинскій можетъ устранить причины несовершенія займа; я былъ у него и просилъ устроить заемъ. Это было въ то время, когда шло дѣло о возвращеніи отъ гг. Мясниковыхъ малолѣтняго Шишкина, котораго они тайно перевезли къ себѣ отъ Бѣляевой. По этому поводу г. Чевакинскій очень дурно отзывался о Мясниковыхъ, говорилъ, что они отравятъ Шишкина, что это дѣло для нихъ обыкновенное и настаивалъ о возвращеніи Шишкина къ Бѣляевой. Затѣмъ я продолжалъ съ г. Чевакинскимъ знакомство и посѣщалъ его, и онъ просилъ меня похлопотать въ с.-петербургской казенной палатѣ о сложеніи съ Бѣляевой требованныхъ пошлинъ по завѣщанію мужа ея, о чемъ производилось тогда дѣло и я хлопоталъ. Почему и познакомился съ г. Герасимовымъ, у котораго въ столѣ было это дѣло. Спустя нѣсколько времени г. Чевакинскій обратился ко мнѣ съ просьбою съѣздить къ Александру Мясникову, такъ какъ я уже бывалъ у него и предложить ему окончить миромъ дѣло, которое производилось въ то время о полученіи наслѣдства послѣ Бѣляева и которое онъ можетъ устроить для нихъ, но просилъ не говорить ему о томъ, что онъ просилъ меня объ этомъ. Вслѣдствіе чего я пріѣхалъ къ Александру Мясникову въ субботу утромъ, что было лѣтомъ; г. Мясниковъ принялъ меня очень любезно, сказалъ, что онъ желаетъ окончить это дѣло, которое ему надоѣло миромъ, что онъ уже предлагалъ мировую въ 30,000 или 40,000 руб., но это несостоялось; теперь же онъ не знаетъ сколько хотятъ получить за окончаніе дѣла, присовокупивъ, что говорятъ, что онъ будто бы сдѣлалъ послѣ Бѣляева фальшивое духовное завѣщаніе, чего на самомъ дѣлѣ вовсе будто бы не было, и затѣмъ просилъ меня заѣхать въ слѣдующую субботу, сказавъ, что онъ подумаетъ какъ это устроить. Въ другую субботу я также былъ у г. Мясникова, и онъ просилъ сказать ему кто именно поручилъ мнѣ хлопотать о мировой, не Чевакинскій-ли? я отвѣтилъ, что нѣтъ, не онъ, а впослѣдствіи когда онъ окончательно согласится на мировую, я ихъ однихъ ос-

тавлю окончить дѣло это. На что Мясниковъ изъявилъ свое согласіе и опять просилъ пріѣхать въ слѣдующую субботу, что я и сдѣлалъ, но пріѣзжая къ нему нѣсколько разъ, я не находилъ его дома и сообщилъ Чевакинскому, что Мясниковъ, выразивъ желаніе на мировую, видимо уклоняется и я болѣе ѣздить къ нему не буду, такъ какъ это ни къ чему не поведетъ; тогда г. Чевакинскій, будучи сильно раздраженъ противъ Мясниковыхъ, началъ мнѣ высказывать, что онъ положительно узналъ отъ Бѣляевой, что Мясниковы ночью, тотчасъ послѣ смерти Бѣляева, обокрали его кабинетъ и въ каретахъ вывезли изъ того кабинета всѣ рѣшительно бумаги покойнаго, книги, дѣла, даже деньги, однимъ словомъ все что въ немъ находилось и затѣмъ, когда въ присутствіи полиціи и стороннихъ людей были перебраны по листамъ оставленныя бумаги, то въ нихъ ничего похожаго на завѣщаніе Бѣляева не нашлось, а потомъ чрезъ недѣлю или полторы Александръ Мясниковъ пріѣхалъ въ домъ Бѣляевой, пришелъ въ кабинетъ и будто-бы оттуда изъ запечатанаго стола вынесъ найденное имъ будто въ опечатанномъ ящикѣ духовное завѣщаніе Бѣляева, которое съ восторгомъ передалъ г. Бѣляевой; что завѣщаніе это Мясниковъ принесъ съ собой, но не находилъ его въ осмотрѣнномъ уже кабинетѣ, что оно фальшивое, что оно подписано только „Козьма Бѣляевъ“ и то не его рукой, нѣтъ той завѣтной послѣ подписи точки, которую Бѣляевъ всегда ставилъ, что онъ всегда писалъ бумаги своеручно и даже писалъ своею рукою по сорока писемъ для отправки на почту, что Чевакинскій положительно убѣдился въ этомъ, сличивши множество бумагъ Бѣляева въ опекѣ и другихъ мѣстахъ, писанныхъ его рукою и подпись на завѣщаніи совершенно не его, а сдѣлана другою рукою, притомъ же, что въ то время, когда завѣщаніе означено написаннымъ, Бѣляевъ вовсе не былъ болѣнъ, а напротивъ въ тотъ день ѣздилъ на торги по какому-то важному откупу, что Мясниковы предъявляли Бѣляевой какую-то фальшивую сохранную росписку Бѣляева около 300 тысячъ рублей, но не давали ей въ руки, а только показали, тогда какъ ни какой сохранной росписки не было даваемо и она составлена фальшиво послѣ смерти Бѣляева, но заднимъ числомъ, т. е. за полгода до смерти Бѣляева, что Мясниковы обманнымъ образомъ вынудили у Бѣляевой подписать какой-то контрактъ о передачѣ имъ иму-

щества Бѣляева, что Чевакинскій называлъ мошенническимъ контрактомъ, что Мясниковы по фальшивымъ бланкамъ на билетахъ получили изъ Банка залоги Бѣляева въ свою собственность, внесенные Бѣляевымъ по откупамъ и даже просилъ меня похлопотать въ Банкѣ нельзя ли посмотрѣть тѣ билеты на 30 или 45 тысячъ рублей, чтобы узнать чья имено подпись. Все это г. Чевакинскій говорилъ каждому, кто съ нимъ только встрѣчался; узнавать же въ Банкѣ о надписяхъ на билетахъ я отказался. При этомъ г. Чевакинскій присовокупилъ, что надо сказать Мясниковымъ, что они за это завѣщаніе и другія ихъ по этому дѣйствія пойдутъ въ Сибирь, какъ только завѣщаніе будетъ представлено къ дѣлу, но что онъ можетъ избавить ихъ отъ этого тѣмъ, что возьметъ завѣщаніе отъ Бѣляевой къ себѣ, и, запечатавъ его своей печатью, будетъ беречь его у себя и дешево не отдастъ, что онъ, если Мясниковы согласятся, убѣдитъ г. Бѣляеву, у которой возьметъ довѣренность, сжечь завѣщаніе и самъ его сожжетъ, тогда и концы пропадутъ; объявить, что завѣщаніе потеряно и получить копію изъ палаты и тогда уже невозможно будетъ узнать фальшивость, также говорилъ онъ мнѣ, что ему извѣстно уже отъ г. Бѣляевой, что нѣкоторые наслѣдники Бѣляева пріѣзжали хлопотать о завѣщаніи и бывали у Мясниковыхъ, но Мясниковы ихъ отравили и это скрыто. Когда же я сказалъ ему, что Мясниковъ уклоняется и тѣмъ, что будто-бы не знаетъ сколько нужно денегъ, то Чевакинскій возразилъ, что можно взять съ нихъ 140 тысячъ рублей, изъ которыхъ 40 тысячъ рублей ему, а остальныя—наслѣдникамъ. На вопросъ мой о томъ—какъ же онъ можетъ устроить такое дѣло безъ наслѣдниковъ и гдѣ-же они, онъ отвѣчалъ что какіе то мѣщане, которыхъ онъ вовсе не знаетъ, но что отыщетъ повѣреннаго ихъ Германа, проживающаго гдѣ-то въ станѣ и у него есть довѣренность и потому онъ надѣется съ нимъ покончить это дѣло. Чрезъ нѣсколько времени послѣ этого разговора я былъ у г. Чевакинскаго и онъ показывалъ мнѣ пакетъ, въ которомъ, по его словамъ, находилось духовное завѣщаніе Бѣляева, и которое, какъ онъ сказалъ, ни кто не вырветъ у него. Послѣ того г. Чевакинскій постоянно говорилъ мнѣ, что онъ представитъ завѣщаніе. г. Чевакинскій былъ у меня съ братомъ Бѣляевой, капитаномъ Поповымъ, изъ г. Риги по его дѣлу и Поповъ, бывши у меня одинъ, въ разго-

ворѣ по дѣлу Мясниковыхъ, также говорилъ мнѣ, что сестра его говорила ему, что завѣщаніе и сохранная росписка мужа ея фальшивыя, составлены Мясниковыми, что контрактъ также она называетъ не законнымъ, что Мясниковы въ первую ночь послѣ смерти Бѣляева, обобравъ весь кабинетъ мужа ея, увезли все къ себѣ и тогда, по осмотрѣ, завѣщанія не было, и присовокупилъ, что въ числѣ имущества Бѣляева, захваченнаго Мясниковыми находился и его билетъ въ 1000 или 2000 рублей, который взялъ у него Бѣляевъ для того, чтобы пустить его въ оборотъ, и тѣмъ дать ему случай получить выгоду, но что этого билета онъ никакъ не можетъ получить отъ Мясниковыхъ и былъ у нихъ множество разъ, но они только обѣщали, но отговорились, что онъ еще находится въ дѣлахъ или не полученъ. Чевакинскій говорилъ также, что Бѣляева говорила ему, что на похоронномъ обѣдѣ она всѣмъ говорила, что завѣщанія Бѣляевъ не оставилъ и что это ставитъ ее въ затруднительное положеніе по дѣламъ, а потомъ завѣщаніе вдругъ появилось отъ Мясниковыхъ. Г. Чевакинскій постоянно говорилъ, что завѣщаніе онъ представитъ, а въ послѣднее время говорилъ мнѣ, что онъ даже указалъ повѣренному наслѣдниковъ какіе именно билеты взяты Мясниковыми и даже далъ списокъ нѣкоторымъ. Въ январѣ нынѣшняго года онъ встрѣтилъ меня въ окружномъ судѣ, говоря о томъ, что меня выставляютъ свидѣтелемъ по дѣлу завѣщанія, чего я въ то время и не зналъ, просилъ не говорить ничего, такъ какъ дѣло это будто бы грязное, что онъ уже перемѣнилъ свое мнѣніе объ этомъ, и просилъ меня быть съ нимъ за одно, упрашивая меня не давать противъ него показаній, на что я отвѣтилъ ему, что такъ какъ я чрезъ него-же сдѣлался свидѣтелемъ, то не могу по совѣсти, скрывать того, что онъ-же самъ мнѣ говорилъ. Встрѣтившись съ бывшимъ повѣреннымъ Мясниковыхъ г. Бильбасовымъ въ Литейной части я спросилъ его отъ чего Мясниковъ не помирился, тогда какъ онъ положительно хотѣлъ это сдѣлать, на что г. Бильбасовъ отвѣчалъ, что этимъ Мясниковы ему обязаны, такъ какъ онъ имъ объяснилъ, что если они помирятся, то этимъ самымъ признаютъ себя виновными въ уголовномъ преступленіи, и по этому мировая не состоялась. Завѣщаніе же всегда находилось у г. Чевакинскаго, какъ онъ мнѣ всегда говорилъ при встрѣчѣ. Бывая въ казенной па-

латѣ, и встрѣчаясь съ Герасимовымъ я однажды слышалъ отъ него, что въ тотъ день у него былъ рано утромъ въ Гавани Александръ Мясниковъ и, не найдя его дома, оставилъ 100 рублей и что онъ не знаетъ, что съ ними дѣлать и намѣренъ возвратить. Чрезъ нѣсколько же дней я опять видѣлся съ Герасимовымъ и узналъ отъ него, что къ нему въ палату пріѣзжалъ повѣренный Мясниковыхъ Бильбасовъ, которому онъ возвратилъ оставленные Мясниковымъ 100 рублей, тогда г. Бильбасовъ предлагалъ ему 500 рублей, отъ чего онъ совершенно отказался и объявилъ, что сдѣлать ни чего не можетъ для Мясниковыхъ и пусть къ кому угодно другому обращаются. Впослѣдствіи и я самъ видѣлъ г. Бильбасова въ палатѣ разговаривавшаго съ Герасимовымъ и узналъ отъ послѣдняго, что дѣло производилось о какихъ-то казеннымъ пошлинахъ, о которыхъ хлопотали Мясниковы и къ нему также пріѣзжалъ по дѣлу въ палату и г. Чевакинскій. Г. Ижболдина я узналъ, какъ помнится въ 1866 году, встрѣтившись съ нимъ въ казенной палатѣ, гдѣ я и онъ приходили къ Герасимову по дѣламъ, и который насъ познакомилъ. Въ послѣднее время я у г. Чевакинскаго не бывалъ, но только встрѣчался съ нимъ, и одинъ разъ въ гражданской палатѣ онъ привѣтствовалъ меня такимъ образомъ: здравствуйте, благородный свидѣтель. Вообще, какъ мнѣ приходилось слышать, г. Чевакинскій всѣмъ разсказывалъ о фальшивости завѣщанія Бѣляева и объяснялъ даже признаки этого. Гг. Погожева и Павлова, которые вмѣстѣ со мной служили, г. Чевакинскій удалилъ отъ занятій у г. Бѣляевой и остался одинъ, какъ онъ прежде предполагалъ, говоря мнѣ объ этомъ, и онъ находилъ, что они могутъ мѣшать ему. Послѣ разговора о послѣдствіяхъ смерти Бѣляева г. Чевакинскій у себя въ квартирѣ читалъ мнѣ докладную записку, которую, какъ онъ мнѣ сказалъ, подаетъ графу Апраксину и въ этой запискѣ онъ выставилъ Мясниковыхъ въ самомъ черномъ видѣ, назвавъ ихъ ворами, мошенниками, отравителями наслѣдниковъ Бѣляева, и при чтеніи восхищался сильнымъ ея содержаніемъ. (Подписали:) Шимановскій, Макалинскій, Сысоевъ, Ижболдинъ, Германъ.

ПРОТОКОЛЪ.

1868 года, августа 27 дня, судебный слѣдователь 5 участка г. С.-Петербурга Макалинскій, въ канцеляріи своей, допрашивалъ безъ присяги, но съ предвареніемъ о ней, коллежскаго ассесора Ефима Федорова Герасимова и онъ показалъ въ присутствіи Ижболдина, Сысоева и Германа:

Отъ роду мнѣ 37-й годъ, вѣры я православной, подъ судомъ не былъ, проживаю Васильевской части Суворовскаго участка по Офицерской улицѣ въ домѣ № 45 и служу помощникомъ столоначальника въ департаментѣ окладныхъ сборовъ. Съ купцомъ Иваномъ и женою его Анною Ижболдиными, Александромъ и Иваномъ Мясниковыми и Амфилогіемъ Караганoвымъ ни какихъ особыхъ отношеній не имѣю; первыхъ трехъ знаю потому, что они приходили за справками въ казенную палату, гдѣ я прежде служилъ, по дѣлу о взысканіи крѣпостныхъ пошлинъ по завѣщанію Бѣляева, реньше же этого времени я ихъ не зналъ. Покойнаго купца Козьму Бѣляева я не зналъ и никогда не видалъ. О существованіи завѣщанія Бѣляева я узналъ тогда когда у насъ въ казенной палатѣ началось дѣло о взысканіи пошлинъ. О фальшивости завѣщанія Бѣляева мнѣ извѣстно изъ заявленій и словъ Германа и изъ разговора съ Чевакинскимъ, который также бывалъ въ палатѣ, какъ довѣренный отъ Бѣляевой. Чевакинскій разсказывалъ мнѣ, что послѣ смерти Бѣляева Мясниковы завладѣли всѣмъ его имуществомъ и чтобы скрыть это, составили фальшивое завѣщаніе, что завѣщаніе это Мясниковъ вынулъ изъ конторки или какой то щели, и что подпись на завѣщаніи не сходна съ подписями Бѣляева. Однимъ словомъ Чевакинскій говорилъ, что онъ убѣжденъ въ фальшивости завѣщанія. На вопросъ же мой сознаетъ ли Бѣляева завѣщаніе, Чевакинскій отвѣтилъ мнѣ, что сама Бѣляева завѣщаніе фальшивымъ не признаетъ. Откуда Чевакинскому извѣстны тѣ обстоятельства о завѣщаніи, которыя онъ мнѣ передавалъ, онъ мнѣ не говорилъ и я его не спрашивалъ, такъ какъ меня мало это интересовало. Относительно же подписи Бѣляева Чевакинскій говорилъ, что ее сличали со множествомъ писемъ и бумагъ Бѣляева и нашли не сход-

ною. Чевакинскій разсказывалъ о фальшивости завѣщанія, нисколько не стесняясь, и передавалъ мнѣ, что онъ говорилъ объ этомъ на обѣдѣ у графа Апраксина въ присутствіи шести или семи человѣкъ. По его словамъ, Александръ Мясниковъ съ торжествомъ вручилъ Бѣляевой завѣщаніе, сказавъ: „вотъ нашлось завѣщаніе". Кѣмъ писано завѣщаніе Бѣляева, Чевакинскій мнѣ не говорилъ. Еще о духовномъ завѣщаніи Бѣляева мнѣ извѣстно слѣдующее отъ родственника моего Александра Степановича Безсонова. Безсоновъ встрѣтилъ у какого-то Кузнецова какого-то господина, фамилію котораго я забылъ, который разсказывалъ будто Карагановъ гдѣ-то на пароходѣ, будучи въ нетрезвомъ видѣ, при всѣхъ открыто говорилъ, что онъ подписалъ завѣщаніе именемъ Бѣляева и что онъ получилъ за это что то (что именно не помню) отъ Мясникова или отъ Мясниковыхъ. Кромѣ того я слышалъ отъ повѣреннаго Бѣляевой, Погожева, что сохранная росписка отъ имени Бѣляева въ 272 тысячи рублей была подложная и что, заключая съ Бѣляевой условіе, Александръ Мясниковъ не передалъ ее въ руки Бѣляевой, а въ ея глазахъ уничтожилъ росписку. Затѣмъ на вопросы Ижболдина Герасимовъ объяснилъ: Чевакинскій не говорилъ, что Мясниковы пойдутъ въ Сибирь, если онъ предъявитъ завѣщаніе, но вообще говорилъ, что они пойдутъ подъ судъ, и при этомъ называлъ ихъ мошенниками, ограбившими Бѣляеву, и высказывалъ, что если онъ не предъявилъ завѣщанія, то они еще могутъ избавиться отъ суда. Безсоновъ дѣйствительно мнѣ говорилъ, что однажды бывши въ гостяхъ у Сицилинскаго, встрѣтилъ тамъ сестру покойнаго Бѣляева Ремянникову, и когда Сицилинскій провожалъ Ремянникову въ передней, то онъ Безсоновъ, спросилъ у жены Сицилинскаго или другой какой нибудь женщины изъ его семейства: кто это; ему женщина та отвѣчала, что это сестра Бѣляева; тогда Безсоновъ, слышавши о фальшивости завѣщанія Бѣляева, завелъ объ этомъ рѣчь; при чемъ женщина эта сказала: „нѣтъ, оно не фальшиво, а подписано Сицилинскимъ послѣ смерти Бѣляева"; а вѣрнувшійся на этотъ разговоръ Сицилинскій сказалъ Безсонову: „ты смотри меня не погуби". Это разсказывалъ мнѣ Безсоновъ въ 1865 или 66 году; вскорѣ послѣ смерти Сицилинскаго я напомнилъ ему объ этомъ разговорѣ, но уже онъ объ немъ совсѣмъ забылъ, такъ какъ онъ очень разсѣянъ, и послѣ моихъ

напоминаній съ большимъ трудомъ вспомнилъ этотъ разговоръ и добавилъ, что впослѣдствіи ему не случалось слышать въ семействѣ Сицилинскаго подтвержденія тѣхъ словъ. На вопросы г. Сысоева: Мясниковъ бывалъ въ казенной палатѣ по дѣлу о взысканіи пошлинъ не въ качествѣ повѣреннаго Бѣляевой, а отъ своего собственнаго имени, онъ бывалъ раза два, а повѣренный его Бильбасовъ бывалъ довольно часто. По этому же дѣлу Александръ Мясниковъ вмѣстѣ съ Бильбасовымъ былъ у меня однажды на квартирѣ въ Васильевскомъ винномъ городкѣ. Видалъ ли его кто нибудь, кромѣ меня, въ моей квартирѣ, не знаю. Находилась ли Бѣляева при сличеніи подписей своего мужа, Чевакинскій говорилъ ли мнѣ или нѣтъ, не помню, но помню, что по словамъ Чевакинскаго и Брянцева, при этомъ находились Брянцевъ, Погожевъ и еще нѣсколько человѣкъ. Александръ Мясниковъ и Бильбасовъ предлагали мнѣ деньги 500 рублей за то, чтобы остановить дѣло, не отыскивать утайки пошлинъ. Цифру 500 рублей мнѣ сказалъ Бильбасовъ, Мясниковъ же только намекалъ мнѣ на это и вручилъ мнѣ 100 рублей, которыя я возвратилъ Бильбасову. (Подписали) Герасимовъ, Макалинскій, Ижболдинъ, Сысоевъ, Германъ.

ПРОТОКОЛЪ.

1868 года, августа 27 дня, судебный слѣдователь 5 участка г. С.-Петербурга Макалинскій, въ канцеляріи своей, допрашивалъ безъ присяги, но съ предвареніемъ о ней, младшаго чиновника по управленію перевозки почтъ по желѣзнымъ дорогамъ Викентія Тимофѣева Парфененкова въ присутствіи Ижболдина, Сысоева и Германа и онъ показалъ:

Отъ роду мнѣ 29-й годъ, вѣры православной, подъ судомъ не былъ, проживаю Казанской части 1 участка по Невскому въ домѣ № 21, и завтра уѣзжаю въ Воронежъ, гдѣ и будетъ мое постоянное мѣстопребываніе; съ купцомъ Иваномъ и женою его Анною Ижболдиными, Александромъ и Иваномъ Мясниковыми и Амфилогіемъ Карагановымъ ни какихъ особыхъ отношеній не имѣю, Ижболдина и Караганова я знаю потому, что мы въ

одно время служили у Красильникова; офицера Мясникова я видѣлъ только въ почтамтѣ, когда онъ получалъ деньги, а брата его вовсе не знаю. Покойнаго Козьму Бѣляева и жену его я не зналъ. О духовномъ завѣщаніи Бѣляева и о томъ, что производится о немъ дѣло я слыхалъ изъ разговоровъ у Красильникова, но о фальшивости завѣщанія я узналъ тогда, когда Чевакинскій пріѣзжалъ къ Красильникову для свиданія съ Ижболдинымъ. Тамъ Чевакинскій при мнѣ говорилъ, что напрасно нападаютъ на вдову Бѣляева, что вовлечена безвинно, что Мясниковы привезли ей завѣщаніе послѣ смерти мужа, какъ онъ слышалъ отъ самой Бѣляевой, что подпись Бѣляева на завѣщаніи не сходна съ подписями его въ дѣлахъ опеки, что онъ сличалъ эти подписи, что въ особенности въ подписи на завѣщаніи нѣтъ одного секрета, а именно точки и что если завѣщаніе будетъ представлено, то Мясниковымъ будетъ плохо. Это же подтверждалъ и пріѣзжавшій съ Чевакинскимъ Брянцевъ. Это было въ іюнѣ или іюлѣ 1865 года. Болѣе мнѣ о фальшивости завѣщанія Бѣляева ничего неизвѣстно. Прошлою зимою или въ началѣ весны Александръ Федоровичъ Матвѣевъ, у котораго я занимался дѣлами, говорилъ мнѣ, что однажды, когда онъ шелъ по большой Морской, то на углу Кирпичнаго переулка встрѣтился съ какимъ-то офицеромъ, который зазвалъ его къ Борелю, угощалъ его и между прочимъ предупреждалъ его, что если онъ будетъ давать показанія противъ Мясниковыхъ по дѣлу о духовномъ завѣщаніи Бѣляева, то его лишатъ пенсіи и вышлютъ изъ Петербурга. Болѣе по этому дѣлу показать не имѣю. Подлинное подписали: младшій разъѣздный чиновникъ по управленію перевозки почтъ по желѣзнымъ дорогамъ Вик. Парфененковъ, судебный слѣдователь Макалинскій и находившіеся при допросѣ: Повѣренный купчихи Анны Ижболдиной коллежскій ассессоръ Павелъ Ивановъ Сысоевъ, коллежскій секретарь Николай Семеновъ Германъ и купецъ Иванъ Алексѣевъ Ижболдинъ.

ПРОТОКОЛЪ.

1868 года, августа 20 дня, въ г. Ставрополѣ судебный

слѣдователь ставропольскаго окружнаго 1-го участка ставропольскаго уѣзда вслѣдствіе требованія судебнаго слѣдователя 5 участ- г. С.-Петербурга отъ 2 сего августа за № 2194, по дѣлу о составленіи подложнаго духовнаго завѣщанія отъ имени купца Козьмы Васильевича Бѣляева нижепоименованнаго допрашивалъ, при чемъ онъ показалъ:

Звать меня Амфилогій Александровъ Карагановъ, отъ роду мнѣ 34 года, вѣроисповѣданія православнаго, женатъ, дѣтей не имѣю, подъ судомъ и слѣдствіемъ не былъ, получилъ воспитаніе въ Яренскомъ, Вятской губерніи, уѣздномъ училищѣ. У Александра Мясникова я служилъ около трехъ лѣтъ собственно лично ему, да около 10 лѣтъ прежде я служилъ по дѣламъ Мясниковыхъ, когда еще былъ живъ дѣдъ Александра Мясникова, Иванъ Федоровичъ Мясниковъ. Въ послѣднее трехлѣтіе служенія моего у Мясникова я былъ конторщикомъ и получалъ кромѣ стола и квартиры чистаго жалованья около 600 руб. серебр. Въ концѣ уже 1858 или началѣ 1859 года, мнѣ было прибавлено жалованья и я сталъ получать около 1200 руб. въ годъ, отошедши отъ Мясниковыхъ въ концѣ 1859 года я вновь поступилъ къ нему на службу въ 1866 году и таковую продолжаю и теперь. У двоюроднаго моего брата, потомственнаго почетнаго гражданина Александра Федорова Красильникова, я бывалъ довольно часто какъ до, такъ и послѣ смерти купца Козьмы Бѣляева; когда Красильникова я не заставалъ дома, то или возвращался назадъ, или же отправлялся къ его родственникамъ, жившимъ въ особыхъ покояхъ, но въ кабинетъ Красильникова во время его отсутствія я не заходилъ туда самъ одинъ, если же случалось заходить съ его родственниками, то я по уходѣ ихъ самъ одинъ никогда тамъ не оставался. Въ подписи имени умершаго въ 1858 году, кажется въ сентябрѣ мѣсяцѣ, купца Козьмы Бѣляева я никогда не упражнялся. Выѣзжалъ ли Красильниковъ въ томъ же 1858 году въ Олонецкую губернію не помню, а также не помню и того, говорилъ-ли я ему, что Александромъ Мясниковымъ мнѣ даны паи въ дѣлахъ и спрашивалъ ли его какія взять акціи, а также говорилъ ли я Красильникову о своемъ желаніи войти въ компанію прачешнаго общества или о томъ, что задумываю о какихъ нибудь коммерческихъ предпріятіяхъ. Очень можетъ быть, что все это я и говорилъ Кра-

сильникову. Паи дѣйствительно мнѣ были даны Мясниковымъ и очень можетъ быть, что я въ концѣ 50 годовъ и былъ намѣренъ вступить съ кѣмъ-либо въ компанію по какому либо предпріятію. У меня въ то время были деньги, скопленныя мною изъ получаемаго отъ Мясникова жалованья и наградъ, и таковыхъ можетъ быть тогда было у меня достаточно для того, чтобы участвовать въ какихъ либо незначительныхъ торговыхъ предпріятіяхъ. Если я въ маѣ или вообще въ серединѣ 1859 года лучше одѣвался, чѣмъ прежде, то это совершенно зависѣло отъ моего желанія. Можетъ быть даже что въ то время былъ у меня бриллiантовый перстъ. Я получалъ, какъ выше сказано, въ 1859 году жалованья больше чѣмъ прежде и такую сумму, на которую можно было имѣть хорошее платье. Очень можетъ быть, что Красильниковъ въ маѣ 1859 года и говорилъ мнѣ, что обо мнѣ носятся дурные слухи, могло случиться, что я при этомъ смутился и обѣщая по его приглашенію къ нему зайдти, не исполнилъ этого. Извѣщеніе Красильникова я, не чувствуя за собою никакого преступленія, могъ отнести къ сплетнямъ, а если я и смутился, выслушавъ слова Красильникова, то можетъ быть потому, что для меня была крайне непріятна какая либо касающаяся меня дурная, порочная молва. Съ оперной пѣвицей Обольяниновой я обвѣнчался дѣйствительно не гласно во 1-хъ для того, чтобы избавиться отъ расходовъ, которые при моихъ ограниченныхъ средствахъ были бы для меня весьма ощутительны, а неминуемо сопряженныхъ съ свадьбою; во 2-хъ потому, что между мною и невѣстой вопросъ о вѣнчаніи рѣшенъ былъ весьма быстро по его возбужденіи. Посаженнымъ отцомъ у меня Александръ Мясниковъ не былъ; кто же именно былъ посаженнымъ отцемъ не помню. По причинѣ дороговизны Петербургской жизни, въ особенности для семейныхъ людей, я послѣ свадьбы въ началѣ іюля или въ концѣ іюня 1859 года оставилъ С.-Петербургъ, поѣхалъ управляющимъ на Комаровскій винокуренный заводъ. Мѣсто это дано было мнѣ Мясниковымъ вслѣдствіе моей просьбы. Не желая продолжать службу у Мясникова, я въ концѣ того же 1859 года оставилъ Комаровскій заводъ и переѣхалъ въ Казань, тамъ я открылъ хлѣбную торговлю; торговлю эту я велъ болѣе въ кредитъ, чѣмъ на свои собственныя средства.

Въ день смерти купца Бѣляева я находился въ Петербургѣ.

О томъ, что Бѣляевъ оставилъ завѣщаніе я слышалъ послѣ его смерти, но черезъ сколь продолжительное время, не помню. О содержаніи этого завѣщанія я совершенно ничего не знаю и ни отъ кого не слышалъ. Самъ ли Бѣляевъ подписался на завѣщаніи, написанномъ отъ его имени, или подъ его руку росписался за него кто либо другой, мнѣ неизвѣстно; какимъ образомъ появилось это завѣщаніе я не знаю и не слышалъ. Если только завѣщаніе написано въ послѣдніе дни жизни Бѣляева, то по причинѣ слабости его здоровья, если онъ былъ слабъ, можетъ быть оно не было написано его рукою и весьма могло быть, что по этой же самой причинѣ онъ не подписался на завѣщаніи полнымъ своимъ званіемъ, а также можетъ быть и то, что это же обстоятельство было причиною, что онъ за подписью по прямой линіи поодаль не поставилъ точку; ставилъ ли онъ всегда эту точку, я не знаю. Если правда, что въ завѣщаніи слово Козьма похоже на мой почеркъ, то это обстоятельство я объясняю просто сходствомъ почерковъ, что бываетъ весьма нерѣдко. На листѣ въ подписи Бѣляева я не упражнялся, а поэтому и о сходствѣ слова „Бѣляевъ“ съ подписью на какомъ-то листѣ я ничего не могу сказать. Въ какомъ состояніи находился купецъ Бѣляевъ 10 мая 1858 г. я не знаю. Коллежскому секретарю Николаю Семенову Герману я никогда не сознавался въ подписи за купца Козьму Бѣляева на оставшемся послѣ него завѣщаніи; ни на одной бумагѣ я не писалъ словъ „Бѣляевъ Козьма“ и этого Мясниковъ отъ меня никогда не требовалъ. Купецъ Иванъ Алексѣевъ Ижболдинъ никогда ни въ домѣ Красильникова и ни гдѣ не уличалъ меня въ томъ, что будто бы я подписался за купца Бѣляева на завѣщаніи, написанномъ отъ имени послѣдняго, а также и въ томъ, что будто бы я сдѣлалъ фальшивыя подписи отъ имени Бѣляева же на двухъ банковыхъ билетахъ. Предъявленныя мнѣ бумаги: 1) росписка, 2) объ отборѣ денегъ за 25 апрѣля 1866 года и 3) объ отборѣ денегъ 28 марта того же года написаны моею рукою, а также на предъявленномъ мнѣ расчетномъ листѣ сдѣланы моею же рукою росписки въ полученіи денегъ. Для меня рѣшительно все равно, будутъ ли поручикъ Николай Шевелевъ, служившій у Александра Мясникова и камердинеръ Бѣляева Василій Михайловъ Китаевъ относительно меня спрошены подъ присягой или безъ нея. Прямой почеркъ моей руки, когда я буду

ставить буквы вертикально въ нижеписанныхъ словахъ таковъ: Кавказъ, кука, лишенъ, бѣлый, бляха, К. Бѣляевъ, Козьма Бѣляевъ. Подлинный подписалъ: с.-петербургскій мѣщанинъ Амфилогій Александровъ Карагановъ, допрашивалъ судебный слѣдователь Болдыревъ.

ПРОТОКОЛЪ.

1868 года, августа 20 дня, судебный слѣдователь ставропольскаго окружнаго суда 1 участка ставропольскаго уѣзда составилъ настоящій протоколъ въ томъ, что по допросѣ мѣщанина Амфилогія Караганова ему было предложено своею рукою переписать черновой протоколъ даннаго имъ показанія, но онъ Карагановъ отозвался, что онъ не желаетъ написать ни одной строки. Подлинный подписалъ судебный слѣдователь Болдыревъ, при семъ находился губернскій секретарь Федотъ Федоровъ.

ПОСТАНОВЛЕНІЕ

1868 г., августа 20 дня, судебный слѣдователь ставропольскаго окружнаго суда 1 участка ставропольскаго уѣзда постановилъ: Такъ какъ мѣщанинъ Амфилогій Карагановъ до написанія на бѣло отобраннаго отъ него показанія, вопреки требованія судебнаго слѣдователя, неизвѣстно куда скрылся изъ канцеляріи слѣдователя и въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ не является для подписи своего показанія, то поэтому изготовивъ повѣстку о приводѣ его, Караганова, къ слѣдствію, таковую передать полицейскому служителю Ивану Поздняку и приказать ему розыскать Караганова и представить его въ канцелярію слѣдователя. Подлинное подписалъ судебный слѣдователь Болдыревъ.

ПРОТОКОЛЪ.

1868 года, сентября 3 числа, въ 1 часу дня, судебный слѣ-

дователь 5 участка г. С.-Петербурга Макалинскій, въ канцеляріи своей, составилъ сей протоколъ о томъ, что въ присутствіи купца Ивана Ижболдина и повѣренныхъ его Сысоева и Германа допрашивалъ безъ присяги, но съ предвареніемъ о ней, отставнаго коллежскаго ассесора Михаила Илларіоновича Погожева, и онъ показалъ: въ дополненіе къ своему показанію отъ 20 минувшаго іюля; чиновника Ефима Федорова Герасимова я не знаю. Въ казенной палатѣ по дѣлу Бѣляевой о взысканіи съ нея крѣпостныхъ пошлинъ, я бывалъ и можетъ быть высказывалъ столоначальнику свое мнѣніе о томъ, что въ роспискѣ отъ имени покойнаго Бѣляева въ пользу Мясниковыхъ въ 272 т. руб. что-то странно. Мнѣніе это я основалъ на томъ, что Мясниковы, какъ я слышалъ отъ Бѣляевой, при заключеніи контракта или условія, не возвратили ей этой росписки. Но что они сдѣлали съ этою роспискою, я отъ Бѣляевой не слыхалъ и не знаю. Также неслыхалъ я отъ Бѣляевой, чтобы росписка та была подложная. Затѣмъ на вопросы Ижболдина Погожевъ объяснилъ: Брянцева я не зналъ и не видалъ, отъ Бѣляевой я не слыхалъ, чтобы она сомнѣвалась въ подлинности завѣщанія своего мужа, самъ же я всегда удивлялся, что духовное завѣщаніе такое коротенькое и подписано только словами: „Козьма Бѣляевъ.“ Послѣ сего на вопросы Германа, Погожевъ показалъ: при встрѣчѣ съ Германомъ я ему не говорилъ, чтобы слышалъ отъ Бѣляевой будто бы духовная ея мужа фальшивая, а можетъ быть высказывалъ свое мнѣніе. У Бѣляева жила какая-та чиновница Махаева, которой можетъ быть извѣстны всѣ дѣла Бѣляевой, — потому что она кажется жила у нея въ домѣ во время смерти покойнаго Бѣляева; отъ Махаевой я о составленіи духовнаго завѣщанія ничего неслыхалъ. Подлинный подписали: коллежскій ассесоръ Михаилъ Ларіоновъ Погожевъ, судебный слѣдователь Макалинскій и находившіеся при допросѣ: купецъ Иванъ Ижболдинъ, коллежскій секретарь Германъ и повѣренный купчихи Анны Ижболдиной коллежскій ассесоръ Павелъ Сысоевъ.

Спрошенный того же числа безъ присяги, но съ предвареніемъ о ней, коллежскій ассесоръ Ефимъ Федоровъ Герасимовъ, въ присутствіи купца Ивана Ижболдина, повѣренныхъ его Сысоева и Германа и прибывшаго капитана Александра Мясникова, въ до-

полненіе къ своему показанію отъ 27 минувшаго августа объяснилъ:

Должно быть въ 1865 году, кажется я самъ предложилъ Ижболдину познакомить его съ родственникомъ моимъ Безсоновымъ, который разсказывалъ мнѣ кое-что о завѣщаніи Бѣляева и по моему мнѣнію могъ оказать Ижболдину содѣйствіе для доказательства фальшивости этого завѣщанія. По согласію Ижболдина и Безсонова я ихъ и познакомилъ. Познакомившись съ Ижболдинымъ, Безсоновъ наводилъ справки объ этомъ дѣлѣ, но почему онъ затѣмъ пересталъ принимать участіе въ этомъ дѣлѣ, я не помню, вѣроятно отъ того, что дѣло это заглохло въ ожиданіи гласнаго суда. Разговора, въ которомъ бы Сицилинскій и жена его отозвались, что толки о фальшивости завѣщанія Бѣляева пустяки, мнѣ Безсоновъ не передавалъ. Разговоръ же свой въ домѣ Сицилинскаго съ женщиной, о томъ будто завѣщаніе Бѣляева подписано Сицилинскимъ послѣ смерти Бѣляева, передалъ мнѣ Безсоновъ, кажется до знакомства его съ Ижболдинымъ. Сколько мнѣ помнится, именно это обстоятельство и побудило меня предложить Ижболдину познакомить его съ Безсоновымъ. Не помню чтобы Безсоновъ говорилъ мнѣ, чтобы я съ дѣломъ Ижболдина болѣе къ нему не обращался. На вопросы Сысоева Герасимовъ показалъ: я полагалъ, что Безсоновъ можетъ оказать содѣйствіе Ижболдину какъ своимъ ходатайствомъ, такъ и свѣдѣніями. Знакомя Безсонова съ Ижболдинымъ, я не имѣлъ никакой опредѣленной цѣли, кромѣ того, что такъ какъ интересъ Ижболдина связанъ съ интересомъ казны, то я считалъ, что можетъ быть изъ этого выйдетъ польза для казны. Ижболдинъ ли желалъ участія въ его дѣлѣ Безсонова, или самъ Безсоновъ искалъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ, я сказать не могу. Указывая Ижболдину на Безсонова, я сообщалъ ему, что Безсоновъ имѣетъ огромное знакомство съ вліятельными людьми, содѣйствіе которыхъ можетъ дать законный ходъ дѣлу. Подлинный подписали: коллежскій ассесоръ Ефимъ Федоровъ Герасимовъ, судебный слѣдователь Макалинскій и находившіеся при допросѣ: купецъ Иванъ Ижболдинъ, повѣренный купчихи Анны Ижболдиной коллежскій ассесоръ Павелъ Сысоевъ, коллежскій секретарь Германъ и капитанъ Александръ Константиновъ Мясниковъ.

ПРОТОКОЛЪ.

1868 года, сентября 3 числа, въ 2 часа дня, судебный слѣдователь 5 участка г. С.-Петербурга Макалинскій, въ канцеляріи своей, составилъ сей протоколъ о томъ, что въ присутствіи купца Ижболдина, повѣренныхъ Сысоева и Германа и Капитана Александра Мясникова, допрашивалъ безъ присяги, но съ предвареніемъ о ней, статскаго совѣтника Александра Степанова Безсонова, въ дополненіе къ показанію отъ 2 минувшаго августа, и онъ объяснилъ:

Ефиму Федоровичу Герасимову я не говорилъ, будто слышалъ у Кузнецова, что Карагановъ на пароходѣ сознавался въ томъ, что онъ подписалъ завѣщаніе отъ имени Бѣляева, а передавалъ я ему и другимъ, что когда я былъ у Кузнецова и зашелъ разговоръ о завѣщаніи Бѣляева, то Кузнецовъ сказалъ, что онъ слышалъ, будто завѣщаніе это фальшиво и подписавшаго это завѣщаніе человѣка Мясниковы куда-то сослали. При этомъ Кузнецовъ прибавилъ, что онъ поѣдетъ въ Москву и тамъ объ этомъ дѣлѣ лучше разузнаетъ. Кузнецовъ этотъ скрылся и неизвѣстно гдѣ находится. Сестру покойнаго Бѣляева Ремянникову я не знаю, и встрѣчалъ ли ее у Сицилинскаго, объяснить не могу. Когда у меня былъ разговоръ съ женою Сицилинскаго и самимъ Сицилинскимъ о духовномъ завѣщаніи Бѣляева,—о чемъ я показалъ на допросѣ 2 августа, то на этотъ разговоръ подошла бывшая съ отцемъ въ ссорѣ дочь Сицилинскаго Татьяна Васильевна Крутицкая, и когда я сказалъ ей со смѣхомъ: „вотъ что говорятъ о вашемъ батюшкѣ,“ она отвѣчала мнѣ „Богъ ихъ знаетъ, что они дѣлаютъ, не мое дѣло.“ Но о томъ, чтобы завѣщаніе Бѣляева было подписано Сицилинскимъ послѣ смерти Бѣляева, мнѣ ни кто не говорилъ, и я этого Герасимову не передавалъ—Сицилинскій мнѣ не говорилъ: „ты, смотри не погуби меня;“ ходатайство мое по дѣлу Ижболдина ограничилось справкою въ коммисіи прошеній. Подлинный подписали: статскій совѣтникъ Александръ Безсоновъ, судебный слѣдователь Макалинскій и находившіеся при допросѣ: купецъ Иванъ Ижболдинъ, повѣренный купчихи Анны Ижболдиной кол-

лежскій ассессоръ Пав. Сысоевъ, коллежскій секретарь Германъ и капитанъ Александръ Константиновичъ Мясниковъ.

ПРОТОКОЛЪ.

1868 года, сентября 3 числа, въ 3 часа дня, судебный слѣдователь 5 участка г. С.-Петербурга Макалинскій, въ канцеляріи своей, допрашивалъ безъ присяги, но съ предвареніемъ о ней, крестьянина Московской губ. Подольскаго уѣзда, деревни Варварина, Василія Матвѣева, въ присутствіи Ижболдина, Сысоева, Германа и Александра Мясникова, и онъ показалъ:

Отъ роду мнѣ 57 годъ, вѣры я православной, подъ судомъ не былъ, проживаю по Верейской улицѣ въ домѣ Серединкина подъ № 30, въ прошломъ году я дѣйствительно жилъ на углу Измайловскаго проспекта и 4 роты въ домѣ Томилова, но дворникомъ въ домѣ купца Бѣляева на Знаменской улицѣ и вообще въ той странѣ, никогда не жилъ. Подписалъ крестьянинъ Василій Матвѣевъ.

Спрошенная затѣмъ жена крестьянина Василія Матвѣева Елена Иванова объяснила:

Ни въ домѣ купца Бѣляева ни у гг. Мясниковыхъ не жила и не служила. Подлинный подписали: за неграмотностью Елены Ивановой по личной просьбѣ мужъ ея Василій Матвѣевъ, судебный слѣдователь Макалинскій и находившійся при допросѣ: повѣренный купчихи Ижболдиной Пав. Сысоевъ, купецъ Иванъ Ижболдинъ, коллежскій секретарь Николай Германъ и капитанъ Александръ Константиновъ Мясниковъ.

ПРОТОКОЛЪ.

1868 года, сентября 3 числа, въ 3 часу дня, судебный слѣдователь 5 участка г. С.-Петербурга Макалинскій, въ канцеляріи своей, составилъ протоколъ о томъ, что явился къ слѣдователю столярный мастеръ Федоръ Ивановъ Штеммеръ и представилъ сдачу мебельнаго магазина Фридрихсгамскаго первостатейнаго

купца Козьмы Васильева Бѣляева, которую я въ прошедшемъ мѣсяцѣ, въ первыхъ числахъ,—взялъ у слѣдователя. Подлинный подписали: Федоръ Штеммеръ и судебный слѣдователь Макалинскій.

Вслѣдствіе отношенія судеб. слѣдователя 5 участка г. С.-Петербурга отъ 28 августа 1868 г. за № 2409 по производимому имъ слѣдствію по жалобѣ Царскосельскаго 2 гил. купца Ивана Алексѣева и жены его Анны Николаевой Ижболдиныхъ, обвиняющихъ капитана Александра и коллежскаго ассесора Ивана Константиновыхъ Мясниковыхъ и мѣщанина Амфилогія Александрова Караганова, въ составленіи отъ имени Фридрихсгамскаго первостатейнаго купца Козьмы Васильева Бѣляева, подложнаго домашняго духовнаго завѣщанія отъ 10 мая 1858 года въ пользу жены Екатерины Васильевой Бѣляевой, предложены г. капитану Василію Васильеву Попову въ присутствіи Ревельской управы благочинія слѣдующіе вопросы:

1) Въ какихъ отношеніяхъ находились или находитесь вы съ Ижболдиными, Мясниковыми и Карагановымъ?

Ижболдиныхъ я не знаю и невидалъ ихъ, Мясниковыхъ же я знаю и они приходятся мнѣ родными племянниками; Караганова же я очень мало знаю и почти не знакомъ съ нимъ.

2) Что вамъ извѣстно о составленіи духовнаго завѣщанія?

О составленіи духовнаго завѣщанія я ничего не знаю и невидалъ его.

3) Были ли вы вмѣстѣ съ повѣреннымъ Бѣляевой, Иваномъ Михайловичемъ Чевакинскимъ у коллежскаго ассесора Константина Игнатьевича Шимановскаго, а также были ли вы у Шимановскаго одинъ и если были, то для какой надобности?

Былъ вмѣстѣ съ Иваномъ Михайловичемъ Чевакинскимъ, потомъ одинъ, у коллежскаго ассесора Константина Игнатьевича Шимановскаго и просили его похлопотать о переводѣ моемъ въ С.-Петербургскій губернскій баталіонъ или въ жандармы.

4) Говорили ли Шимановскому, что будто вы слыхали отъ сестры своей, что завѣщаніе и сохранная росписка мужа ея фаль-

Разговоровъ же я съ г. Шимановскимъ о фальшивомъ завѣщаніи и сохранной роспискѣ никакихъ не имѣлъ, исключая

шивая, составленная Мясниковыми, что контрактъ также не законный, что Мясниковы въ первую ночь послѣ смерти Бѣляева, обобравъ весь кабинетъ мужа ея, увезли все къ себѣ и тогда по осмотрѣ, завѣщанія не было, и если говорили то когда, по какому случаю и при комъ слыхали вы это отъ Бѣляевой и какъ именно она вамъ объ этомъ разсказывала?

перевода моего, о которомъ я его просилъ и онъ мнѣ обѣщалъ хлопотать.

5) Говорили ли вы также Шимановскому, что въ числѣ имущества Бѣляева, захваченнаго Мясниковыми, находился и вашъ билетъ въ 1000 или 2000 рублей, который взяли у васъ Бѣляевы для того, чтобы пустить его въ оборотъ и тѣмъ дать вамъ случай получить выгоду, но что этого билета вы никакъ не можете получить отъ Мясниковыхъ и были у нихъ нѣсколько разъ, но они только обѣщали, но отговаривались, что онъ находится еще въ дѣлахъ и ими не полученъ: и если говорили, то на какомъ основаніи и дѣйствительно ли было такъ, какъ вы разсказывали?

О билетѣ же своемъ, по давности времени, не могу припомнить говорилъ ли я что нибудь г. Шимановскому.

6) Не извѣстно ли вамъ: гдѣ, когда и кѣмъ найдено завѣщаніе, оказавшееся по смерти Бѣляева и когда и при какихъ обстоятельствахъ Екатерина Васильевна Бѣляева узнала о существованіи завѣщанія и уви-

Неизвѣстно.

дѣла его, и если извѣстно, то что именно, какимъ образомъ и отъ кого?

7) Не слыхали ли вы чего нибудь по этому дѣлу отъ Мясниковыхъ и лицъ, жившихъ въ домѣ покойнаго Бѣляева и не извѣстно ли вамъ по этому дѣлу еще какія либо обстоятельства?

Не слыхалъ и неизвѣстно мнѣ было ничего. (Подписалъ): капитанъ Поповъ.

1868 года, сентября 18 дня, судебн. слѣдователь Щировскій, согласно требованію судебн. слѣдователя 5 участка г. С.-Петербурга, нижеписаннаго спрашивалъ:

Василій Денисовъ, отъ роду имѣю 26 лѣтъ, вѣры православной, у исповѣди и св. причастія каждый годъ бываю, грамотѣ умѣю, судимъ не былъ, бывшій дворовый человѣкъ помѣщика Мясникова, а нынѣ приписавшійся къ Батуринской волости жительство имѣю не въ дер. Ведневкѣ, а въ Терешинѣ Батуринской волости, показываю: Царскосельскаго купца Ивана Алексѣева и жену его Анну Николаеву Ижболдиныхъ я вовсе не знаю; капитана Александра и коллежскаго ассесора Ивана Константиновичей Мясниковыхъ и купеческаго сына Амфилогія Александрова Караганова я зналъ потому, что первые изъ нихъ были мои владѣльцы, а Карагановъ находился управляющимъ въ конторѣ Мясниковыхъ, въ особыхъ же отношеніяхъ я какъ съ Мясниковыми, такъ и съ Карагановымъ никогда не находился. Въ услуженіи у Козьмы Васильева Бѣляева я находился съ 1855 года по 1861 годъ въ должности лакея. Во время смерти купца Козьмы Васильева Бѣляева, я въ услуженіи у него находился; и кромѣ меня въ то время еще было у него, Бѣляева, въ услуженіи два человѣка: Василій Михайловъ и Александръ Петровъ, званія же ихъ и мѣста жительства я не знаю. Какія именно бумаги вынесъ въ день смерти Бѣляева изъ его кабинета Александръ Мясниковъ, для какой надобности и кто въ этомъ ему Мясникову помогалъ я не знаю. О желаніи Бѣляева составить завѣщаніе въ пользу жены своей Екатерины Васильевой, а равно и о томъ, что уже отъ Бѣляева составлено завѣщаніе отъ 10 мая 1858 г. я

ни отъ Бѣляева и ни отъ кого не слыхалъ. Означеннаго духовнаго завѣщанія я не видалъ и не знаю, почему оно писано не собственноручно Бѣляевымъ, а другимъ какимъ то мнѣ не извѣстнымъ лицомъ Макаромъ Афиногеновымъ Целебровскимъ. Когда и кѣмъ найдено было упомянутое духовное завѣщаніе Бѣляева отъ 10 мая 1858 года, мнѣ совершенно не извѣстно. По какому случаю на завѣщаніи тамъ подписались свидѣтелями протоіерей Василій Сицилинскій и медикъ коллежскій ассесоръ Ѳедоръ Ивановъ Отто, я тоже не знаю; а равно мнѣ не извѣстно составлено ли это завѣщаніе самимъ Бѣляевымъ, или кѣмъ другимъ послѣ его смерти. Разговоровъ о фальшивости духовнаго завѣщанія, оказавшагося послѣ смерти купца Козьмы Васильева Бѣляева, я не слыхалъ. По сему предмету относительно составленія духовнаго завѣщанія мнѣ совершенно ничего не извѣстно. (Подписали): Денисовъ, Щиповскій.

ПРОТОКОЛЪ.

1868 года, сентября 25 числа, судебный слѣдователь 5 участка г. С.-Петербурга Макалинскій, разсмотрѣвъ предварительное слѣдствіе по жалобѣ Царскосельскаго купца Ивана Алексѣева и жены его Анны Николаевой Ижболдиныхъ, обвиняющихъ братьевъ Александра и Ивана Константиновыхъ Мясниковыхъ и мѣщанина Амфилогія Александрова Караганова въ составленіи подложнаго домашняго духовнаго завѣщанія отъ 10 мая 1858 г. отъ имени Фридрихсгамскаго первостатейнаго купца Козьмы Васильева Бѣляева въ пользу жены его Екатерины Васильевой, нашелъ, что слѣдователь постановленіемъ отъ 22 августа заключилъ сообщить прокурору С.-Пб. окружнаго суда копію съ упомянутаго постановленія для представленія г. Министру юстиціи о сдѣланіи сношенія съ Швейцарскимъ правительствомъ о допросѣ въ качествѣ свидѣтеля безъ присяги, но съ предвареніемъ о ней находящагося въ Женевѣ въ улицѣ Bonivard. № 8 отставнаго подпоручика, а нынѣ провинціальнаго секретаря Николая Шевелева, что и исполнено посылкою г. прокурору копіи съ постановленія при сообщеніи отъ 22-го же августа за № 2368. Признавая въ настоящее время необходимымъ предложить Шевелеву, кромѣ вопро-

совъ, означенныхъ въ постановленіи слѣдователя отъ 22 августа еще слѣдующіе: 1) писалъ ли онъ 4 апрѣля 1866 года Ивану Алексѣевичу Ижболдину письмо по дѣлу о фальшивомъ духовномъ завѣщаніи Козьмы Васильевича Бѣляева; 2) если писалъ, то по какому поводу; гдѣ онъ, Шевелевъ, въ то время находился, а также гдѣ тогда находился Ижболдинъ; 3) по чему онъ Шевелевъ, обстоятельства, изложенныя въ письмѣ, не передалъ лично Ижболдину, если же письмо это написано по просьбѣ Ижболдина, то какую Ижболдинъ приводилъ причину для такой просьбы; 4) не слыхалъ ли онъ, Шевелевъ, отъ служившаго у Александра Мясникова надворнаго совѣтника Александра Федоровича Матвѣева что либо объ обстоятельствахъ составленія и подписанія духовнаго завѣщанія Козьмы Бѣляева и сохранной росписки Александру и Ивану Мясниковымъ въ 272 т. руб. и если слышалъ, то что именно, и 5) на оборотъ не сообщилъ ли онъ самъ Матвѣеву что либо и что именно объ обстоятельствахъ составленія и подписанія означенныхъ документовъ. Судебн. слѣдователь постановилъ: копію съ настоящаго постановленія для дальнѣйшихъ распоряженій о допросѣ Шевелева по изложеннымъ вопроснымъ пунктамъ препроводить къ г. прокурору С.-Пб. окружнаго суда въ дополненіе къ сообщенію отъ 22 августа за № 2368. (подписалъ) Макалинскій.

ПРОТОКОЛЪ.

1868 г. сентября 26 числа, въ 12 часовъ дня суб. слѣдователь 5 участка г. С.-Петербурга Макалинскій въ канцеляріи своей составилъ сей протоколъ о томъ, что въ присутствіи капитана Александра Константинова Мясникова, купца Ивана Алексѣева Ижболдина и повѣреннаго его губ. секретаря Германа присяжный повѣренный статскій совѣтникъ Адамъ Яцентьевичъ Каміонко, губ. секретарь Иванъ Андреевичъ Вангеровъ и титулярный совѣтникъ Степанъ Владиміровичъ Смирновъ представили выданныя имъ Иваномъ Алексѣевымъ Ижболдинымъ и женою его Анною Николаевою довѣренности на ходотайство по дѣлу о духовномъ завѣщаніи Бѣляева. Затѣмъ въ присутствіи вышеозначенныхъ

*

лицъ и понятыхъ, завѣдующихъ домами: Кучинскаго—полковника Константина Николаевича Меновскаго и Попова—крестьянина Тверской губерніи Зубцовскаго уѣзда Спасской волости Петра Павлова произведено было экспертами учителями чистописанія коллежскимъ ассесоромъ Александромъ Васильевичемъ Якимовымъ, колеж. ассесор. Андреемъ Дмитріевичемъ Лосевымъ, титулярн. совѣтн. Николаемъ Ефремовичемъ Лапшинымъ и колл. ассес. Александромъ Павловичемъ Поддубенскимъ сличеніе подписи „Козьма Бѣляевъ“ на духовномъ завѣщаніи отъ 10 мая 1858 г. съ подписями Козьмы Бѣляева на представленныхъ къ дѣлу письмахъ и документахъ, подписанныхъ Бѣляевымъ и съ почеркомъ С.-Пб. мѣщанина Амфилогія Александрова Караганова на имѣющихся въ дѣлѣ писанныхъ или подписанныхъ имъ бумагахъ. Для сличенія почерковъ кромѣ того Александромъ Мясниковымъ представлены шесть контрактовъ, одну копію съ контракта и двѣ копіи съ обязательствъ, подписанныхъ Бѣляевымъ; по сличеніи гг. эксперты: Якимовъ, Лосевъ, Лапшинъ и Поддубенскій на предложенные слѣдователемъ вопросы, объявили: 1). Оспариваемая подпись „Козьма Бѣляевъ“ на духовномъ завѣщаніи совершенно по характеру подходитъ къ предъявленнымъ настоящимъ его подписямъ и отличается только стилемъ самаго почерка, именно въ томъ, что на духовномъ завѣщаніи подпись нѣсколько крупнѣе; за тѣмъ если обратить вниманіе на нѣкоторую не твердость въ подписи на духовномъ завѣщаніи, то это можно объяснить тѣмъ, что Бѣляевъ въ маѣ мѣсяцѣ 1858 года, какъ сообщено экспертамъ судебнымъ слѣдователемъ, былъ боленъ, хотя положительно и неизвѣстно въ какой степени. Къ этому гг. Поддубенскій и Лапшинъ присовокупили: на духовномъ завѣщаніи въ подписи Козьмы Бѣляева въ словѣ: „Козьма“ буква ь имѣетъ большую разницу съ такими же буквами въ подписяхъ Бѣляева, съ которыми производилось сличеніе; буква же ъ не замѣчается въ тѣхъ подписяхъ Бѣляева, гдѣ есть въ словѣ „Бѣляевъ“ росчеркъ, между тѣмъ на завѣщаніи имѣется въ словѣ „Бѣляевъ“ и буква ъ и сдѣланъ послѣ нея росчеркъ; въ самыхъ росчеркахъ замѣчается разница, заключающаяся въ томъ, что въ росчеркѣ на завѣщаніи утолщеніе идетъ сверху, а въ другихъ подписяхъ Бѣляева утолщеніе внизу; во всемъ же остальномъ они, гг. Поддубенскій и Лапшинъ, согласно съ гг. Якимовымъ

и Лосевымъ, находятъ большое сходство; совершеннымъ же назвать этого сходства не могутъ, потому что подъ совершеннымъ сходствомъ они разумѣютъ тождественность, которая возможна только при снятіи подписи чрезъ стекло или подобными средствами и не встрѣчается даже въ одновременныхъ подписяхъ одного и того же лица. Что же касается до отсутствія точки на духовномъ завѣщаніи послѣ подписи Бѣляева, то всѣ гг. эксперты единогласно заключили, что обстоятельство это неимѣетъ никакого значенія, такъ какъ на нѣкоторыхъ изъ предложенныхъ на разсмотрѣніе документовъ также послѣ подписи Бѣляева нѣтъ точки; 2). Подпись „Козьма Бѣляевъ" неимѣетъ ни какого сходства съ почеркомъ мѣщанина Амфилогія Караганова, не смотря на то, что на допросѣ у судеб. слѣдователя онъ писалъ разными шрифтами, изъ которыхъ ни одинъ не похожъ на подпись Бѣляева; 3). Карагановъ, какъ видно изъ почерка его руки, въ особенности при допросѣ у суд. слѣдователя, можетъ по своему желанію измѣнять почеркъ своей руки, а можетъ ли онъ подписаться подъ руку Бѣляева, по мнѣнію гг. Якимова, Лапшина и Поддубенскаго, опредѣлить нельзя; по мнѣнію же г. Лосева, Карагановъ по твердости своего почерка не въ состояніи подписаться подъ дрожащую руку Бѣляева; 4). Подложная ли или подлинная подпись Бѣляева на завѣщаніи по мнѣнію гг. Поддубенскаго и Лапшина опредѣлить нельзя, такъ какъ это дѣло юристовъ, по мнѣнію же гг. Якимова и Лосева подпись Бѣляева на завѣщаніи сдѣлана скорѣе самимъ Бѣляевымъ, чѣмъ другимъ лицомъ. При производствѣ сличенія повѣренный Ижболдина Венгеровъ указалъ на то, что въ заключительныхъ словахъ завѣщанія „моя послѣдняя воля, въ томъ своеручно подписуюсь" буквы поставлены тѣснѣе, чѣмъ вообще въ текстѣ завѣщанія. Замѣчаніе это осмотромъ духовнаго завѣщанія подтвердилось, при чемъ гг. эксперты объявили, что большую тѣсноту буквъ они находятъ и въ началѣ завѣщанія, въ срединѣ же завѣщаніе писано болѣе разгонистымъ почеркомъ. Сличеніе почерковъ окончено въ три часа по полудни. (Подписали): Лосевъ, Якимовъ, Поддубенскій, Лапшинъ, Каміонко, Мяновскій, Павловъ, Венгеровъ, Германъ, Смирновъ, Мясниковъ, Ижболдинъ Макалинскій.

ПРОТОКОЛЪ.

1868 года, сентября 27 ч. суд. слѣдователь 5 уч. г. С.-Пб. Макалинскій, въ канцеляріи своей, составилъ сей протоколъ о томъ, что, вслѣдствіе предложенія прокурора С.-Пб. окружн. суда отъ 21 сентября за № 13081, допрашивалъ съ предвареніемъ о присягѣ Лугскаго 2 г. купца Ивана Кирилова Гонина, въ дополненіе къ показанію его отъ 8 минувшаго іюля. Допросъ производился въ присутствіи купца Ивана Ижболдина и повѣренныхъ Ивана и Анны Ижболдиныхъ: Германа, Каміонко, Венгерова и Смирнова, Александръ Мясниковъ отказался присутствовать при допросѣ Гонина, ссылаясь на служебныя занятія: купецъ Иванъ Кириловъ Гонинъ показалъ: 1). Тотчасъ послѣ смерти Бѣляева я обратился по его дѣламъ къ Екатеринѣ Васильевнѣ Бѣляевой; 2). Я видѣлъ Бѣляеву въ день похоронъ мужа ея и на поминкахъ въ 20 день его смерти, но о духовномъ завѣщаніи мужа ея у меня съ нею никакого разговора не было; 3). Съ Карагановымъ я былъ только знакомъ и бралъ у него небольшіе залоги, которые и возвратилъ; какъ долго онъ служилъ у Мясникова я опредѣлить не могу, занималъ онъ должность конторщика; жалованье онъ получалъ небольшое, можетъ быть рублей 50 въ мѣсяцъ, или около того; 4). Былъ ли у меня съ Карагановымъ разговоръ о духовномъ завѣщаніи Бѣляева хорошенько не припомню, много времени прошло съ тѣхъ поръ, а можетъ быть и былъ разговоръ; если же былъ разговоръ, то въ томъ смыслѣ, что сперва говорили, что нѣтъ завѣщанія, а потомъ оно оказалось; меня это удивляло, а Караганова не удивляло, но почему его не удивляло я сказать не могу; 5). У Караганова я бралъ залоги въ тысячу рублей или полторы, ему и возвратилъ; залоги эти были билетами, какими не упомню; другихъ расчетовъ съ нимъ неимѣлъ: 6). Мѣсяцъ или два спустя послѣ смерти Бѣляева Караганов пригласилъ меня вступить съ нимъ въ компанію по дѣламъ и говорилъ, что онъ можетъ располагать десятью или болѣе тысячъ; предположеніе это не осуществилось потому, что не случилось подходящаго дѣла; 7). Меня удивило появленіе у Караганова такого значительнаго капитала; на мой

вопросъ объ этомъ Карагановъ сказалъ: „что я знаю; это мое дѣло;“ 8). Карагановъ мнѣ въ это же время говорилъ, что онъ сдѣлалъ Мясниковымъ такую услугу, которую они не должны забыть, но въ чемъ заключалась эта услуга онъ необъяснилъ; по какому поводу Карагановъ мнѣ это говорилъ разъяснить не могу; говорилъ ли мнѣ при этомъ Карагановъ о Целебровскомъ и что именно неприпомню, а вообще въ разговорахъ мнѣ Карагановъ говорилъ что-то о Целебровскомъ; 9) съ Кемпе я былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, съ Каменскимъ былъ знакомъ, а съ Целебровскимъ тоже былъ знакомъ, но меньше; со всѣми съ ними были у меня разговоры о духовномъ завѣщаніи Бѣляева, всѣ они удивлялись откуда завѣщаніе это появилось; объ обстоятельствахъ же составленія завѣщанія я ни отъ Кемпе, ни отъ Каменскаго, ни отъ Целебровскаго ничего не слыхалъ; 10) при жизни Бѣляева я исполнялъ иногда порученія Мясниковыхъ; послѣ же его смерти, я по порученію Мясникова Александра Константиновича заѣзжалъ только въ Сарапуль; 11) въ іюнѣ мѣсяцѣ 1861 г. когда я по своему дѣлу собирался ѣхать въ Казань и Самару, Кемпе предложилъ мнѣ сходить къ Александру Константиновичу Мясникову, говоря, что Мясниковъ даетъ мнѣ порученіе, я отправился къ Александру Константиновичу, который поручилъ мнѣ заѣхать въ Сарапуль отыскать тамъ сестру покойнаго Бѣляева Надежду Васильевну Мартьянову и предложить ей уничтожить довѣренность, выданную ею купцу Ижболдину по дѣлу о духовномъ завѣщаніи Бѣляева и условіе, заключенное ею съ Ижболдинымъ, или пріѣхать въ Петербургъ. За уничтоженіе довѣренности и условія Александръ Константиновичъ уполномачивалъ меня предложить Мартьяновой отъ двадцати до двадцати пяти тысячъ рублей, съ тѣмъ, чтобы Мартьянова отказалась отъ домогательства ея къ наслѣдству послѣ Бѣляева; на расходы Мясниковъ далъ мнѣ двѣсти рублей; это было на Черной рѣчкѣ на дачѣ сестры Мясникова баронессы Притвицъ; говорилъ со мною Александръ Мясниковъ, не высказывая, дѣйствуетъ ли онъ отъ своего имени или отъ имени Бѣляевой; пріѣхавши въ Сарапуль я не скрывался, и жилъ не въ рыбацкой хижинѣ на берегу Камы, а въ слободѣ на томъ берегу; не выходилъ я потому, что былъ нездоровъ; 13) заболѣвъ еще до пріѣзда въ Казань, я взялъ въ Казани родственника моего елабуж-

скаго мѣщанина Семена Иванова Столбова (проживающаго въ Казани въ собственномъ домѣ) тѣмъ болѣе, что онъ знакомъ какъ съ мѣстностью Сарапуля, такъ и съ тѣми личностями, чрезъ которыхъ надо было дѣйствовать на Мартьянову; въ Сарапулѣ Столбовъ остановился у бывшаго конторщика своего мѣщанина Дедихина, который былъ знакомъ съ Мартьяновой, поэтому Столбовъ и ввелъ его въ это дѣло; 14) вслѣдствіе исполненія порученія Александра Мясникова я надѣялся получить у него службу, а Столбову и Дедихину я давалъ деньги изъ полученныхъ мною 200 рублей и обѣщалъ вознагражденіе впослѣдствіи; 15) около 15 іюля я послалъ согласно приказанію Александра Константиновича депешу изъ Казани на имя Кемпе; что я писалъ въ этой депешѣ не помню, а затѣмъ все объяснилъ Мясникову лично; 16) по этому порученію у меня сохранилось одно или два письма Дедихина, Столбова писемъ не сохранилось, а отъ Мясникова вовсе и не было; 17) деньги на поѣздку въ Сарапуль я получилъ отъ Александра Константиновича, но онъ мнѣ не говорилъ при этомъ чьи это деньги; въ Сарапулѣ я былъ одинъ разъ; 18) по возвращеніи изъ Сарапуля я отдалъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ Алесандру Константиновичу; 19) по возвращеніи въ Петербургъ я имѣлъ переписку по этому предмету съ Столбовымъ и Дедихинымъ; больше же ни съ кѣмъ переписки не имѣлъ и порученій не давалъ; 20) изъ Петербурга по этому дѣлу я посылалъ въ Казань къ Столбову 100 рублей на поѣздку въ Сарапуль; посылалъ чрезъ общество „Меркурій". Квитанція управляющаго конторою Творогова находится кажется у меня; деньги эти я получилъ отъ Александра Константиновича и 21) ни отвергнуть, ни признать подлинность подписи Бѣляева на предъявленномъ мнѣ завѣщаніи я не могу, а сходство есть. Къ изложенному выше добавляю, что всѣ переговоры съ Мартьяновой производились Столбовымъ въ домѣ священника Покровской церкви Филарета и въ его присутствіи. Вскорѣ по возвращеніи моемъ изъ Сарапуля Александръ Константиновичъ поручилъ мнѣ поговорить съ Ижболдинымъ нельзя ли кончить дѣло миромъ; вслѣдствіе чего я бывалъ нѣсколько разъ у Ижболдина и у Мясникова; и Ижболдинъ бывалъ у Мясникова; послѣ втораго свиданія съ Ижболдинымъ Александръ Константинычъ сказалъ мнѣ, что Ижболдинъ много хочетъ, что пять или десять тысячъ онъ готовъ дать, чтобы избѣ-

жать непріятностей, развязаться съ этимъ дѣломъ. Послѣ начатія настоящаго слѣдствія въ іюлѣ этого года, однажды когда я былъ у Александра Константиновича Мясникова, къ которому я иногда хожу по своимъ дѣламъ, онъ мнѣ говорилъ нельзя ли повидаться съ Ижболдинымъ, переговорить съ нимъ, чтобы кончить дѣло миромъ; вслѣдствіе этого я говорилъ съ Ижболдинымъ, который хотѣлъ получить пятьсотъ тысячъ, а Мясниковъ сказалъ на это, что Ижболдинъ много хочетъ; но говорилъ ли при этомъ Мясниковъ, что дѣло трудно кончить, что оно слишкомъ далеко зашло, не помню. Въ 1861 году Барзаковскій явился вмѣстѣ со мною и съ Ижболдинымъ въ качествѣ повѣреннаго послѣдняго для переговоровъ о мирѣ къ Александру Константиновичу Мясникову. Затѣмъ на вопросъ Ижболдина: предлагалъ ли ему Гонинъ отъ имени Александра Мясникова тридцать тысячъ, Гонинъ объяснилъ: „не помню.“ (Пподписали:) Гонинъ, Макалинскій, Каміонко, Смирновъ, Венгеровъ, Ижболдинъ, Германъ.

ПОСТАНОВЛЕНІЕ.

1868 года, сентября 29 дня, судебный слѣдователь 5 участка г. С.-Петербурга Макалинскій, разсмотрѣвъ настоящее предложеніе прокурора окружнаго суда, которымъ онъ предлагаетъ потребовать отъ Бѣляевой и Мясниковыхъ торговыя книги какъ Мясниковыхъ, такъ и купца Козьмы Бѣляева за 1858 г., на тотъ предметъ, что въ случаѣ признанія духовнаго завѣщанія купца Бѣляева подложнымъ, можетъ быть возбуждено слѣдствіе по предмету присвоенія и растраты имущества Бѣляева, къ какому слѣдствію упомянутыя книги будутъ необходимы и принимая во вниманіе: во 1-хъ что въ настоящее время слѣдствіе производится только о подложности завѣщанія Бѣляева, во 2-хъ что на основ. 264, 265, 266; 368, 369 ст. Уст. Угол. Суд. судебный слѣдователь имѣетъ право принимать всѣ необходимыя мѣры, а въ томъ числѣ и истребованіе письменныхъ доказательствъ только по слѣдствіямъ имъ уже производимымъ, а отнюдь не по тѣмъ, которыя могутъ быть возбуждены впослѣдствіи, и въ 3-хъ что по изложеннымъ основаніямъ настоящее требованіе прокурора не соот-

вѣтствуетъ точному смыслу 281 ст. Уст. Угол. Суд. и не подлежитъ исполненію, постановилъ: увѣдомить о семъ прокурора с.-петербургскаго окружнаго суда, съ возвращеніемъ препровожденнаго при предложеніи за № 13083 прошенія царскосельскаго купца Ижболдина. (Подписалъ:) Макалинскій.

ПРОТОКОЛЪ.

1868 г. октября 8 дня, судебный слѣдователь 5 участка г. С.-Петербурга Макалинскій, въ канцеляріи своей допрашивалъ безъ присяги, но съ предвареніемъ о ней, с.-петербургскаго купца и потомственнаго почетнаго гражданина Петра Лукина Неню-кова въ присутствіи Ижболдина, Каміонко, Смирнова, Венгерова и Германа и онъ показалъ:

Отъ роду мнѣ 69-й годъ, вѣры я православной, подъ судомъ не былъ, проживаю Рождественской части 1 участка по Невской набережной въ домѣ Калинкинскаго завода. Съ купцомъ Иваномъ Ижболдинымъ, женою его Анною Николаевою и братьями Александромъ и Иваномъ Мясниковыми родства, свойства и никакихъ особыхъ отношеній не имѣю, а Амфилогія Александрова Караганова вовсе не знаю. Записать самъ свое показаніе не желаю. Покойнаго купца Козьму Васильева Бѣляева я зналъ, но другихъ отношеній, кромѣ простаго знакомства, съ нимъ не имѣлъ. На похоронахъ его и похоронномъ обѣдѣ было гостей человѣкъ 50, изъ которыхъ я помню покойнаго откупщика Воронина; также, какъ мнѣ кажется, былъ откупщикъ Дмитрій Егоровичъ Бенардаки и Иванъ Алексѣевичъ Иконниковъ, были оба брата Мясниковы, другихъ лицъ не припомню. Вдова Бѣляева Екатерина Васильевна была въ церкви и просила оттуда къ себѣ гостей, а въ домѣ благодарила прибывшихъ гостей и выходила къ похоронному обѣду, но оставалась ли она во все продолженіе обѣда, не припомню. Кто исполнялъ на обѣдѣ обязанности хозяйки сама ли Бѣляева или кто либо другой не помню, кажется что распоряжался тамъ и торговавшій съ Бѣляевымъ лѣсомъ купецъ Ѳоминъ. Ни на похоронномъ обѣдѣ, ни послѣ него никакого разговора о томъ—оставилъ ли покойный духовное завѣщаніе—не было и я

положительно удостовѣряю, что вдова Бѣляева ничего не говорила объ этомъ. Вдова Бѣляева была на похоронахъ разстроена, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, но особеннаго разстройства я въ ней не замѣтилъ; при жизни Бѣляева я о желаніи его составить духовное завѣщаніе ничего не слыхалъ. Послѣ его смерти со вдовой его я видался очень рѣдко. Объ оказавшемся по смерти Бѣляева завѣщаніи я услыхалъ всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. На обѣдѣ у Бѣляевой я помню, что разговаривалъ съ покойнымъ Степаномъ Дмитріевичемъ Воронинымъ, но онъ не говорилъ мнѣ ничего о томъ, осталось или нѣтъ завѣщаніе послѣ Бѣляева и разговоръ нашъ этого предмета не касался. Я курю сигары, но не помню ходилъ ли я послѣ похороннаго обѣда Бѣляева курить въ особую комнату; я могу курить и не курить, для меня это все равно. О духовномъ завѣщаніи Бѣляева я узналъ тогда только, когда по этому же самому дѣлу полиція отбирала отъ меня показаніе. По прочтеніи этого показанія объявляю, что гости приглашены были на похоронный обѣдъ повѣстками, а приглашала ли Бѣляева въ церкви не помню. Затѣмъ на вопросы Германа Ненюковъ показалъ: кажется, что я былъ на обѣдѣ въ 20 или 40 день смерти Бѣляева т. е. на одномъ изъ нихъ, но положительно этого не помню. Были ли на одномъ изъ поминальныхъ по Бѣляевѣ обѣдовъ Гонинъ и Александръ Красильниковъ не помню. На одномъ или на всѣхъ обѣдахъ кажется былъ протоіерей Сицилинскій, но положительно этого не помню. На вопросы г. Каміонко: я удостовѣряю положительно, что на похоронномъ обѣдѣ не было разговора о духовномъ завѣщаніи Бѣляева, на томъ основаніи, что я такого разговора не слыхалъ, чего не могло бы быть, если бы такой разговоръ былъ, потому что этотъ предметъ интересный; при томъ съ Степаномъ Дмитріевичемъ Воронинымъ мы говорили о томъ, что послѣ Бѣляева вѣроятно остался большой капитялъ. На вопросы Германа: какъ велико было состояніе Бѣляева и кому оно перешло послѣ его смерти: не знаю. На вопросы Смирнова: какое было у Бѣляева счетоводство простое или двойное: мнѣ не извѣстно. На вопросы Каміонко: велъ ли Бѣляевъ торговыя книги: мнѣ не извѣстао. По прочтеніи показанія Ненюковъ заявилъ: съ Воронинымъ у меня былъ разговоръ о томъ, что послѣ Бѣляева должно быть остался капиталъ, но о томъ, чтобы остался большой капиталъ мы

не говорили, потому что ни я, ни Воронинъ не считали Бѣляева большимъ капиталистомъ; вотъ Мясниковы большіе капиталисты, а Бѣляевъ вышелъ отъ нихъ. (Подписали:) Ненюковъ, Макалинскій, Каміонко, Ижболдинъ, Венгеровъ, Смирновъ, Германъ.

ПРОТОКОЛЪ.

1868 года, октября 8 д. суд. слѣдователь Макалинскій, въ канцеляріи своей, составилъ сей протоколъ о томъ, что въ присутствіи купца Ижболдина, Венгерова, Смирнова и Германа допрашивалъ содержащагося въ домѣ неисправныхъ должниковъ несостоятельнаго должника потомств. почет. гражд. Александра Федорова Красильникова въ дополненіе къ прежнимъ его показаніямъ и онъ съ предвареніемъ о присагѣ показалъ: въ 1866 г. на пасхѣ я былъ у г. Бѣляевой по поводу вопроса казенною палатою о нашихъ съ Бѣляевымъ расчетахъ. Разговоръ съ г. Бѣляевой былъ о томъ, что она жаловалась на гг. Мясниковыхъ, что ввели ее составленнымъ ими духовнымъ завѣщаніемъ въ хлопоты и непріятности, а затѣмъ просила заѣхать къ г. Чевакинскому, куда и сама, если успѣетъ пріѣдетъ. Далѣе по случаю головной боли затрудняюсь писать и потому прошу продолжать г. суд. слѣдователя записать мое показаніе. Сейчасъ же отъ г-жи Бѣляевой я поѣхалъ къ г. Чевакинскому съ которымъ мы сперва говорили по вопросамъ казенной палаты. За тѣмъ разговоръ нашъ перешелъ на то, что Бѣляева введена въ непріятности чрезъ завѣщаніе составленное Мясниковыми. При этомъ Чевакинскій просилъ передать Ижболдину, что если онъ дастъ подписку въ томъ, что не будетъ преслѣдовать Бѣляеву за духовное завѣщаніе ни въ гражданскомъ, ни въ уголовномъ порядкѣ, то она сама представитъ завѣщаніе въ гражданскую палату съ заявленіемъ, что она временемъ убѣдилась, что это завѣщаніе привезенное къ ней Мясниковыми, подложно. Я передалъ это Ижболдину, но не знаю какія были отъ этого послѣдствія. Сколько припоминаю я совѣтовалъ Ижболдину самому съѣздить къ Чевакинскому объясниться. Затѣмъ на вопросъ повѣренныхъ гражданскаго истца и его самого Красильниковъ от-

вѣчалъ: при прежнихъ допросахъ я забылъ показать одно обстоятельство: съ Амфилогіемъ Карагановымъ я не видался съ 1859 года, какъ вдругъ лѣтомъ 1865 г. онъ пріѣхалъ комнѣ въ лѣсной корпусъ по садовой улицѣ на дачу Вилье, что меня не мало удивило. Когда мы съ нимъ пошли въ паркъ, онъ мнѣ объяснилъ, что онъ безъ денегъ и безъ мѣста и просилъ дать ему занятіе. На мое замѣчаніе, что онъ награжденъ отъ Мясниковыхъ, а ко мнѣ не хотѣлъ даже заѣхать въ 1859 году, не смотря на мое приглашеніе; онъ отвѣчалъ, что онъ не желаетъ ходить даже по той улицѣ, гдѣ живутъ Мясниковы, что они наобѣщали ему много, паи и въ Кириловѣ, и въ Бѣлозерскѣ и на Кавказѣ, но все это осталось только обѣщаніями и что Александръ Мясниковъ взялъ съ него честное слово не видаться со мною изъ боязни, чтобы Карагановъ не проговорился. Когда я спросилъ на счетъ чего Мясниковъ опасался, чтобы онъ, Карагановъ не проговорился, то Карагановъ отвѣтилъ, „да на счетъ того, что мы сфабриковали духовное завѣщаніе.“ Я и взялъ тогда къ себѣ Караганова на службу. Въ 1865 же году въ началѣ осени, однажды проходя изъ своего кабинета въ кассирскую въ моей конторѣ, я видѣлъ, что въ пріемной сидѣли Ижболдинъ и Карагановъ и о чемъ то разговаривали. Въ этотъ день, по окончаніи занятій въ конторѣ, я пригласилъ Караганова пройтись пѣшкомъ комнѣ обѣдать. Дорогою я замѣтилъ что Карагановъ отвѣчалъ мнѣ не въ попадъ и вообще былъ разстроенъ. На мое замѣчаніе—что съ нимъ, не поругался ли онъ съ Ижболдинымъ, Карагановъ мнѣ отвѣтилъ, что все изъ этого проклятаго духоннаго завѣщанія, что онъ давно хотѣлъ просить меня передать Ижболдину, что если Ижболдинъ дастъ ему, Караганову, гарантію въ томъ, что не припутаетъ его къ этому дѣлу, то онъ раскроетъ ему все, что извѣстно ему только одному, Караганову, и что Мясниковы, узнашіе объ этомъ сейчасъ же съ Ижболдинымъ покончатъ дѣло миромъ. Хотя Карагановъ мнѣ не объяснялъ, но я замѣтилъ, что онъ сильно безпокоился, чтобы его не привекли къ отвѣтственности по этому дѣлу и потому причиной желанія его раскрыть дѣло Ижболдину была вѣроятно надежда избѣгнуть отвѣтственности. Я отказался отъ посредничества, объявивъ, что онъ самъ видается съ Ижболдинымъ и можетъ самъ съ нимъ объясниться. При этомъ на мое замѣчаніе

какую же можетъ дать Ижболдинъ гарантію, Карагановъ сказалъ, что онъ посовѣтуется объ этомъ съ Иваномъ Сергѣевымъ Денисьевымъ. Съ Ижболдинымъ я въ то время видался по заводскимъ расчетамъ; разговора этого я ни тогда ни послѣ Ижболдину не передавалъ, не желая вмѣшиваться въ это дѣло. Покойный Бѣляевъ велъ, какъ мнѣ извѣстно, собственноручно три книги: меморіалъ, кассовую книгу и главную книгу, а въ конторахъ у него велись отдѣльныя книги по двойной бухгалтеріи по каждому торговому предмету. Кромѣ того у Бѣляева постоянно лежалъ листъ бумаги, на которомъ онъ постоянно записывалъ все на память. Когда онъ жилъ еще въ Яранскѣ, то обыкновенно листъ этотъ разграфливался, а дѣлалось ли это въ Петербургѣ не знаю. Представленная Мясниковыми и нынѣ мнѣ предъявленная писанная рукою Бѣляева тетрадь не есть тотъ меморіалъ, который былъ веденъ Бѣляевымъ, а памятная его тетрадь. Тамъ полулистъ, на которомъ отмѣчена 21 мая росписка Александру и Ивану Конст. Мясниковымъ въ 272.000 руб. относится къ 1858 г., что я признаю по нѣкоторымъ извѣстнымъ мнѣ и записаннымъ на немъ обстоятельствамъ, какъ то подъ № 173 Петрозаводской конторѣ о высылкѣ свидѣтельствъ на залоги и подъ № 179 въ Сенатъ о перечисленіи мнѣ залоговъ 30.000. Но самую эту отмѣтку я признаю сдѣланною не рукою Бѣляева, тѣмъ болѣе, что она безъ номера, а всѣ другія отмѣтки съ нумерами. А на предъидущемъ листѣ я нахожу что заголовокъ „1858 года“ также написанъ не рукою Бѣляева. О полученіи изъ банка капитала Карагановымъ по именному билету Бѣляева въ суммѣ 15.000 р., по фальшивой бланковой надписи мнѣ ничего неизвѣстно (подписали:) Красильниковъ, Макалинскій, Смирновъ, Венгеровъ, Германъ, Ижболдинъ.

ПРОТОКОЛЪ.

1868 г. октября 8 д. суд. слѣдователь 5 уч. г. С.-Петербурга Макалинскій, въ канцеляріи своей, составилъ сей протоколъ о томъ, что въ присутствіи Ижболдина, Смирнова, Венгерова и Германа, допрашивалъ безъ присяги, но съ предвареніемъ о ней,

коллежскаго ассесора Ефима Федорова Герасимова въ дополненіе къ прежнимъ его показаніямъ и онъ объяснилъ:

Передъ подачею Ижболдинымъ прошенія на Высочайшее имя, въ которомъ именно году непомню, а кажется въ 1865 или 66 году, въ которое время года не помню, повѣренный Бѣляевой Чевакинскій просилъ меня быть посредникомъ между имъ и Ижболдинымъ и убѣдить Ижболдина дать Бѣляевой подписку отъ имени своего и жены въ томъ, что они не подозрѣваютъ Бѣляеву въ составленіи духовнаго завѣщанія и въ утайкѣ имущества и устраняютъ ее отъ отвѣтственности; если бы Ижболдины выдали такую росписку, то Чевакинскій обѣщалъ представить завѣщаніе въ коммисію прошеній князю Долгорукову, не обѣщалъ ли онъ сдѣлать заявленіе относительно обстоятельствъ составленія завѣщанія, не помню. Чевакинскій продиктовалъ мнѣ росписку, которую я возилъ вчернѣ, незнаю по просьбѣ ли Ижболдина или по собственному желанію къ Шимановскому, что бы съ нимъ посовѣтоваться, такъ какъ Ижболдинъ колебался выдать такую росписку, опасаясь, чтобы это не связало ему впослѣдствіи руки. Ижболдинъ относился ко мнѣ съ большимъ довѣріемъ и могъ положиться на тотъ отвѣтъ, который я передалъ ему отъ Шимановскаго.—Шимановскій одобрилъ, сказавъ, что эта росписка ни сколько не повредитъ дѣлу. Я съ своей стороны совѣтовалъ Ижболдину дать такую росписку, потому что если бы открылись обстоятельства, обвиняющія Бѣляеву, то эта росписка не имѣла бы силы, но Ижболдинъ колебался и это кончилось ни чѣмъ, подписки имъ дано небыло. Я думаю съ одинаковымъ довѣріемъ относился ко мнѣ Чевакинскій, иначе онъ не предложилъ бы мнѣ составить росписку. (Подписали): Герасимовъ, Макалинскій, Венгеровъ, Смирновъ, Ижболдинъ, Германъ.

ПРОТОКОЛЪ.

1868 г. октября 9 дн. суд. слѣдователь 5 уч. г. С.-Петербурга Макалинскій, въ канцеляріи своей, допрашивалъ безъ присяги, но съ предвареніемъ о ней, жену уволеннаго по болѣзни въ безсрочный отпускъ рядоваго Авдотью Емельянову Терентьеву

въ присутствіи товарища прокурора Демидова, Ижболдина, Смирнова и Германа, и она показала:

Отъ роду мнѣ 31 годъ, вѣры я православной, подъ судомъ не была, прожив. Колом. ч. 1 уч. по Усачеву пер. въ домѣ Шитта у купца Ивана Алекс. Ижболдина; въ услуженіи у него я пятый годъ; кромѣ этого съ Ижболдинымъ и женою его Анною Никол. ни какихъ особыхъ отношеній не имѣю; о Мясниковыхъ Александрѣ и Иванѣ Констант. и объ Амфилогіѣ Александровичѣ Карагановѣ я много слышала, но лично ихъ не знаю. Покойнаго надворнаго совѣтника Александра Федорова Матвѣев я очень хорошо знаю, потому что онъ ходилъ къ Ижболдинымъ, Матвѣевъ постоянно разсказывалъ, нестѣсняясь ничьимъ присутствіемъ, не только моимъ, какъ прислуги, но и постороннихъ, что духовное завѣщаніе Бѣляева фальшивое. Матвѣевъ сталъ ходить къ Ижболдинымъ, какъ я думаю, уже третій годъ тому назадъ, и постоянно говорилъ, что завѣщаніе Бѣляева фальшивое и что подписалъ его Амфилошка Карагановъ, а если бы Амфилошка не подписалъ, то ничего бы ни было. Матвѣевъ говорилъ, что онъ самъ видѣлъ, какъ Амфилошка подписалъ завѣщаніе, что онъ самъ держалъ въ рукахъ завѣщаніе и что не только его, Матвѣева, но и всякаго просили подписаться на завѣщаніи, но онъ Матвѣевъ былъ тогда пьянъ и отказался подписаться. И вообще онъ удалялся отъ этого и напивался пьянымъ. Разсказывалъ это Матвѣевъ въ трезвомъ видѣ; случалось мнѣ, но очень рѣдко видѣть его у насъ выпивши; пьянымъ же я его не видала. Также говорилъ Матвѣевъ, что въ ночь смерти Бѣляева Александръ Константиновичъ Мясниковъ вмѣстѣ съ нимъ, Матвѣевымъ, перевезъ изъ кабинета Бѣляева въ домъ Мясникова одного золота триста тысячъ, которые Матвѣевъ считалъ съ Александромъ Константиновичемъ Мясниковымъ. Кромѣ того Матвѣевъ разсказывалъ, что въ прошломъ 1867 г. онъ на масляной недѣлѣ въ Большой Морской встрѣтился съ однимъ офицеромъ, фамилію котораго Матвѣевъ не называлъ, что офицеръ этотъ зазвалъ Мятвѣева въ гостинницу, куда пришли еще двое офицеровъ, изъ которыхъ одинъ былъ полковникъ, и полковникъ этотъ стращалъ Матвѣева, что если онъ не откажется отъ Ижболдиныхъ, то его чрезъ III отдѣленіе вышлютъ изъ Петербурга и онъ лишится пенсіона. Всѣ

эти разсказы Матвѣевъ повторялъ до самой своей смерти, постоянно называя Мясниковыхъ мошенниками, душегубцами, отравителями, и прибавляя, что онъ боится встрѣчать Мясниковыхъ, что сворачиваетъ, когда увидитъ ихъ карету, и что опасается, какъ бы они и его не отравили. Былъ онъ у насъ, кажется, за недѣлю до своей смерти; расказывалъ ли когда нибудь Матвѣевъ, что Карагановъ сознавался ему въ подписаніи завѣщанія Бѣляева, я не помню. Какъ я помню, Матвѣевъ разсказывалъ про духовное завѣщаніе Бѣляева въ присутствіи ходившихъ къ Ижболдинымъ Сысоева Павла Ивановича, столоначальника Герасимова и чиновника Парфененкова; разсказывалъ и при другихъ лицахъ, которыхъ не припомню; разсказывалъ все это Матвѣевъ при Сысоевѣ, Герасимовѣ и Парфененковѣ еще тогда, когда Ижболдины жили Спаск. ч. 4 уч. по Фонтанкѣ въ д. Федотова, откуда они переѣхали на нынѣшнюю квартиру 5 сентября прошлаго 1867 г.; въ домѣ Федотова мы жили 3 зимы, уѣзжая каждое лѣто на дачу, а до того жили на Вознесенскомъ проспектѣ въ домѣ Розова. Въ домѣ Розова и на дачѣ, я не помню, чтобы Матвѣевъ разсказывалъ о духовномъ завѣщаніи Бѣляева. Кромѣ того Матвѣевъ говорилъ, что однажды пришелъ къ нему на квартиру по Крюкову каналу отъ Мясниковыхъ какой-то офицеръ, котораго Матвѣевъ угощалъ закускою, но послѣ его ухода выбросилъ всю закуску въ помойную яму, опасаясь, что офицеръ этотъ чего нибудь подсыпалъ въ закуску. Все это показала я по сущей справедливости, добавляя, что Матвѣевъ говорилъ еще, что Мясниковы меня стращаютъ, такъ я же зарѣжу ихъ на судѣ. Болѣе ничего по этому дѣлу показать не имѣю. (Подписали): Авдотья Емельянова Терентьева, по неграмотности своей росписаться на показаніи не могла и ни кого не нашла кто бы за нее росписался. Макалинскій, Демидовъ, Ижболдинъ, Смирновъ, Германъ, Венгеровъ.

ПРОТОКОЛЪ.

1868 года, октября 9 д. суд. слѣдователь 5 уч. г. С.-Петербурга Макалинскій, въ канцеляріи своей, составилъ сей прото-

колъ о томъ, что въ присутствіи купца Ижболдина и повѣренныхъ Венгерова, Смирнова и Германа допрашивалъ безъ присяги, но съ предвареніемъ о ней, С.-Петербургскаго столярнаго цеха мастера Федора Иванова Штеммера въ дополненіе къ показанію его отъ 20 минувшаго іюля и онъ объяснилъ:

Покойнаго надворн. совѣтника Александра Федоровича Матвѣева я зналъ въ то время, когда я служилъ у покойнаго Бѣляева, а Матвѣевъ занимался не знаю чѣмъ у Александра Константиновича Мясникова. Въ теченіи трехъ послѣднихъ лѣтъ, встрѣчаясь съ Матвѣевымъ у Ижболдиныхъ и на Фонтанкѣ въ д. Федотова и въ Усачевомъ пер. въ д. Шитта, я нѣсколько разъ слышалъ отъ Матвѣева, что завѣщаніе Матвѣева фальшивое, что подписано оно Карагановымъ при соучастіи Целебровскаго, но Матвѣевъ не объяснялъ какимъ образомъ ему это извѣстно, и при мнѣ его ни кто объ этомъ не спрашивалъ. Говорилъ Матвѣевъ о томъ, что завѣщаніе Бѣляева подписано Карагановымъ при соучастіи Целебровскаго въ присутствіи Ижболднина, камердинера Бѣляева Китаева и другихъ лицъ, которыхъ я не припомню. О томъ, чтобы Матвѣевъ видѣлъ какъ Караганов подписывалъ завѣщаніе, или чтобы Караганов ему въ этомъ сознавался или наконецъ, чтобы его просили подписаться свидѣтелемъ на завѣщаніи, Матвѣевъ при мнѣ ничего не говорилъ. Также говорилъ Матвѣевъ, что въ день смерти Бѣляева ему были вручены Александромъ Константиновичемъ Мясниковымъ, портфель съ секретными документами и золотая монета, взятые изъ кабинета Бѣляева и что монету эту онъ Матвѣевъ считалъ вмѣстѣ съ Александромъ Константиновичемъ и тамъ было болѣе трехсотъ тысячъ рублей. По словамъ Матвѣева монету эту считалъ еще одинъ господинъ, фамилію котораго я не помню. Какъ говорилъ Матвѣевъ золотая монета была въ маленькихъ мѣшечкахъ, а сколько было этихъ мѣшечковъ не знаю. Послѣ смерти Бѣляева я сталъ встрѣчаться съ Матвѣевымъ у Ижболдина въ теченіи послѣднихъ трехъ-четырехъ лѣтъ до этого же времени послѣ смерти Бѣляева я съ нимъ не встрѣчался. Съ Ижболдинымъ я познакомился ранѣе, когда онъ былъ коммиссіонеромъ у Александра Красильникова, у котораго я искалъ тогда мѣста. Матвѣева я встрѣчалъ у Ижболдина всегда въ трезвомъ видѣ и въ здравомъ разсудкѣ. Въ послѣдній разъ я видѣлъ Матвѣева недѣли за четыре или за за пять до

его смерти и онъ очень твердо повторялъ тоже, что говорилъ прежде, о завѣщаніи Бѣляева. Года полтора тому назадъ по просьбѣ Ижболдина, желавшаго узнать что-то у тетки моей двоюродной Августы Ивановны Кемпе, относительно того, что ей говорилъ уже умершій тогда сынъ ея Федоръ Карловичъ Кемпе, я ѣздилъ вмѣстѣ съ Ижболдинымъ къ Августѣ Ивановнѣ, которую Ижболдинъ и спрашивалъ помнитъ ли она, что говорилъ при ней Ижболдину ея сынъ, но она уклонилась отъ отвѣта, говоря, что она, какъ старая женщина, не можетъ помнить и прося устранить ея отъ этого дѣла. Пойти въ свидѣтельницы Ижболдинъ ея неуговаривалъ и меня къ ней не подсылалъ. (Подписали): Штеммеръ, Макалинскій, Смирновъ. Ижболдинъ. Венгеровъ. Германъ.

ПРОТОКОЛЪ.

1868 г. октября 12 д. суд. слѣдователь 5 уч. г. С.-Петербурга Макалинскій, въ канцеляріи своей, допрашивалъ безъ присяги, но съ предвареніемъ о ней, Ораніенбаумскаго мѣщанина Ивана Васильева Шпилева, въ присутствіи повѣреннаго Ижболдина Смирнова, и онъ показалъ:

Отъ роду мнѣ 58 годъ, вѣры я православной, подъ судомъ нахожусь по обвиненію въ сообщничествѣ съ мѣщаниномъ Дитятинымъ въ обманныхъ поступкахъ относительно мѣщанина Егорова; дѣло это находится въ разсмотрѣніи судеб. палаты, а я содержусь въ тюремномъ замкѣ. Прежде же сего былъ одинъ только разъ подъ судомъ въ здѣшней уголовной палатѣ по жалобѣ мѣщанки Сѣдовой, за невозвращеніе ей будто бы полученныхъ мною по довѣренности ея денегъ, но въ 1861 году 20 марта палатою оправданъ. Царскосельскаго купца Ивана Алексѣева и жену его Анну Николаеву Ижболдиныхъ, Александра и Ивана Константиновыхъ Мясниковыхъ и мѣщанина Амфилогія Караганова знаю, но никакихъ особыхъ отношеній съ ними не имѣю. У Ивана Константиновича Мясникова я служилъ прикащикомъ при постройкѣ его дома на Знаменской улицѣ; былъ я рекомендованъ ему покойнымъ дядею его Козьмою Васильевичемъ Бѣляевымъ. Поступилъ я къ Мясникову на службу въ апрѣлѣ 1857 г. и оставал-

*

ся у него на службѣ до 20 сентября того же года, съ Карагановымъ я былъ въ близкихъ отношеніяхъ, онъ былъ ко мнѣ очень расположенъ. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ того же года передъ отходомъ моимъ отъ Мясникова, когда я жилъ еще въ деревянномъ домѣ Ивана Константиновича, находящемся по переулку рядомъ съ домами Бѣляева недалеко отъ строившагося дома Ивана Константиновича, Амфилогій Караганов пришелъ ко мнѣ потому случаю, что Александръ Константиновичъ Мясниковъ, наблюдавшій за постройкой дома по довѣренности брата не досчитался одной клѣтки кирпича и приказалъ Караганову вмѣстѣ сомною повѣрить кирпичь По повѣркѣ кирпича мы съ Карагановымъ сидѣли у меня въ гостиной и пили чай. По этому у насъ завязался разговоръ откровенный по слѣдующему поводу. Въ іюлѣ мѣсяцѣ того же года, когда я былъ однажды въ домѣ Александра Константиновича Мясникова въ Надеждинской улицѣ и сидѣлъ съ нимъ въ саду, онъ приказалъ позвать къ себѣ Караганова. Карагановъ, какъ конторщикъ подойдя къ Мясникову, остановился передъ нимъ, а Мясниковъ замѣтилъ ему „что вы все передомной танцуете,“ а затѣмъ обращаясь ко мнѣ сказалъ: „этого господина нужно женить и если онъ будетъ мнѣ полезенъ, я его женю, невѣста у меня есть.“ Припомнивши эти слова Мясникова, я сказалъ Караганову, что удивляюсь, какъ онъ допускаетъ подобныя насмѣшки. Карагановъ мнѣ на это отвѣтилъ: „я поневолѣ долженъ сносить эти на смѣшки, потому, что я подписался на духовномъ завѣщаніи Козьмы Васильевича. Я полагалъ тогда, что Карагановъ былъ переписчикомъ духовнаго завѣщанія, а потому я о подробностяхъ его не спрашивалъ. При этомъ Карагановъ добавилъ: „вотъ что я для нихъ сдѣлалъ, а они какъ меня благодарятъ и даже не заплатили мнѣ куртажныхъ 600 рублей за мѣсто Біельскаго, которое я имъ рекомендовалъ.“ Хотя Карагановъ не объяснялъ, кого разумѣетъ онъ подъ словами „они“, но я понималъ, что это относится къ Александру и Ивану Мясниковымъ. Мѣсто Біельскаго то самое, на которомъ построенъ домъ Ивана Константиновича. Въ это время Карагановъ мнѣ болѣе ничего не говорилъ. Тогда о завѣщаніи Бѣляева я услышалъ въ первый разъ. Поступилъ я къ Ивану Константиновичу Мясникову слѣдующимъ образомъ. Я находился у Козьмы Васильевича Бѣляева на службѣ при его мебельномъ магазинѣ. Магазиномъ этимъ завѣдывалъ Гейнеманъ, ко-

торый сдѣлалъ растрату; вслѣдствіе чего Бѣляевъ приказалъ мнѣ повѣрить магазинъ, составить опись и принести къ нему. Когда я исполнилъ это порученіе и принесъ Бѣляеву опись, онъ лично предложилъ мнѣ доставить мнѣ мѣсто у Ивана Константиновича Мясникова; я принялъ это предложеніе и на другой день отправился къ Ивану Константиновичу Мясникову, жившему по Николаевской улицѣ противъ старообрядческой церкви въ домѣ Инсарскаго; я тогда же съ Мясниковымъ и условился и приступилъ къ занятіямъ. Это было въ апрѣлѣ 1857 года. Служилъ я у Мясникова пять мѣсяцевъ до 20 сентября 1857 года пока домъ не былъ отдѣланъ вчернѣ. Впослѣдствіи или зимою 1857 г. или въ 1858 г. я услыхалъ отъ камердинера Александра Мясникова, Ивана, отъ управляющаго домомъ Александра Ѳедеровича Матвѣева, отъ маклера Янкина и другихъ лицъ, которыхъ не припомню, что Александръ Мясниковъ женилъ Караганова на своей пріятельницѣ хористкѣ. Какъ я теперь вспомнилъ, слышалъ я это еще отъ табачнаго торговца Якова Яковлевича Соболева, поставлявшаго Мясниковымъ табакъ и сигары. А уже въ 1860 г. встрѣтясь со мною, Карагановъ мнѣ говорилъ, что онъ былъ посланъ Александромъ Мясниковымъ на заводъ, не помню на какой, что Мясниковъ все хотѣлъ его притѣснить, сдѣлать начетъ, но однакоже въ этомъ не успѣлъ, потому что у него все было въ исправности. Кромѣ того по дѣлу о духовномъ завѣщаніи Бѣляева могу еще показать, что въ іюлѣ мѣсяцѣ 1857 года, когда Иванъ Константиновичъ Мясниковъ жилъ въ Ревелѣ близь минеральныхъ водъ на дачѣ г жи Миллеръ, онъ вызвалъ меня къ себѣ для объясненій по постройкѣ дома; я прожилъ у него въ Ревелѣ съ недѣлю. Въ это время однажды, когда мы сидѣли, зашелъ разговоръ о Бѣляевѣ. Я сказалъ, что Козьма Васильевичъ плохъ и кому достанется его состояніе. На это Иванъ Константиновичъ мнѣ возвразилъ: „оно никому не можетъ достаться, кромѣ насъ съ братомъ, мы къ этому приняли мѣры.“ При этомъ Мясниковъ добавилъ:“ мною съ братомъ поручено составить проектъ завѣщанія отъ имени Бѣляева Сеславину, но я не надѣюсь, чтобы онъ могъ хорошо составить; тогда я, посовѣтовавшись съ братомъ Александромъ Константиновичемъ, можетъ быть попрошу васъ обратиться къ вашему родственнику Попову, чтобы онъ просмотрѣлъ всѣ ли исполнены формальности.“ На этомъ разговоръ

нашъ и кончился. Сеславинъ былъ стряпчій, жившій въ собственномъ домѣ на Пескахъ по 1 улицѣ противъ старой Рождественской части. Коллежскій совѣтникъ Андрей Семеновичъ Поповъ, женатый на моей двоюродной племянницѣ, служилъ тогда секретаремъ во 2 департаментѣ гражданской палаты, а теперь служитъ въ С.-Петербургѣ же мировымъ судьею 33 участка. По пріѣздѣ изъ Ревеля, желая услужить Мясникову, я напомнилъ ему объ этомъ, но онъ сказалъ, что братъ поручилъ исполненіе всего этого дѣла Целебровскому. Все это было до смерти Бѣляева. Послѣ смерти Бѣляева слыхалъ-ли я что о духовномъ завѣщаніи, не припомню. Только въ 1862 году, когда я хлопоталъ о подписаніи свидѣтелями завѣщанія вице-адмирала Адама, я обратился съ просьбою быть свидѣтелемъ къ заштатному или сверхштатному священнику Преображенскаго Собора отцу Петру, жившему близь дома Ивана Мясникова въ домѣ каретнаго мастера Рейнгардта и онъ мнѣ сказалъ, что „вотъ родственникъ мой Сицилинскій подписался свидѣтелемъ на завѣщаніи Бѣляева, да не знаю, что изъ этого выйдетъ. Сверхъ того племянникъ Бѣляева канторщикъ его Николай Дмитріевъ, фамилію котораго не помню, вскорѣ послѣ смерти Бѣляева говорилъ мнѣ, что завѣщаніе его сомнительно. Болѣе ничего по этому дѣлу не припомню. Попову я ничего не говорилъ о томъ, что къ нему хотѣлъ обратиться по поводу завѣщанія Бѣляева. На вопросъ повѣренныхъ граждан. истца Шпилевъ показалъ: покойнаго Целебровскаго я хорошо зналъ, отъ него самаго я не слыхалъ, чтобы онъ раскаявался въ составленіи духовнаго завѣщаніи, но наѣздникъ Александра Константиновича Семенъ говорилъ мнѣ въ 1858 г. что Целебровскій все тужитъ о томъ, что переписывалъ завѣщаніе, ссорился съ живущею съ нимъ женщиною и даже приходитъ отъ этого въ помѣшательство. Карагановъ мнѣ говорилъ о томъ, что онъ подписалъ завѣщаніе по просьбѣ Александра Константиновича; говорилъ онъ мнѣ это при женщинѣ Бѣляева. Карагановъ мнѣ не только не хвастался, чтобы его наградили Мясниковы, но на оборотъ жаловался на нихъ. Послѣ смерти Бѣляева Карагановъ сталъ жить и одѣваться лучше и деньги у него стали водиться; ссужалъ ли онъ кого нибудь деньгами незнаю. На похоронномъ обѣдѣ Бѣляева я небылъ. Послѣ смерти Бѣляева поручали-ли Мясниковы Караганову размѣнивать въ Банкѣ билеты, не знаю, а при жизни его случа-

лось имъ это поручать Караганову. (Подписали) Шпилевъ. Макалинскій, Смирновъ, Ижболдинъ, Венгеровъ, Германъ.

ПРОТОКОЛЪ.

1868 года, октября 12 д. суд. слѣдователь 5 уч. г. С.-Петербурга Макалинскій, въ канцеляріи своей, допрашивалъ безъ присяги, но съ предвареніемъ о ней крестьянку Архангельской губерніи Шенкурскаго уѣзда, села Яковлевскаго Марью Михайловну Синцову въ присутствіи Ижболдина и повѣренныхъ: Смирнова, Венгерова и Германа и она показала:

Отъ роду мнѣ 30-й годъ, вѣры я православной, подъ судомъ не была, проживаю на Вас. остр. въ 4 лин. въ д. Лауерта кухаркой у отставнаго генерала Еліотова. Мужъ мой Иванъ Ксенофонтовъ Синцовъ служитъ на судахъ и находится теперь въ Кронштадтѣ, но гдѣ именно не знаю. Купца Ивана Алексѣева Ижболдина, жену его Анну Николаеву, Александра и Ивана Константиновичей Мясниковыхъ и Амфилогія Александрова Караганова не знаю. Покойнаго купца Козьму Васильевича Бѣляева не знаю, знала только домъ Бѣляева, потому что находилась въ услуженіи у Ивана Васильевича Шпилева, который жилъ въ домѣ Мясникова. Мужъ мой дворникомъ въ домѣ Бѣляева; мнѣ рѣшительно ничего неизвѣстно. Попала я въ свидѣтельницы, какъ я предполагаю, по слѣдующему случаю: Нынѣшнимъ лѣтомъ въ теченіи двухъ мѣсяцевъ я жила на квартирѣ въ 4-й ротѣ Измайловскаго полка въ домѣ Томилова въ кв. № 16. Тамъ же жилъ какой-то Федоръ Ивановичъ, фамиліи котораго я не знаю; онъ нанималъ тамъ уголъ. Онъ хлопочетъ по этому самому дѣлу, и, постоянно бывая въ нетрезвомъ видѣ, часто расказываетъ о дѣлѣ Мясниковыхъ. Услыхавъ отъ него, что Бѣляевъ умеръ я спросила: правда ли это, на что онъ меня спросилъ почему я знаю Бѣляева. Я объяснила ему, что знаю фамилію Бѣляева, потому что жила рядомъ съ его домомъ въ домѣ Мясникова у Шпилева. Онъ сейчасъ же хотѣлъ записать мое имя и званіе, чтобы поставить меня въ свидѣтельницы; я не сказала какъ меня зовутъ, но онъ узналъ это отъ дворника,

который говорилъ, что послѣ приходилъ спрашивать обо мнѣ какой то господинъ, чтобы выставить меня свидѣтельницей. Ѳедора Ивановича я не видала съ тѣхъ поръ какъ переѣхала съ квартиры изъ дома Томилова, мѣсяца два тому назадъ. На вопросы повѣренныхъ гражд. истца Синцова показала: Федору Ивановичу я не говорила, что имущество Бѣляева было вывезено послѣ его смерти изъ его кабинета. (Подписали:) За Синцову Юревичъ, Макалинскій, Венгровъ, Смирновъ, Германъ.

ПРОТОКОЛЪ.

1868 года, октября 12 дня, судебный слѣдователь 5 участка г. С.-Петербурга Макалинскій, въ канцеляріи своей, допрашивалъ безъ присяги, но съ предвареніемъ о ней, мѣщанина г. Чебоксаръ Казан. губ. Петра Николаева Клюева въ присутствіи повѣренныхъ Ижболдиныхъ: Смирнова, Венгерова и Германа и онъ показалъ:

Отъ роду мнѣ 38-й годъ, вѣры я православной, подъ судомъ не былъ, прожив. Спасской ч. 4 уч. по Конному переулку въ д. № 4, служу по частному найму въ Государств. Контролѣ. Купца Ивана Алексѣева Ижболдина видѣлъ всего только одинъ разъ, жену его Анну Николаеву вовсе не знаю, а Александра и Ивана Константиновичей Мясниковыхъ и мѣщанина Амфилогія Александрова Караганова знаю, но ни какихъ особыхъ отношеній съ ними не имѣю. У Козьмы Васильевича Бѣляева я находился на службѣ въ должности писца въ его конторѣ полтора года до самой его смерти. Почеркъ его я хорошо знаю. Подпись Козьма Бѣляевъ, на предъявленномъ мнѣ нынѣ духовномъ его завѣщаніи похожа на его почеркъ, но имъ-ли сдѣлана, сказать не могу, потому что при этомъ не былъ. О существованіи этого завѣщанія я узналъ чрезъ нѣсколько недѣль послѣ смерти Бѣляева отъ служившаго въ той же конторѣ Шмелева. Сообщая мнѣ это извѣстіе, Шмелевъ сказалъ: „наконецъ-то найдено духовное завѣщаніе, которое такъ долго искали.“ При этомъ Шмелевъ не говорилъ мнѣ кто и гдѣ нашелъ завѣщаніе и отъ другихъ я объ этомъ не слыхалъ. Сомнѣнія въ подложности этого завѣщанія мнѣ

Шмелевъ не выражалъ. На похоронномъ обѣдѣ Бѣляева я былъ: вдова Бѣляева Екатерина Васильевна на обѣдѣ не присутствовала, что я твердо помню. Послѣ обѣда я отправился курить не въ комнатѣ квартиры Бѣляевой, а въ свою комнату въ конторѣ. На обѣдѣ или послѣ него я не слыхалъ разговора о томъ, осталось ли послѣ покойнаго завѣщаніе. По смерти Бѣляева я оставался въ конторѣ его до января мѣсяца слѣдующаго года. Разговоровъ между служащими о фальшивости завѣщанія Бѣляева, и о томъ, гдѣ оно хранилось не было. Былъ ли опечатанъ кабинетъ покойнаго не знаю. Отъ Караганова и Кемпе я ничего относительно духовнаго завѣщанія Бѣляева, не слыхалъ, Матвѣева я встрѣчалъ въ конторѣ, и разговоровъ съ нимъ не имѣлъ: На вопросы повѣренныхъ гражд. истца Клюевъ показалъ: Вскорѣ послѣ смерти Бѣляева я дѣйствительно по просьбѣ Анны Васильевны Ремянниковой писалъ не помню одно или два письма къ кому то изъ ея родственниковъ, въ которыхъ она извѣщала о смерти Бѣляева. До приведеннаго мною разговора съ Шмелевымъ, я слышалъ отъ того же Шмелева, что ищутъ завѣщаніе, но кто именно искалъ, онъ мнѣ не говорилъ. Ивана Михайловича Дьяконова я хорошо знаю, но подъ его руководствомъ счетоводствомъ по питейной части не занимался. Отъ квартирной хозяйки Дьяконова, Ершовой, я ничего не слыхала о духовномъ завѣщаніи Бѣляева и въ квартирѣ Дьяконова о томъ, что мнѣ извѣстно, что завѣщаніе Бѣляева подписано Карагановымъ, я не говорилъ. Куда именно писалъ я письмо по просьбѣ Ремянниковой не помню, во всякомъ случаѣ за городъ. Послѣ смерти Бѣляева меня разсчиталъ Александръ Константиновичъ Мясниковъ по моей просьбѣ. Я обратился сперва къ Бѣляевой, но она сказала мнѣ, что передастъ объ этомъ Мясникову. (Подписали:) Клюевъ, Макалинскій и проч.

ПРОТОКОЛЪ.

1868 года, октября 15 дня, судебный слѣдователь 5 участка г. С.-Петербурга Макалинскій, въ канцеляріи своей, составилъ сей протоколъ о томъ, что вслѣдствіе предложенія прокурора с.-петер-

бургскаго окружнаго суда отъ 8 октября за № 14450, въ присутствіи товарища прокурора Демидова, царскосельскаго купца Ив. А. Ижболдина, повѣренныхъ Ижболдиныхъ: Сысоева, Смирнова, Венгерова и Германа, капитана Александра Мясникова и понятыхъ: домовладѣльца коллежскаго секретаря Станислава Игнатьевича Дунина-Мартинковича, управляющаго домомъ Булина, титулярнаго совѣтника Григорія Степановича Рѣткина и управляющаго домомъ Бурды — отставнаго унтеръ-офицера Николая Красовскаго, было произведено чрезъ свѣдущихъ людей учителей чистописанія: коллежскаго ассесора Ивана Петров. Колпакова, губ. секр. Николая Прокоф. Румянцова и коллеж. ассес. Сергѣя Антон. Антонова сличеніе подписи Козьмы Бѣляева на духовномъ завѣщаніи отъ 10 мая 1858 года съ представленными къ дѣлу письмами и документами, на которыхъ имѣются почерки купца Бѣляева и мѣщанина Амфилогія Александрова Караганова. При сличеніи Александромъ Мясниковымъ представлены четыре письма Бѣляева отъ 3, 17 и 24 апрѣля, и 24 октября 1840 г., и разорванный вексель въ 10,000 р. отъ 21 августа 1858 г., на которомъ не достаетъ (передняго и задняго) кусковъ съ обѣихъ сторонъ. По сличеніи гг. эксперты на предложенные слѣдователемъ вопросы объявили: 1) есть ли въ подписи Бѣляева на духовномъ завѣщаніи 10 мая 1858 г. сходство съ почеркомъ его на представленныхъ къ дѣлу письмахъ и документахъ? г. Румянцовъ объяснилъ, что онъ по слабости зрѣнія никакого заключенія дать не можетъ. Гг. же Колпаковъ и Антоновъ, что слово Бѣляевъ на духовномъ завѣщаніи не имѣетъ сходства съ почеркомъ Бѣляева какъ по сравнительному разстоянію между буквами, такъ и по характеру росчерка, который у Бѣляева бывалъ какъ видно изъ писемъ Бѣляева и документовъ, двоякаго рода, при чемъ одинъ употреблялся имъ тогда, когда онъ не дописывалъ букву "ъ", а другой когда онъ эту букву дописывалъ и этотъ послѣдній росчеркъ не похожъ на росчеркъ на завѣщаніи, не смотря на то, что на завѣщаніи имѣется буква „ъ" и вообще слово „Бѣляевъ" написано не такимъ твердымъ почеркомъ, какъ на представленныхъ для сличенія письмахъ и документахъ и въ особенности въ журналѣ Бѣляева, гдѣ сдѣлана его рукою отмѣтка въ одинъ день съ составленнымъ завѣщаніемъ. Относительно того, происходитъ ли это несходство оттого что подпись на завѣщаніи сдѣлана не Бѣляевымъ,

а другимъ лицомъ или же оттого, что завѣщаніе подписано Бѣляевымъ въ болѣзненномъ состояніи, опредѣлить невозможно, но изъ отмѣтки въ журналѣ Бѣляева 10 мая 1858 г. видно, что онъ писалъ въ этотъ день обыкновеннымъ своимъ почеркомъ. Слово „Козьма“ на завѣщаніи также не имѣетъ сходства съ представленными къ дѣлу документами и письмами, кромѣ разорваннаго векселя, предъявленнаго г. Мясниковымъ во время сличенія, какъ по разстановкѣ буквъ такъ и по характеру ихъ, преимущественно въ буквахъ „з“ и „ь“ изъ которыхъ первая на завѣщаніи сдѣлана болѣе прямымъ штрихомъ, тогда какъ Бѣляевъ писалъ ее болѣе закругленно, а вторая написана на завѣщаніи снизу вверхъ, тогда какъ постоянная привычка Бѣляева была писать ее сверху внизъ, съ разорваннымъ же векселемъ, предъявленнымъ г. Мясниковымъ, слово „Козьма“ имѣло большое сходство, не исключая буквы з, но кромѣ буквы ь, которая на векселѣ написана также сверху внизъ и 2) имѣетъ ли подпись Бѣляева на завѣщаніи сходство съ почеркомъ мѣщанина Амфилогія Александрова Караганова, и могъ ли Карагановъ подписаться за Бѣляева на завѣщаніи? гг. Колмаковъ и Антоновъ объяснили, что почеркъ Караганова не имѣетъ сходства съ подписью Бѣляева на завѣщаніи, но судя по измѣнчивости и развитости почерка Караганова, можно допустить, что человѣкъ способный такъ разнообразить свой почеркъ, могъ поддѣлать подпись Бѣляева на завѣщаніи. Затѣмъ г. Сысоевъ предложилъ вопросъ: нельзя ли по характеру письма текста завѣщанія вывести заключеніе, что текстъ пригонялся къ подписи Бѣляева, т. е. что подпись Бѣляева была сдѣлана прежде написанія текста завѣщанія? гг. Колмаковъ и Антоновъ объяснили, что дѣйствительно въ началѣ завѣщаніе писано болѣе сжатымъ почеркомъ, затѣмъ болѣе расширеннымъ и наконецъ опять сжатымъ со словъ: „что такова моя послѣдняя воля“ и что это обстоятельство можетъ наводить сомнѣніе не написанъ ли текстъ завѣщанія послѣ подписи Бѣляева, но утвердительно отвѣчать на этотъ вопросъ нельзя, такъ какъ различная сжатость почерка могла происходить отъ другихъ причинъ, какъ напримѣръ оттого, что въ началѣ завѣщанія первыя слова написаны крупнѣе и тщательнѣе, а послѣднія слова передъ подписью завѣщателя написаны нѣсколько времени спустя послѣ написанія текста завѣщанія. Сличеніе почерковъ окончено въ три часа пополудни. (Под-

писали:) Макалинскій, Колмаковъ и, Антоновъ, Румянцевъ, Демидовъ, Смирновъ, Ижболдинъ, Сысоевъ, Венгеровъ, Красовскій, Рѣткипъ, Дунинъ-Мартинковичъ, Германъ, Мясниковъ.

1868 года, октября 18 дня, судеб. слѣдователь Щировскій, согласно требованія судебнаго слѣдователя 5 участка г. С-.Пбурга, нижеписаннаго спрашивалъ:

Ананій Поликарповъ, отъ роду имѣю 40 лѣтъ, вѣры православной, у исповѣди и св. причастія каждый годъ бываю, грамотѣ не умѣю, судимъ не былъ, бывшій временно-обязанный крестьянинъ помѣщика Мясникова, деревни Ведневки, показываю: царскосельскаго купца Ивана Алексѣева и жену его Анну Николаеву Ижболдиныхъ и купеческаго сына Амфилогія Александрова Караганова я вовсе не знаю; капитана Александра и коллежскаго ассесора Ивана Константиновыхъ Мясниковыхъ я знаю потому, что они были мои владѣльцы; въ особыхъ-же отношеніяхъ я съ Мясниковыми никогда не находился. Въ услуженіи у купца Козьмы Васильева Бѣляева я находился лѣтъ десять тому назадъ, въ должности дворника. Во время смерти купца Бѣляева я въ услуженіи у него находился и кромѣ меня въ то время были у Бѣляева въ услуженіи: Василій Михайловъ, Александръ Петровъ и Иванъ Ефремовъ, званія-же ихъ и мѣста жительства я не знаю. Какія именно вынесъ бумаги въ день смерти Бѣляева изъ его кабинета Александръ Мясниковъ, для какой надобности и кто ему въ этомъ помогалъ, я не знаю. О желаніи Бѣляева составить духовное завѣщаніе въ пользу жены своей Екатерины Васильевой, а равно и о томъ, что уже отъ Бѣляева составлено завѣщаніе, 10 мая 1858 года, я ни отъ Бѣляева, ни отъ кого другаго не слыхалъ. Означеннаго завѣщанія я не видалъ и не знаю почему оно писано не собственноручно Бѣляевымъ, а другимъ какимъ-то мнѣ неизвѣстнымъ лицомъ, Целебровскимъ. Когда и кѣмъ найдено было упомянутое завѣщаніе Бѣляева отъ 10 мая 1858 года, мнѣ совершенно неизвѣстно. По какому случаю на завѣщаніи томъ подписались свидѣтелями: протоіерей Василій Сицилинскій и медикъ коллежскій ассесоръ Федоръ Иваномъ Отто, я тоже не знаю; а равно мнѣ неизвѣстно составлено-ли это завѣщаніе самимъ Бѣляевымъ или кѣмъ другимъ послѣ его смерти. Разговора о фальшивости завѣщанія, оказавшагося послѣ смерти Бѣляева я не слыхалъ. По сему предмету мнѣ совершенно ниче-

го неизвѣстно. При чемъ присовокупляю, что родной мой братъ Андрей Поликарповъ уже болѣе 10 лѣтъ находится въ С.П-бургѣ; прежде онъ жилъ у купца Бѣляева, а нынѣ живетъ на Васильевскомъ островѣ въ 6 линіи поваромъ у генерала Купріянова. (Подписали): за неграмотностью Поликарпова Батуринскій волостной писарь Трофимъ Савинъ и судебный слѣдователь Щировскій.

ПРОТОКОЛЪ.

1868 года, октября 29 числа, въ 12 часу дня, судебный слѣдователь 5 участка г. С.П-бурга Макалинскій, въ канцеляріи своей, допрашивалъ безъ присяги, но съ предвареніемъ о ней, отставнаго поручика Дмитрія Егоровича Бенардаки, въ присутствіи повѣреннаго Ижболдиныхъ Смирнова и онъ показалъ: отъ роду мнѣ 69-й годъ, вѣры я православной, подъ судомъ не былъ, проживаю Литейной части, по Невскому проспекту, въ собственномъ домѣ. Купца Ивана Ижболдина, жену его Анну Николаеву и мѣщанина Амфилогія Караганова, не знаю; Александра и Ивана Константиновичей Мясниковыхъ знаю, но въ родствѣ, свойствѣ, или въ особыхъ отношеніяхъ съ ними не нахожусь; лѣтъ 6 тому назадъ я былъ съ ними товарищемъ по откупу на Кавказѣ, съ тѣхъ поръ никакихъ общихъ дѣлъ съ ними не имѣю. Покойнаго купца Козьму Васильевича Бѣляева я зналъ, но былъ съ нимъ въ очень не близкихъ отношеніяхъ, въ близкихъ-же отношеніяхъ я былъ со старикомъ Мясниковымъ, у котораго онъ служилъ. На похоронахъ Бѣляева я не былъ; въ домѣ Бѣляева я былъ всего однажды, когда Бѣляевъ отстроилъ свой домъ. О духовномъ завѣщаніи Бѣляева мнѣ ничего не извѣстно. Знаю только, что передъ смертью Бѣляева Мясниковы были съ нимъ не въ хорошихъ отношеніяхъ, а Мясниковы послѣ смерти его говорили мнѣ, что онъ долженъ имъ 270 тыс. Какъ я теперь припомнилъ я былъ съ Мясниковыми товарищемъ въ послѣднее откупное трехлѣтіе передъ уничтоженіемъ откуповъ, т. е. уже послѣ смерти Бѣляева, если онъ умеръ въ 1858 году. На вопросы повѣреннаго гражданскаго истца г. Бенардаки объяснилъ: со мною Бѣляевъ въ паяхъ по откупамъ не былъ никогда. Бѣ-

ляевъ извѣстнымъ откупщикомъ, вовсе не былъ и даже я не могу припомнить, чтобы онъ былъ откупщикомъ; старикъ Иванъ Федоровичъ Мясниковъ, у котораго Бѣляевъ служилъ, обращался съ Бѣляевымъ слѣдующимъ образомъ: Козьма, сходи туда, принеси то и т. п. Можетъ быть Бѣляевъ былъ небольшимъ откупщикомъ или имѣлъ не гласные паи; Мясниковъ-же старикъ былъ большой откупщикъ.—Какъ говорили о Бѣляевѣ, онъ имѣлъ до 400 тысячъ капитала, но послѣ онъ завелъ лѣсную торговлю, на которой онъ много потерялъ; это было года за два или за три до его смерти; онъ никогда богатымъ не былъ, да и не откуда ему было быть богатымъ; 400 тысячъ рублей самое большее, что онъ могъ имѣть въ самое лучшее для себя время. Рыбныхъ промысловъ и золотыхъ пріисковъ у него не было, а были у старика Мясникова; можетъ быть онъ имѣлъ, но мнѣ это неизвѣстно. Лучше всѣхъ знаетъ отношенія Бѣляева съ Мясниковымъ Исаакъ Осиповичъ Утинъ, служившій у старика Мясникова и живущій на Конногвардейскомъ бульварѣ въ собственномъ домѣ (подписали): поручикъ Бенардаки, слѣдователь Макалинскій, повѣренный Ижболдиныхъ Смирновъ. При отобраніи показанія явились и присутствовали при допросѣ Адамъ Каміонко, при отобраніи показанія и во время прочтенія онаго находился коллежскій Ассесоръ Сысоевъ и коллежскій Секретарь Германъ.

ПРОТОКОЛЪ.

1868 года, октября 29 числа, въ 12 часу дня, судеб. слѣдователь 5 участка г. С-.Пбурга Макалинскій, въ канцеляріи своей, допрашивалъ безъ присяги, но съ предвареніемъ о ней, въ присутствіи повѣренныхъ Ижболдиныхъ: Каміонко, Смирнова, Сысоева и Германа потомственнаго почетнаго гражданина и кронштадскаго 1 гильдіи купца Ивана Алексѣева Иконникова и онъ показалъ:

Отъ роду мнѣ 63 годъ, вѣры я православной, подъ судомъ не былъ, проживаю Московской части, на Невскомъ проспектѣ, въ д. Перемыкина, занимаюсь больше подрядами и золотопромышленными дѣлами; купца Ивана Ижболдина, жену его Анну Николаеву и

мѣщанина Амфилогія Караганова, не знаю, Александра и Ивана Мясниковыхъ знаю, но въ родствѣ, свойствѣ, или особыхъ отношеніяхъ съ ними не состою. Покойнаго купца Козьму Васильевича Бѣляева я зналъ, но въ особыхъ близкихъ отношеніяхъ съ нимъ не былъ; а зналъ его потому, что онъ былъ повѣреннымъ Ивана Ѳедоровича Мясникова. На похоронахъ Бѣляева и на похоронномъ обѣдѣ не былъ. О завѣщаніи Бѣляева мнѣ совершенно ничего неизвѣстно. На вопросы повѣренныхъ гражданскаго истца г. Иконниковъ объяснилъ: о состояніи и дѣлахъ Бѣляева мнѣ также ничего неизвѣстно. (Подписали:) Иконниковъ, Макалинскій, Смирновъ, Сысоевъ, Каміонко, Германъ.

ПРОТОКОЛЪ.

1868 года, октября 29 числа, въ 12 ч. дня, суд. слѣдователь 5 участка г. С. П.б. Макалинскій, въ канцеляріи своей, составилъ сей протоколъ о томъ, что въ присутствіи повѣренныхъ Ижболдиныхъ: Каміонко, Смирнова, Сысоева и Германа допрашивалъ безъ присяги, но съ предвареніемъ о ней, коллежскаго ассесора Константина Игнатьевича Шимановскаго въ дополненіе къ показанію его отъ 27 августа и онъ объяснилъ:

Въ 1865 или 1866 году, на вѣрно не помню этого, но именно въ то время, когда, по объясненію гг. Ижболдина и Герасимова производилась въ коммисіи прошеній по всеподданнѣйшей просьбѣ, Его Императорскому Величеству поданной, дѣло о духовномъ завѣщаніи купца Бѣляева, гг. Ижболдинъ и Герасимовъ пріѣзжали ко мнѣ и послѣдній прочиталъ мнѣ росписку, которую приготовилъ для передачи ея Ижболдинымъ г. Чевакинскому. При этомъ они разсказали мнѣ, что завѣщаніе купца Бѣляева необходимо представить въ коммисію прошеній, а такъ какъ оно по ихъ мнѣнію должно находиться у г. Бѣляевой или повѣреннаго ея г. Чевакинскаго, то они были у г. Чевакинскаго съ просьбою представить завѣщаніе, на что г. Чевакинскій объявилъ имъ, что завѣщаніе это представитъ въ такомъ только случаѣ, когда Ижболдинъ дастъ ему подписку, по которой онъ освобождаетъ Бѣляеву отъ всякаго обвиненія и преслѣдованія по поводу фаль-

шивости завѣщанія и даже продиктовалъ содержаніе подписки, но Ижболдинъ въ то время не рѣшился выдать такой подписки, а въ другой разъ поѣхалъ къ г. Чавакинскому съ намѣреніемъ исполнить его требованіе, но не засталъ его дома; по этому, полагая, что г. Чевакинскій не принялъ его, обратился ко мнѣ съ Герасимовымъ съ просьбою съѣздить къ г. Чевакинскому и передать ему просьбу ихъ о представленіи въ коммисію прошеній завѣщанія. Исполнивъ это, я былъ у г. Чевакинскаго и передалъ ему о просьбѣ г. Ижболдина, на что онъ мнѣ отвѣтилъ, что представитъ завѣщаніе, но съ тѣмъ, чтобы выдана была ему подписка въ такомъ родѣ, какъ мнѣ объяснили гг. Ижболдинъ и Герасимовъ; при чемъ былъ разговоръ о возможности выдать такую росписку и я высказалъ, что такая росписка ни сколько не можетъ освобождать отъ обвиненія, если судъ признаетъ виновность кого либо; г. Ижболдинъ выразилъ опасеніе, что выдачею росписки онъ можетъ потерять дѣло. Гг. Ижболдинъ и Герасимовъ говорили мнѣ, что росписку продиктовалъ г. Чевакинскій, а г. Герасимовъ записалъ содержаніе ея. Не заставъ г. Чевакинскаго дома, они вывели заключеніе, что онъ ихъ не принялъ и обратились ко мнѣ потому, что я знакомъ былъ съ г. Чевакинскимъ и часто бывалъ у него, росписки я самъ не читалъ, а г. Герасимовъ прочелъ ее мнѣ. Почерка его руки не знаю. Подписали: Шимановскій, Макалинскій, Смирновъ, Каміонко, Сысоевъ, Германъ.

ПРОТОКОЛЪ.

1868 года, октября 29 числа, въ 1 часу дня, судеб. слѣдователь 5 участка г. С.-Петербурга, Макалинскій, въ канцеляріи своей, составилъ сей протоколъ о томъ, что въ присутствіи повѣренныхъ Ижболдиныхъ: Каміонко, Смирнова, Сысоева и Германа допрашивалъ безъ присяги, но съ предвареніемъ о ней, Петергофскаго 2 гильдіи купца Ивана Сергѣева Денисьева, въ дополненіе къ показанію его отъ 2 августа и онъ объяснилъ:

Амфилогій Александровъ Карагановъ со мною никогда не совѣтовался о томъ, что онъ подписалъ завѣщаніе Бѣляева и что же-

лаетъ раскрыть это дѣло Ижболдину; и вообще я отъ Караганова ничего о завѣщаніи Бѣляева не слыхалъ, а если бы Карагановъ заикнулся мнѣ о фальшивости завѣщанія, то я тотчасъ же довелъ бы объ этомъ до свѣдѣнія подлежащаго начальства. На вопросы повѣренныхъ гражд. истца г. Денисьевъ показалъ: состояніе Бѣляева я опредѣлить не могу, но мы всѣ почитали его человѣкомъ очень богатымъ, потому что онъ былъ компаніономъ почти во всѣхъ откупахъ Мясниковыхъ, а въ 1857 и 58 гг. онъ держалъ обще съ Красильниковымъ откупъ по Олонецкой губерніи; съ 1846 по 56 годъ я служилъ у Бѣляева, а съ 1856 по 61 годъ у Александра Красильникова; Бѣляева я зналъ за человѣка дѣятельнаго и акуратнаго, который собственной рукой не только писалъ письма, но и надписывалъ конверты (Подписали): Денисьевъ, Макалинскій, Смирновъ, Каміонко, Сысоевъ, Германъ. Во время допроса прибылъ повѣренный Ижболдиныхъ Венгеровъ.

ПРОТОКОЛЪ.

1868 года, октября 29 дня, судеб. слѣдователь 5 участка С.-Петербурга Макалинскій, въ канцеляріи своей, допрашивалъ безъ присяги, но съ предвареніемъ о ней, жену титулярнаго совѣтника Татьяну Васильевну Крутицкую въ присутствіи повѣренныхъ Ижболдиныхъ: Каміонко, Смирнова, Сысоева, Германа и Венгерова, и она показала:

Отъ роду мнѣ 48-й годъ, вѣры я православной, подъ судомъ не была, проживаю 4 участка Спасской части, по Большой подъяческой, въ домѣ № 25 кв. 8. Купца Ивана Ижболдина, жену его Анну Николаеву и мѣщанина Амфилогія Караганова не знаю, Александра и Ивана Мясниковыхъ знаю, но родства, свойства и дѣловыхъ отношеній съ ними не имѣю, и дочь протоіерея Сицилинскаго и покойнаго купца Козьму Васильевича Бѣляева знала. Отецъ мой былъ духовникомъ Бѣляева и какъ я слышала подписался на его завѣщаніи; когда я это слышала, не знаю, но, вѣроятно, послѣ смерти Бѣляева; подпись на предъявленномъ мнѣ нынѣ духовномъ завѣщаніи Бѣляева сдѣлана моимъ отцомъ. О подложности завѣщанія Бѣляева—я ничего не знаю, не слыхала.

Александра Степановича Безсонова я знаю, но не помню, чтобы онъ въ домѣ моего отца говорилъ о завѣщаніи Бѣляева и я не помню, чтобы я отвѣчала: Богъ ихъ знаетъ, что они дѣлаютъ, не мое дѣло. Я слышала не помню отъ кого, а кажется и отъ отца, что явились претенденты, оспаривающіе завѣщаніе Бѣляева, но кто они такіе и въ чемъ дѣло, мнѣ неизвѣстно. Отъ отца я ничего не слыхала о томъ, какимъ образомъ составлено было это завѣщаніе; отецъ мой былъ такъ старъ, что иногда забывалъ что говорилъ. Подпись отца моего на допросѣ 17 октября 1858 года въ гражданской палатѣ, нынѣ мнѣ предъявленную, я признаю за настоящую. Разницу между этою подписью и подписью на завѣщаніи я объясняю тѣмъ, что у отца всегда тряслись руки; на похоронномъ обѣдѣ Бѣляева я не была; о желаніи Бѣляева составить завѣщаніе въ пользу жены я никогда не слыхала. Бѣляева со мною о дѣлахъ никогда ничего не говорила. (Подписали): Крутицкая, Макалинскій, Венгеровъ, Смирновъ, Каміонко, Сысоевъ, Германъ.

ПРОТОКОЛЪ.

1868 года, октября 29, судебный слѣдователь, 5 участка г. С.-Петербурга, Макалинскій, въ канцеляріи своей, допрашивалъ безъ присяги, но съ предвареніемъ о ней краснослободскаго мѣщанина Ивана Николаева Мыльникова. въ присутствіи повѣренныхъ Ижболдинныхъ: Каміонко, Смирнова, Венгерова, Сысоева и Германа, и онъ показалъ:

Отъ роду мнѣ 45-й годъ, вѣры я православной, подъ судомъ не былъ, прож. Рождеств. часть 1 участка, по Набержн. Невы д. № 61 повѣреннымъ у купца Ненюкова. Купца Ивана Ижболдина, жену его Анну Николаеву и мѣщанина Амфилогія Карганова не знаю, Александра и Ивана Константиновыхъ Мясниковыхъ знаю, но родства, свойства и дѣловыхъ отношеній съ ними не имѣю. Покойнаго купца Козьму Васильевича Бѣляева я не зналъ. У Мясниковыхъ я служилъ всего мѣсяцевъ шесть или восемь по откупамъ ихъ на Кавказѣ, а именно, какъ я теперь вспомнилъ, съ іюля 1861 года по мартъ 1862 года. Покойнаго

Ѳедора Карловича Кемпе я зналъ хорошо, былъ съ нимъ въ близкихъ пріятельскихъ отношеніяхъ, онъ былъ мнѣ кумъ. Подробностей составленія завѣщанія, оказавшагося по смерти Бѣляева, мнѣ Кемпе не разсказывалъ. Говорилъ онъ мнѣ отрывочно, что наслѣдники и даже постороннія лица сомнѣваются въ завѣщаніи и что онъ самъ сомнѣвается, объясняя, что ему казалось страннымъ какимъ образомъ Бѣляевъ ничего не отказалъ наслѣдникамъ, и что, будучи съ Бѣляевымъ въ близкихъ отношеніихъ, онъ ничего отъ него о духовномъ завѣщаніи не слыхалъ. По этому, какъ высказывалъ мнѣ Кемпе, онъ частію сомнѣвался въ завѣщаніи. Но прямо подложнымъ Кемпе завѣщанія не называлъ и не говоритъ кто и какъ и гдѣ его подписалъ. Разговоры эти были въ 1864 году и высказывался мнѣ Кемпе по тому поводу, что тогда наслѣдники оспаривали завѣщаніе. Знакомъ я съ Кемпе съ 1859 года, но до 1864 года онъ мнѣ о завѣщаніи Бѣляева ничего не говорилъ. Также Кемпе мнѣ говорилъ, что ему не было извѣстно о сохранной роспискѣ въ 300 т. руб., выданной Бѣляевымъ Мясниковымъ и что это обстоятельство тоже наводило его на сомнѣніе насчетъ духовнаго завѣщанія; какимъ образомъ составлена эта росписка мнѣ Кемпе не разсказывалъ, говорилъ только, что вскорѣ послѣ смерти Бѣляева, но какъ скоро не знаю, онъ, Кемпе, былъ у Александра Константиновича Мясникова, который показалъ ему росписку Бѣляева въ 300 т. руб. и сказалъ: „не знаю получу ли теперь по ней“; росписку эту Кемпе называлъ сохранной, но не говорилъ о формѣ ея. На вопросы повѣренныхъ гражд. истца Мыльниковъ объяснилъ: отъ Кемпе я не слыхалъ о томъ, было ли Мясниковыми вывезено имущество изъ кабинета Бѣляева. Кромѣ Кемпе я ни отъ кого объ этомъ дѣлѣ не знаю. Кемпе находился у Мясниковыхъ на службѣ лѣтъ 6; добровольно ли или нѣтъ онъ оставилъ службу, не знаю; по оставленіи имъ службы онъ бывалъ у Мясниковыхъ въ домѣ; его, какъ говорилъ, принимали ласково, но давали ли ему деньги, не знаю. Кемпе не говорилъ, что ему извѣстны большія подробности о завѣщаніи и сохранной роспискѣ. Кемпе отошелъ отъ Мясниковыхъ въ 1861 г. или 1862 г. послѣ управленія Порховскимъ откупомъ. Живя въ Порховѣ на службѣ у Мясниковыхъ, онъ часто бывалъ въ Петербургѣ, но былъ ли онъ сюда вызываемъ

Мясниковыми, мнѣ неизвѣстно. (Подписали): Мыльниковъ, Макалинскій, Каміонко, Смирновъ, Венгеровъ, Сысоевъ, Германъ.

ПРОТОКОЛЪ.

1868 года, ноября 5 числа, судебный слѣдователь, 5 участка г. С.-Петербурга, Макалинскій, въ канцеляріи своей, допрашивалъ безъ присяги, но съ предвареніемъ о ней, крестьянина Смоленской губерніи, Бѣльскаго уѣзда, деревни Видневки Андрея Поликарпова въ присутствіи повѣренныхъ Ижбодиныхъ Смирнова и Германа, и онъ показалъ:

Отъ роду мнѣ 28 годъ, вѣры я православной, подъ судомъ не былъ, проживаю Васил. части 1 уч. по 6 линіи въ домѣ генерала Купріянова, у него поваромъ. Лѣтомъ я уѣзжалъ съ господами въ ихъ имѣніе Московской губерніи. Съ царскосельскимъ купцомъ Иваномъ Ижболдинымъ, женою его Анною Николаевою, Александромъ и Иваномъ Константиновичами Мясниковыми и Амфилогіемъ Александровымъ Карагановымъ никакихъ особыхъ отношеній не имѣю, я былъ прежде крепостнымъ Ивана Мясникова, но года три уже Мясниковыхъ не видалъ, у Козьмы Васильевича Бѣляева я служилъ лѣтъ 9 въ должности повара, т. е. служилъ въ его домѣ всего лѣтъ 9, года четыре при жизни его и лѣтъ 5 послѣ его смерти. Относительно духовнаго завѣщанія Бѣляева мнѣ ничего неизвѣстно. Слыхалъ я, что осталось завѣщаніе, но когда т. е. какъ скоро послѣ смерти Бѣляева я объ этомъ услыхалъ не припомню. О фальшивости же этого завѣщанія я не слыхалъ. Завѣщаніе это я не видалъ и не знаю кто и гдѣ его нашелъ. Переносилъ ли что Александръ Константиновичъ Мясниковъ послѣ смерти Бѣляева изъ его кабинета, не знаю, до меня это не касалось, такъ какъ я былъ на кухнѣ и при томъ еще мальчикомъ. Больше ничего показать не имѣю. (Подписали): Поликарповъ, Макалинскій, Смирновъ, Германъ.

ПРОТОКОЛЪ.

1868 года, ноября 5 числа, судебн. слѣдователь 5 уч. г. С.-Петербурга Макалинскій, въ канцеляріи своей, допрашивалъ безъ присяги, но съ предвареніемъ о ней кронштадтскаго мѣщанина Василія Михайлова Китаева, въ присутствіи повѣренныхъ Ижболдиныхъ Смирнова и Германа и капитана Александра Мясникова, и онъ показалъ.

Отъ роду мнѣ 36-й годъ, вѣры я православной, подъ судомъ не былъ, проживаю Лит. ч. 3 уч. у спаса Преображенія въ д. Лисицына подъ № 1, въ настоящее время безъ мѣста, которое пріискиваю себѣ въ С.-Петербургѣ, пріѣхалъ сюда недѣлю тому назадъ изъ Казанской губерніи. Купца Ивана Ижболдина и жену его Анну Николаеву, Александра и Ивана Мясниковыхъ и Амфилогія Караганова знаю, но никакихъ особыхъ отношеній съ ними не имѣю. У покойнаго Козьмы Васильевича Бѣляева я былъ сперва новаромъ, а потомъ послѣдніе годы его жизни до самой его смерти былъ у него каммердинеромъ. Бѣляевъ страдалъ лѣтъ 5 геммороидальными припадками, которые особенно усилились мѣсяца за два до его смерти, впрочемъ этого я положительно припомнить не могу. О духовномъ завѣщаніи Бѣляева могу сказать только, что сначала послѣ смерти Бѣляева завѣщанія не было открыто и всѣ думали; что его нѣтъ. Я спрашивалъ о завѣщаніи у Федора Карловича Кемпе, онъ мнѣ сказалъ, что его нѣтъ, потомъ тотчасъ послѣ похоронъ Бѣляева я спрашивалъ у Федора Ивановича Отто, который меня любилъ, онъ мнѣ сказалъ, что подписывалъ много бумагъ, но завѣщанія не подписывалъ. Отто былъ очень добрый и честный человѣкъ; также сестра Бѣляева Анна Васильевна Ремянникова говорила мнѣ, что какъ это дурно сдѣлалъ Козьма Васильевичъ, что не оставилъ завѣщанія; Екатерина Васильевна Бѣляева на похоронномъ обѣдѣ своего мужа сидѣла, только мало кушала; отъ нея самой я не слыхалъ о томъ, что завѣщанія не осталось; не помню какъ скоро послѣ этого пошелъ слухъ, что завѣщаніе открыли, и что Александръ Константиновичъ Мясниковъ привезъ его къ Екатеринѣ Васильевнѣ; тогда собрались вечеромъ въ столовой Александръ Констан-

тиновичъ, Иванъ Константиновичъ, Ѳедоръ Ивановичъ Отто, Левъ Федоровичъ Каменскій и не помню еще кто. Я подавалъ туда чай, но разговоровъ ни какихъ не слыхалъ, только видѣлъ, что на столѣ лежала бумага. Въ этотъ вечеръ на мой вопросъ—что это значитъ, что къ намъ въ непоказанное время собрались гости, Анна Васильевна Ремянникова отвѣчала мнѣ, что духовное завѣщаніе открываютъ. Я при этомъ не спросилъ у нея откуда же взялось завѣщаніе, когда его прежде не было, не спрашивалъ также и послѣ, равнымъ образомъ я не спрашивалъ объ этомъ и Отто, не видалъ его послѣ, на кухнѣ я не говорилъ, что завѣщаніе передѣлываютъ, а всѣ мы, основываясь на словахъ Отто и Ремянниковой, полагали, что завѣщаніе фальшиво. Отъ кого пошелъ слухъ, что завѣщаніе привезено къ Бѣляевой Алекс. Константиновичемъ, не знаю. Полагали же мы—прислуга Бѣляевыхъ—что завѣщаніе фальшиво еще потому, что мы всѣ по добротѣ Бѣляева разсчитывали, что онъ насъ наградитъ, а между тѣмъ въ завѣщаніи ни кому ничего отказано не было, кромѣ Ремянникой, которая не разчитывала хорошо ужиться съ невѣсткой и въ самый день смерти Бѣляева просила Александръ Константиновича не оставить ее безъ вниманія. Кѣмъ завѣщаніе составлено и подписано—не слыхалъ и не знаю. Къ покойному Бѣляеву ходилъ иногда съ дѣлами чиновникъ Целебровскій, но недѣли за двѣ до смерти Бѣляевъ пересталъ его принимать, говоря, что онъ ходитъ подъ разными предлогами просить денегъ. Послѣ же смерти Бѣляева, около 9 дня Целебровскій раза три или четыре приходилъ къ Екатеринѣ Васильевнѣ; въ самый же день смерти барина Екатерина Васильевна сказала Целебровскому, что онъ ей совсѣмъ не нуженъ. Также около 9 дня по смерти Бѣляева каждый день приходилъ къ барынѣ Амфилогій Карагановъ, который прежде ходилъ къ Бѣляеву отъ Александра Константиновича разъ или два въ недѣлю. За долго ли это было до открытія завѣщанія не помню. Въ самый же день смерти Бѣляева, по приказанію Екатерины Васильевны, всѣ дѣловыя бумаги, находившіяся въ кабинетѣ покойнаго, были въ 9 часовъ вечера связаны и вынесены въ карету Александра Константиновича. При этомъ присутствовала сама Екатерина Васильевна. Я связывалъ эти бумаги. Тутъ были и книги. Тотчасъ же послѣ смерти Бѣляева Александръ и Иванъ Константиновичи дали чиновнику Мат-

вѣеву изъ 2 комнаты кабинета Бѣляева портфель не знаю съ чѣмъ. Когда баринъ кончался Александръ Константиновичъ спросилъ гдѣ ключи барина, я вынулъ изъ подушки и передалъ ихъ Александру Константиновичу. Екатерины Васильевны въ комнатѣ тутъ въ это время не было. Съ этими ключами Александръ Константиновичъ отперъ всѣ шкафы въ кабинетѣ покойнаго и я видѣлъ какъ онъ вынулъ барынины бриліантовыя вещи и перенесъ ихъ къ барынѣ въ спальню. Желѣзный несгараемый сундукъ былъ у Бѣляева не знаю съ чѣмъ и стоялъ въ спальнѣ, въ кабинетѣ же такого сундука не было и деньги хранились въ конторкѣ, впрочемъ у Бѣляева въ конторкѣ были только деньги на расходы, гдѣ же находились билеты не знаю. Золотую монету въ мѣшечкахъ я видѣлъ у Бѣляева, когда онъ привозилъ ее съ монетнаго двора, но не знаю чья она была его ли собственная или гг. Мясниковыхъ. Гдѣ у Бѣляева хранилась эта золотая монета мнѣ не извѣстно, въ кабинетѣ онъ могъ хранить только не большое количество, большее же количество тамъ держать было негдѣ, потому что деньги находились только въ конторкѣ, а въ шкафахъ были бумаги. Я не видалъ, чтобы послѣ смерти Бѣляева кто нибудь выносилъ мѣшечки съ золотой монетой. Въ первый день смерти Бѣляева пришелъ квартальный надзиратель или его помощникъ, чтобы опечатать, я доложилъ баринѣ, которая сказала объ этомъ Александру Константиновичу. Александръ Константиновичъ въ передней сказалъ полицейскому чиновнику, что сегодня нельзя, потому что Екатерина Васильевна очень разстроена, а что можно опечатать на другой день. На другой день кабинетъ дѣйствительно былъ опечатанъ, т. е. были запечатаны пустыя конторки и шкафы, этажерки съ бѣльемъ, шкафъ съ платьемъ, картины, жирандоли; двери кабинета не были опечатаны. Назадъ тому года три я служилъ у Александра Красильникова прикащикомъ по питейной части. Тамъ я познакомился съ Ижболдинымъ и заходилъ къ нему нѣсколько разъ. У Ижболдина я встрѣчалъ иногда Александра Федоровича Матвѣева. О завѣщаніи Бѣляева я отъ него ничего не слыхалъ, не приходилось разговаривать объ этомъ; кромѣ Матвѣева я у Ижболдиныхъ никого не встрѣчалъ. Предъявленное мнѣ нынѣ письмо отъ 27 сентября 1863 года на имя Николая Семеновича писано мною къ Герману по его просьбѣ, я полагаю въ то время, какъ я слу-

жилъ у Красильникова. Отошелъ я отъ Бѣляевой въ 1862 году по милости Александра Константиновича, который не хотѣлъ, чтобы я у ней оставался, потомъ прослужилъ годъ на Мало-вишерской станціи, затѣмъ годъ и 5 мѣсяцевъ у Александра Алексѣевича Бильбасова, а отъ Бильбасова поступилъ къ Красильникову, пробывъ долгое время передъ тѣмъ безъ мѣста, на вопросы повѣренныхъ гражданскаго истца Китаевъ показалъ: Бѣляевъ прекратилъ свои занятія за день или за два до смерти; въ тотъ годъ онъ на торги ѣздилъ, но только не на всѣ; пересталъ онъ выѣзжать изъ дома недѣли за двѣ или за три до смерти. Передъ смертью Бѣляевъ на исповѣди и у св. причастія не былъ; умеръ онъ скоропостижно на ватерклозетѣ; священникъ Сицилинскій приходилъ утромъ въ тотъ день, чтобы его исповѣдать, но барыня не допустила, боясь испугать барина; умеръ баринъ часовъ въ 11 утра; Целебровскій очень рѣдко посѣщалъ Бѣляева; Сицилинскій бывалъ только для службы, въ гости же не приходилъ; какъ за долго до смерти Бѣляевъ получилъ золото съ монетнаго двора не могу сказать. Когда въ день смерти Александръ Константиновичъ перевозилъ изъ кабинета Бѣляева бумаги, то бумаги эти были частію связаны веревками въ связки, частію были завязаны въ простыни; перевозка бумагъ была дѣлаема безъ особой поспѣшности, сначала отправили одну карету, потомъ другую. Докторъ Тильманъ началъ лечить Бѣляева за мѣсяцъ, такъ, до смерти Бѣляева, по переѣздѣ нашемъ съ дачи, раньше не лечилъ. Противъ этого показанія Александръ Мясниковъ объяснилъ:

Послѣ смерти Бѣляева собирались въ столовой я, братъ Иванъ Константиновичъ, покойный Каменскій и другія лица, которыхъ не припомню, для распечатанія бумагъ Бѣляева, по освидѣтельствованіи завѣщанія; тамъ былъ и полицейскій чиновникъ, которымъ и былъ объ этомъ составленъ актъ. (Подписалъ). Капитанъ Александръ Константиновъ Мясниковъ. Распечатывались бумаги, находящіяся въ кабинетѣ Бѣляева и опечатанныя послѣ смерти Бѣляева полиціею. (Подписалъ) Мясниковъ. Китаевъ же возразилъ, что по смерти Бѣляева никакихъ бумагъ опечатано не было, а равно и въ столовой никакихъ бумагъ не распечатывали и лежала тамъ на столѣ только одна бумага въ поллиста, сложенная

пополамъ. (Подписалъ): Василій Китаевъ. Судебный слѣдователь Макалинскій, Смирновъ, Германъ, Венгеровъ.

ПРОТОКОЛЪ.

1868 года, ноября 5 числа, судебн. слѣдователь, 5 участка г. С.-Петербурга, Макалинскій, въ канцеляріи своей, допрашивалъ безъ присяги, но съ предвареніемъ о ней, жену кронштадтскаго мѣщанина Надежду Корнилову Китаеву въ присутствіи повѣренныхъ Ижболдинныхъ Венгерова, Смирнова, Александра Мясникова, и Германа и она показала:

Отъ роду мнѣ 32 годъ, вѣры я православной, подъ судомъ не была, проживаю вмѣстѣ съ мужемъ у Спаса Преображенія въ домѣ Лисицына; замужемъ я 11 лѣтъ; Ивана Ижболдина и жену его Анну Николаеву и Амфилогія Караганова знаю по слухамъ, Александра же и Ивана Константиновичей Мясняковыхъ знаю потому, что мужъ мой былъ крѣпостнымъ у Мясниковыхъ и служилъ у Бѣляева камердинеромъ. Во время смерти Бѣляева я проживала у него въ домѣ. О духовномъ завѣщаніи Бѣляева я знаю только, что послѣ его смерти сперва говорили, что не осталось завѣщанія, а потомъ, что нашлось. Но кѣмъ и гдѣ была найдена духовная я не слыхала. О фальшивости завѣщанія былъ слухъ и говоръ, но я къ этому не касалась, потому что находилась постоянно въ людской съ дѣтьми. Кѣмъ составлено и подписано завѣщаніе я не слыхала. Мужъ мой мнѣ о завѣщаніи Бѣляева никогда ничего не говорилъ. Слышала я, что послѣ смерти Бѣляева вывезли изъ кабинета его бумаги въ домъ Мясниковыхъ, но когда это было не знаю, и сама я этого не видала. Больше ничего показать не имѣю, присовокупляя, что въ комнатахъ Бѣляева я не служила. (Подписали): За Китаеву Юревичъ, Макалинскій, Смирновъ, Мясниковъ, Венгеровъ, Германъ.

КОНЕЦЪ.

КВАДРИАТ
ЛГУБАР

160

6

P.